

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования Тюменской области

**«ТЮМЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА»**

Л. В. ИВАНОВА

ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Тюмень
2009

ББК 67.408

И18

Иванова Л. В. ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ [Текст]: монография / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Шеслера. – Тюмень: «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права» («ТГАМЭУП»), 2009. – 120 с.

В монографии анализируются актуальные теоретические и практические проблемы эксцесса исполнителя преступления. Раскрывается понятие эксцесса исполнителя преступления, его признаки, проводится разграничение эксцесса со сходными уголовно-правовыми ситуациями, выделяются виды эксцесса.

На основе анализа материалов судебной практики показываются основные проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности, при рассмотрении уголовных дел, связанных с эксцессом исполнителя преступления.

Предлагаются направления совершенствования действующего законодательства в части, касающейся эксцесса исполнителя преступления, и практики его применения. В работе также рассматриваются особенности регламентации эксцесса исполнителя преступления в зарубежном уголовном законодательстве.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов, а также сотрудников правоохранительных органов.

Рецензенты:

А. А. Арямов, д-р. юрид. наук, проф. каф. уголовного права Российской академии правосудия;

С. С. Шеслер, канд. юрид. наук, ст. преподаватель каф. криминалистики и судебной экспертизы ТЮИ МВД РФ.

ISBN 978-5-94221-127-1

© «ТГАМЭУП», 2009

© Иванова Л.В., 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСЦЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	7
§ 1. Понятие, признаки и уголовно-правовое значение эксцесса исполнителя преступления.....	7
§ 2. Отличие эксцесса исполнителя преступления от сходных уголовно-правовых ситуаций.....	22
§ 3. Виды эксцесса исполнителя преступления.....	31
Глава 2. УЧЁТ ЭКСЦЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	45
§ 1. Квалификация действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления.....	45
§ 2. Назначение наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления.....	57
Глава 3. ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	69
§ 1. Общая характеристика эксцесса исполнителя преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран.....	69
§ 2. Эксцесс исполнителя преступления в уголовном законодательстве стран романо-германской правовой системы.....	71
§ 3. Эксцесс исполнителя преступления в уголовном законодательстве стран англосаксонской правовой системы.....	84
§ 4. Эксцесс исполнителя преступления в уголовном законодательстве стран мусульманского права.....	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	99
БИБЛИОГРАФИЯ.....	101
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	117

ОТ РЕДАКТОРА

В современной России преступная активность населения по-прежнему в значительной части выражается в групповых посягательствах. При этом нередко встречаются случаи, когда кто-либо из соучастников совершает преступление, не охватываемое умыслом других соучастников. Надлежащая уголовно-правовая оценка деяний каждого из соучастников преступления предопределяет справедливость назначаемого наказания. Однако, несмотря на законодательное закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации нормы об эксцессе исполнителя преступления, ни в теории, ни в практике не сложилось единообразного понимания данного уголовно-правового явления. Отсутствие однозначного решения многих спорных вопросов влечёт определённые трудности в деятельности судебно-следственных органов.

Вопросы эксцесса исполнителя преступления традиционно затрагивались при изучении отдельных проблем института соучастия. Однако имеющиеся научные работы не исчерпывают всех практических и теоретических проблем, связанных с эксцессом исполнителя преступления. Более того, в теории уголовного права, как уже отмечалось, до сих пор нет единого понимания эксцесса исполнителя преступления.

В предлагаемой работе подробно анализируются различные точки зрения специалистов уголовного права на рассматриваемую проблему, проводится сравнительный анализ норм зарубежного уголовного законодательства.

Научная новизна настоящей работы обусловлена, во-первых, уточнением и системным изложением уголовно-правовых знаний об эксцессе исполнителя преступления. Во-вторых, применением принципа обусловленности к определению эксцесса исполнителя преступления. В-третьих, выделением признаков, отграничивающих эксцесс исполнителя преступления от сходных уголовно-правовых ситуаций. В-четвертых, предложенными авторскими вариантами уголовно-правовой оценки действий соучастников при различных видах эксцесса исполнителя преступления. В-пятых, внесением предложений по совершенствованию отдельных норм Уголовного кодекса РФ в части, касающихся эксцесса исполнителя преступления, и практики их применения. Заслуживает внимания целостная характеристика и типология эксцесса исполнителя преступления, выявленные особенности эксцесса исполнителя преступления в странах романо-германской, англо-саксонской правовых системах, в странах мусульманского права.

Представляется, что данная работа будет интересна научным работникам, студентам-юристам, сотрудникам правоприменительных органов, а также послужит основой для конструктивной научной полемики.

*А. В. Шеслер,
доктор юридических наук, профессор*

ВВЕДЕНИЕ

Значительная распространённость групповых преступлений, ошибки в квалификации преступлений, совершаемых в соучастии, всегда привлекали и продолжают привлекать особое внимание специалистов в области уголовного права. Несмотря на сохраняющуюся в настоящее время тенденцию к снижению числа лиц, совершивших преступление в составе группы, их удельный вес в общем объеме выявленных лиц по-прежнему остается высоким. В 2003 г. он составил 25,3% от общего числа выявленных лиц, в 2004 г. – 26,3%, в 2005 г. – 24,5%, в 2006 г. – 22,3%, в 2007 г. – 20,5%, в 2008 г. – 18,1% [50].

Основная роль в предупреждении групповой преступности принадлежит уголовному закону. В отличие от ранее действовавшего законодательства Уголовный кодекс Российской Федерации [1], введенный в действие с 1 января 1997 г., закрепил ряд новых положений в регламентации института соучастия в преступлении. Одним из таких нововведений является норма об эксцессе исполнителя преступления (ст. 36 УК РФ).

Необходимо отметить, что законодательно положения об эксцессе исполнителя преступления впервые были закреплены в виде отдельной нормы в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [37]. В соответствии со ст. 123 названного Уложения, когда кто-либо из участвовавших в преступлении при содеянии оно, учинил ещё другое, на которое не было между ним и прочими сообщниками предварительного согласия, то он подвергается наказанию по правилам о совокупности преступлений. На этом же основании определяется мера наказания и тех из его сообщников, которые сверх преднамеренного преступления, участвовали и в содеянии сего другого, или же заведомо не препятствовали совершению оно.

Последующие законодательные акты Российской империи не содержали норм, относящихся к эксцессу исполнителя преступления, несмотря на то, что в теории уголовного права сложилось устойчивое мнение о ненаказуемости эксцесса исполнителя преступления при соучастии [см., например: 214, с. 62, 65]. В законодательстве советского периода также не закреплялись нормы об эксцессе исполнителя преступления. Положения об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления нашли отражение лишь в принятых 2 июля 1991 г. Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик (ст. 19), которые так и не вступили в силу с 1 июля 1992 г. вследствие распада СССР.

Согласно ст. 36 действующего в настоящее время УК РФ, эксцессом исполнителя признаётся совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. Проведённый нами анализ уголовных дел о соучастии показал, что эксцесс исполнителя преступления имел место в 9% преступлений, совершённых в соучастии.

Данные опубликованной судебной практики, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросам эксцесса исполнителя преступления, возникающим в ходе рассмотрения конкретных уголовных дел, подтверждают неоднозначность понимания нормы об эксцессе исполнителя преступления. Это выражается в допускаемых ошибках при квалификации преступных деяний, в частности, во вменении всем соучастникам действий, не охватывающихся их умыслом, либо в неправильной уголовно-правовой оценке содеянного соучастниками при установлении эксцесса исполнителя преступления. Подобные ошибки в определённой мере являются следствием недостаточной законодательной регламентации эксцесса исполнителя преступления. Этим обусловлена важность и необходимость научного исследования положений уголовного закона об эксцессе исполнителя преступления.

Актуальным на сегодняшний день представляется исследование норм об эксцессе исполнителя преступления не только в отечественном, но и зарубежном уголовном праве, определение чётких критериев уголовно-правовой оценки содеянного в условиях эксцесса, разработка предложений по совершенствованию законодательной регламентации эксцесса исполнителя преступления и практики его применения.

Выводы и рекомендации, содержащиеся в работе, основаны на изучении материалов опубликованной судебной практики Верховных Судов СССР и Российской Федерации (РСФСР), касающиеся применения норм об эксцессе исполнителя преступления, за период с 1987 по 2008 гг.; материалов 300 уголовных дел, рассмотренных районными судами г. Тюмени за период с 2003 по 2008 гг., по преступлениям, совершённым в соучастии.

Кроме того, было проведено выборочное социологическое исследование в г. Тюмени и Тюменской области – экспертный опрос следователей органов внутренних дел (128 чел.), Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Тюменской области, в том числе его территориальных следственных отделов (72 чел.).

Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСЦЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие, признаки и уголовно-правовое значение эксцесса исполнителя преступления

В теории уголовного права дискуссионными вопросами об эксцессе исполнителя преступления, требующими рассмотрения, являются следующие проблемы: определение понятия эксцесса исполнителя преступления; установление причинной и виновной связи между преступлением, образующим эксцесс исполнителя преступления, и деянием других соучастников; возможность признания эксцессом преступления, совершённого исполнителем по неосторожности; установление эксцесса исполнителя преступления при совершении им менее тяжкого преступления по сравнению с первоначально планировавшимся; возможность эксцесса исполнителя при изменении в субъективной стороне преступления; признание эксцесса со стороны других соучастников, кроме исполнителя преступления.

Как отмечалось, к определению понятия эксцесса исполнителя преступления исследователи в области уголовного права подходят с разных позиций.

Так, большинство авторов под эксцессом исполнителя понимают совершение им таких действий, которые не охватывались умыслом остальных соучастников [см., например, 69, с. 22; 85, с. 36; 101, с. 17; 111, с. 195; 229, с. 152]. Аналогичного мнения придерживаются практикующие работники (81% от общего числа опрошенных следователей г. Тюмени и Тюменской области). Очевидно, что в определённой мере это связано с закреплением аналогичного определения эксцесса исполнителя в российском уголовном законодательстве.

В первой половине XX в. под эксцессом исполнителя понималось совершение им преступления, не охватывающегося предвиденьем отдельного соучастника. Такой позиции придерживался, в частности, Ф.Г. Бурчак [92, с. 182], А.А. Пионтковский [188, с. 587], Б.С. Утевский [243, с. 13]. В учебниках по общей части уголовного права, изданных коллективом авторов Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) в 1938, 1939 гг., рассматривался эксцесс исполнителя преступления, под которым понималось совершение исполнителем того, что не охватывалось предвиденьем отдельного соучастника, как элементом его прямого или эвентуального умысла [цит. по: 122, с. 91].

В настоящее время среди практикующих работников также встречаются аналогичные мнения. Анкетирование следователей г. Тюмени и Тюменской области показало, что 6% от общего числа опрошенных под эксцессом исполнителя понимают совершение им преступления, которого другие соучастники не предвидели.

Другие ученые, являющиеся сторонниками соглашения как необходимого признака соучастия (У.Э. Лыхмус, М.А. Шнейдер и другие), полагают, что эксцесс исполнителя преступления будет во всех случаях, когда имеется нарушение сговора [см.: 168, с. 16; 261, с. 83]. А.В. Ушаков отмечает: «изуче-

ние материалов судебной практики показывает, что там, где речь идет об эксцессе исполнителя, выделяются два основных признака: признак выхода исполнителя (соисполнителя) за рамки предварительного сговора и признак совершения им другого самостоятельного преступления, который предусмотрен в Особенной части УК в качестве основного» [245, с. 243].

Отдельные исследователи считают, что определение эксцесса через категорию «умысел» в ст. 36 УК РФ необоснованно расширяет рассматриваемое понятие. В таком виде эксцессом будет являться любое стороннее преступление, совершённое исполнителем вне рамок соучастия. Поэтому эксцесс – это выход за пределы соглашения с другими соучастниками [см., например: 117, с. 80 – 81]. По мнению А.П. Козлова, при эксцессе исполнителя очень важно установить характер и объем соглашения, определить отношение соучастников к различным элементам преступления [139, с. 329]. Судебная практика РСФСР также придерживалась позиции, что ответственность соучастников определяется пределами соглашения, сговора [см., например, 47, с. 3; 46, с. 10 – 11]. Аналогичную позицию занимает Верховный Суд РФ при рассмотрении случаев совершения эксцесса исполнителя преступления в группе лиц, группе лиц по предварительному сговору (например, абз. 2 п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [39]; абз. 2 п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 15 нояб. 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений» [41]).

Из общего числа опрошенных следователей г. Тюмени и Тюменской области 25% человек также под эксцессом понимают совершение исполнителем преступления, выходящего за пределы сговора (соглашения) с другими соучастниками.

Применительно к вышеназванным точкам зрения считаем необходимым отметить следующее.

Рассмотрение эксцесса исполнителя преступления через категорию «предвиденье» представляется неточным. Несмотря на то, что в деянии, совершённом по легкомыслию или небрежности, момент наступления преступного результата всегда содержит элемент неожиданности, внезапности [219, с. 66], предвиденье соучастниками общественно опасных последствий своего преступного деяния присутствует не только при наличии умысла, но и при такой разновидности неосторожной формы вины, как легкомыслие. В итоге возможно расширение рамок ответственности соучастников при совершении исполнителем иного преступления. Однако соучастник должен также осознавать общественно опасный характер своих действий или своего бездействия, осознавать способ содействия преступлению или способ воздействия на исполнителя, осознавать общественную опасность и характер совершаемого исполнителем преступления (что включает и предвиденье последствий в преступлениях с материальным составом) и желать именно избранным способом принять участие в совместном совершении преступления [203, с. 123]. Таким

образом, категория «предвиденье» не отражает в полной мере сущность эксцесса исполнителя преступления и отношение других соучастников к нему.

Понимание эксцесса исполнителя преступления, как выхода за пределы сговора с другими соучастниками, представляется узким подходом, так как сговор является одним из проявлений совместности действий соучастников. Подобное толкование эксцесса отрицает возможность эксцесса исполнителя в преступлениях, совершаемых группой лиц без предварительного сговора, что встречается на практике. Например, одно лицо совершает открытое хищение имущества у прохожего, не имея целью причинения каких-либо телесных повреждений. Другое лицо к нему присоединяется и в процессе завладения чужим имуществом наносит потерпевшему удары ножом, от которых наступает смерть потерпевшего, что является эксцессом со стороны этого лица.

Определение эксцесса исполнителя преступления через категорию «соглашение» заслуживает одобрения, но лишь в случае, когда сговор и соглашение не рассматриваются как равнозначные понятия. Еще Н.С. Таганцев писал, что соглашение, как выражение объединения в виновности, должно предшествовать учинению преступного деяния или по крайней мере предшествовать тому акту, в котором выразилось участие данного обвиняемого. Но это соотношение между решимостью действовать сообща и действительным участием, так же как и при совершении отдельного преступного деяния, может иметь различные оттенки [224, с. 334]. Сговор рассматривался Н.С. Таганцевым именно как соучастие по предварительному соглашению [224, с. 335].

Действительно, соглашение имеет место как в группе лиц по предварительному сговору, когда соглашение предшествует выполнению объективной стороны состава преступления, так и в группе лиц, когда оно достигается в процессе выполнения объективной стороны состава преступления. В первом случае соглашение является предварительным. Поэтому представляется излишним употребление в ч. 2 ст. 35 УК РФ слов «по предварительному», так как сговор уже предполагает наличие предварительного соглашения.

Однако учитывая, что на настоящий момент в Уголовном кодексе РФ не содержится термина «соглашение», определение эксцесса через данную категорию также может повлечь неоднозначное толкование рассматриваемого уголовно-правового явления. В связи с этим представляется, что понимание эксцесса исполнителя как преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, наиболее полно отражает его суть.

Учитывая, что по уголовному закону соучастие представляет собой умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, исполнитель преступления, допускающий эксцесс, выходит именно за пределы общего умысла. Вместе с тем подобное определение эксцесса влечет широкое его понимание в части признания эксцессом любого преступления, совершённого вне соучастия.

Поэтому считаем необходимым введения критерия, отграничивающего эксцесс от других сторонних преступлений, совершённых вне соучастия. Таким критерием будет являться признание предшествующей деятельности со-

участников необходимым условием совершения преступления-эксцесса. Условие является необходимым, когда без него или без замены его равноценным преступлением, представляющее собой эксцесс, не было бы совершено. Например, соучастники решили совершить разбой через неделю, а исполнитель преступления в течение этой недели совершает изнасилование. Согласно предложенному критерию, данное преступление имеет самостоятельный характер и не относится к эксцессу как таковому. В случае же, когда соучастники договариваются совершить разбой, а исполнитель, попадая в квартиру потерпевшей, кроме этого совершает её изнасилование, со стороны исполнителя имеется эксцесс, так как он находился в квартире потерпевшей вследствие содействия других соучастников преступления. Именно их предшествующая деятельность обусловила поведение исполнителя, выступила тем необходимым условием, без которого изнасилование не было бы совершено.

Так же как и в теории необходимого условия, выступающей одной из теорий причинности, для установления необходимости условия можно применить приём мысленного исключения. Если вне зависимости от деятельности соучастников исполнителем все равно было бы совершено данное преступление, то это исключает обусловленность его поведения предшествующей деятельностью соучастников, а значит, нет и соучастия, характеризующегося общим умыслом, за пределы которого мог бы выйти исполнитель.

Вместе с тем установление необходимого условия не влечёт ответственности соучастников за любые действия исполнителя, так как признание деятельности соучастников необходимым условием для совершения исполнителем преступления-эксцесса не означает ещё наличия причинной связи, которая «является той объективной границей, дальше которой не может простирается ответственность за соучастие» [253, с. 341].

Как отмечалось выше, проблема установления причинной и виновной связи при эксцессе исполнителя преступления не находит однозначного решения в теории уголовного права. Эксцесс исполнителя, который рассматривается в рамках соучастия, представляет в целом самостоятельное деяние, не охватываемое умыслом других соучастников. Это дало основание утверждать ученым об отсутствии причинной связи при эксцессе исполнителя.

Так, П.Ф. Тельнов отмечает, что поведение соучастников «утрачивает причинную и виновную связь с преступлением, совершаемым в условиях эксцесса, что и исключает ответственность за него остальных соучастников» [229, с. 153]. Аналогичного мнения придерживается В.А. Григорьев [110, с. 53], А.В. Ушаков [244, с. 17]. Противоположную позицию высказывает В.С. Прохоров, который полагает, что «эксцесс исполнителя имеется лишь тогда, когда деяние, совершённое им, находится в причинной связи с действиями соучастников. Отсутствие этой связи означает отсутствие эксцесса исполнителя» [197, с. 632]. Ф.Г. Бурчак считает, что в случаях количественного эксцесса действие, совершённое исполнителем, находится в причинной связи с действиями других соучастников, поскольку именно они дают толчок или оказывают содействие этому действию [93, с. 208]. По мнению М.И. Ковалева, при коли-

чественном эксцессе налицо, как причинная связь, так и умышленная вина [137, с. 183]. При этом авторы рассматривают так называемые однородные преступления (например, соучастники замыслили кражу, а исполнитель совершил разбой). А.Ю. Корчагина полагает, что причинная связь между действиями других соучастников и последствиями преступления, совершённого исполнителем, либо отсутствует, либо носит случайный характер [148, с. 63]. У.С. Джекебаев, О.Л. Цвиренко считают, что при количественном эксцессе действия соучастников только внешне (как бы в целом) находятся в причинной связи с действиями исполнителя, но именно та часть действия исполнителя, которая образует эксцесс, стоит вне этой объективной связи.

Поэтому соучастники отвечают при эксцессе исполнителя только за те преступления, совершению которых они содействовали и которые охватывались их предвиденьем [115, с. 132; 250, с. 21]. Для решения вопроса о наличии или отсутствии причинной связи при эксцессе исполнителя преступления, прежде всего необходимо определить, что понимается под причинной связью при соучастии. В настоящее время существуют различные теории причинных связей [см., например, 160, с. 185 – 239; 241, с. 93 – 107; 246, с. 92 – 100; 253, с. 72 – 192; 263, с. 308 – 393], характеризующиеся различными условиями привлечения лица к уголовной ответственности. Не углубляясь в суть данной проблемы, необходимо отметить следующее. Сложность установления причинной связи при соучастии в преступлении заключается в том, что преступный результат причиняет исполнитель (соисполнитель), действия же остальных участников создают для этого результата лишь условия [138, с. 52]. С.А. Арутюнов, исходя из системной природы соучастия, под причинной связью при соучастии в преступлении предлагает понимать объективно существующую генетическую связь между интегрированными действиями соучастников и наступившими последствиями, когда такие действия являются системной причиной, а последствия с необходимостью (но не случайно) закономерно следуют как результат этих действий [74, с. 26].

Из этого вытекает, что действия отдельного соучастника не должны рассматриваться как самостоятельная причина или условие общего результата. При совершении преступления в соучастии сами интегрированные действия соучастников носят системный характер и поэтому выступают в качестве системной причины наступившего результата. Вычленять из интегрированных действий соучастников действия исполнителя (да и любого другого соучастника), назвав только их причиной, нельзя. Причина преступного результата – не действия отдельного соучастника, а взаимодействие соучастников [74, с. 26]. Как справедливо отмечает А.В. Шеслер, причинная связь между действиями каждого из соучастников и общим для них преступным результатом может носить различный характер. Она является прямой только в случае группового посягательства, когда действия каждого из соисполнителей содержат реальную возможность наступления преступного результата. При соучастии с юридическим разделением ролей прямая причинная связь есть только между действиями исполнителя и преступным результатом, причинная связь между

действиями других соучастников и преступным результатом является опосредованной, поскольку их действия влияют на преступный результат через деятельность исполнителя [258, с. 11].

Для вменения наступившего последствия всем соучастникам, прежде всего необходимо доказать, что действия каждого из них объективно способствовали наступлению этого последствия [170, с. 235]. Действия исполнителя, совершённые с помощью соучастников, и преступный результат должны выступать как закономерное и необходимое последствие всей совокупной деятельности соучастников [137, с. 48]. Повлечь уголовную ответственность (в рамках объективной стороны) может лишь такое деяние, которое не только является необходимым условием причинения вредных последствий, но и создает реальную возможность их наступления (или, что то же самое, ставит объект преступления в ситуацию опасности причинения ему вреда) [159, с. 255].

При совершении исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, общий для них преступный результат либо вообще не достигается, либо помимо основного объекта страдают ещё и другие отношения, что не осознавалось и не предвиделось соучастниками. Вышеуказанные свойства причинной связи между действиями соучастников и наступившими последствиями в результате совершения исполнителем преступления, образующего эксцесс, отсутствуют, что и исключает уголовную ответственность соучастников за эксцесс исполнителя преступления.

Помимо отсутствия причинной связи, при эксцессе исполнителя преступления отсутствует также и вина других соучастников. В уголовно-правовой теории существуют различные определения вины [см., например: 127, с. 27 – 30; 182, с. 67]. Традиционно сущность вины в российском праве указывает на способ интеллектуального и волевого взаимодействия субъекта с объективными обстоятельствами, составляющими юридическую характеристику деяния [204, с. 13]. Соотношение названных интеллектуального и волевого элементов позволяет определить преступное поведение лица как умышленное или неосторожное [237, с. 140]. Умысел соучастника при соучастии не только охватывает объективные процессы собственного общественно опасного поведения, но и дополняется сознанием участия в совершении того же преступления другого лица и желанием действовать вместе с ним в осуществлении согласованных стремлений [229, с. 43].

Как отмечает М.И. Ковалёв, при эксцессе исполнителя интеллектуальный и волевой моменты умысла соучастников характеризуются отсутствием у подстрекателя и пособника сознания того, что исполнитель выйдет за пределы задуманной преступной деятельности или совершит иное, более квалифицированное преступление, нежели то, на которое его уполномочивали [137, с. 182]. Отсутствие виновной связи предполагает, что соучастники не осознавали, не предвидели и не желали совершения исполнителем иного преступления.

Вместе с тем причинная и виновная связь при совершении преступления в условиях эксцесса в ряде случаев сохраняется. Так, совершение исполнителем преступления при квалифицирующих обстоятельствах, не охватываемых

умыслом иных соучастников, или при отсутствии квалифицирующих обстоятельств, первоначально охватываемых их умыслом, не разрывает объективную связь между деянием исполнителя и действиями соучастников и не исключает вину соучастников. Например, если соучастники замыслили и подготовили убийство, а исполнитель совершил убийство с особой жестокостью. В такой ситуации соучастники несут ответственность за оконченное убийство без отягчающих обстоятельств, совершённое в соучастии, особая жестокость вменяется только исполнителю [257, с. 103]. Как отмечает А.Э. Жалинский, если лицо стремится сделать потенциальную причинную связь более надёжной и для этого прибегает, например, к особой жестокости или дополнительным изощрённым способам обмана, то оценка такого рода действий выводится за пределы причинной связи. Они оцениваются как способ преступления в рамках поведенческой характеристики объективной стороны преступления либо по субъективной стороне [120, с. 96].

Отсутствие вины и причинной связи действий соучастников с результатом фактически выполненного исполнителем преступного посягательства проявляется только в части квалифицированного состава, представляющего собой эксцесс (в рассматриваемом случае – убийство с особой жестокостью). В части основного состава причинная и виновная связь сохраняется, что и позволяет применять нормы о соучастии. Так, в рассматриваемом случае вследствие совершенного преступления была причинена смерть лицу, что и готовилось изначально соучастниками, осознавалось ими, и они стремились к достижению именно этого результата. При этом изменился способ совершения преступления. Однако это не повлекло такого изменения объективной стороны состава преступления, которое привело бы в итоге к совершению нового преступления, запрещённого другой статьёй уголовного закона. Вред был причинен именно тому объекту, который охватывался изначально умыслом соучастников.

Аналогично решается вопрос о причинной и виновной связи и в других преступлениях, совершаемых при наличии или отсутствии квалифицирующих обстоятельств.

В советской литературе высказывались мнения, в соответствии с которыми в случае совершения исполнителем преступления с квалифицирующими обстоятельствами соучастникам всегда следует вменять их в вину. Так, А.Н. Трайнин писал: «подстрекатель может и не знать, когда и где склонённый им к преступлению это преступление совершит. Незнание способа совершения преступления исполнителем имеет такое же значение; это незнание также не исключает умысла соучастника (подстрекателя или пособника), не исключает, следовательно, ответственности соучастника за совершённое исполнителем преступление, хотя бы способ совершения и являлся специально предусмотренным в законе квалифицирующим обстоятельством» [234, с. 155]. Однако данная точка зрения обоснованно подверглась критике ввиду того, что она фактически ведёт к объективному вменению [см., например: 111, с. 197].

Итак, для эксцесса исполнителя преступления характерны такие основные признаки, как отсутствие вины других соучастников и отсутствие причинной связи между наступившими последствиями в результате совершения исполнителем преступления, образующего эксцесс, и действиями других соучастников. Вместе с тем предшествующая деятельность соучастников выступает необходимым условием совершения исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников.

Далее рассмотрим, образует ли эксцесс неосторожное преступление, совершённое исполнителем. В законодательном определении эксцесса исполнителя преступления отсутствует указание на форму вины исполнителя, что и влечет его широкое толкование. Так, ряд авторов придерживается точки зрения, что с субъективной стороны эксцесс исполнителя преступления характеризуется как умышленными, так и неосторожными действиями [см., например: 110, с. 53; 121, с. 33; 169, с. 57; 188, с. 587; 247, с. 205; 251, с. 148]. Однако при таком подходе сложно развести эксцесс исполнителя преступления с такими уголовно-правовыми явлениями, как ошибка и посредственное причинение, что будет рассмотрено более подробно в следующем параграфе. Представляется, что именно эксцессом следует считать лишь случаи совершения исполнителем преступления умышленно. Исполнитель, совершая иное преступление с умышленной формой вины, выходит за пределы умысла других соучастников сознательно и стремится к наступлению именно данных последствий. Совершение же исполнителем преступления по неосторожности, повлекшего последствия, не охватывающиеся умыслом остальных соучастников, не содержит такого элемента. Как отмечает Н.И. Панов, общественно опасные последствия, как признак состава неосторожного преступления, не выступают компонентом мотивационной и целеполагающей деятельности субъекта [185, с. 49].

Кроме того, если учитывать, что эксцесс образует преступление, выходящее за пределы умысла других соучастников, а по уголовному закону соучастием признается лишь умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (то есть исключается соучастие в неосторожном преступлении), то не может быть и эксцесса исполнителя при совершении неосторожного преступления. Поэтому исполнитель, выходя за пределы умысла соучастников, должен действовать только умышленно. При этом умысел при эксцессе может быть как прямой (и только конкретизированный), так и косвенный.

В подобных ситуациях исполнитель осознаёт общественную опасность своего деяния, предвидит наступление общественно опасных последствий, желает их наступления, либо относится к ним безразлично. Умысел при эксцессе исполнителя преступления может быть заранее обдуманым или внезапно возникшим. Деяние исполнителя при совершении им преступления с неконкретизированным умыслом нельзя признать эксцессом, поскольку в этом случае невозможно осуществить выход за пределы умысла соучастников [211, с. 76]. Соучастники, действовавшие с неопределённым умыслом, отве-

чают за фактически причинённый исполнителем вред [121, с. 33]. Их умыслом охватывается причинение исполнителем любых общественно опасных последствий.

Спорным в науке уголовного права является и вопрос о признании эксцессом исполнителя совершения им менее тяжкого преступления по сравнению с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников. Если следовать лексическому значению термина «эксцесс», то под ним следует понимать лишь случаи совершения более тяжкого преступления по сравнению с первоначально планировавшимся.

Так, в переводе с латинского термин «эксцесс» означает «выход, отступление, уклонение» и определяется как крайнее проявление чего-либо, излишество, неумеренность; острое столкновение, нарушение общественного порядка [184, с. 591; 217, с. 578]. Еще среди дореволюционных ученых одни (А.Ф. Кистяковский, С.В. Познышев и другие) использовали данный термин применительно к тем случаям, когда исполнитель выходит за пределы умысла соучастников и совершает более тяжкое преступление [см.: 133, с. 198; 191, с. 394].

Другие исследователи (Г.Е. Колоколов, Н.С. Таганцев, И.Я. Хейфец и другие) употребляли данный термин в более широком смысле и рассматривали в качестве эксцесса все случаи, когда результат деятельности исполнителя не совпадал с тем, что было задумано [см.: 142, с. 191; 225, с. 781; 249, с. 79].

В настоящее время также нет единства по рассматриваемой проблеме. Одни исследователи считают, что эксцесс исполнителя имеет место как при совершении им более тяжкого преступления, так и менее тяжкого преступления по сравнению с первоначально планировавшимся [см., например: 147, с. 18; 231, с. 140; 232, с. 20 – 21; 264, с. 490]. Другие авторы считают, что об эксцессе исполнителя можно и нужно говорить лишь тогда, когда совершается более тяжкое преступление, чем было задумано соучастниками. При совершении исполнителем менее тяжкого преступления по сравнению с тем, что было оговорено, у него имеется добровольный отказ от совершения более тяжкого преступления [164, с. 446]. Аналогичного мнения придерживается В.А. Якушин, отмечая, что «при совершении менее тяжкого преступления в действиях исполнителя по сути есть его добровольный отказ и складывается парадоксальная ситуация: лицо добровольно отказалось от совершения преступления, а его признают лицом, допустившим эксцесс» [144, с. 78].

У правоприменителей также нет единого понимания данного вопроса. Так, 66,5% от общего числа опрошенных следователей г. Тюмени и Тюменской области полагают, что эксцессом следует признавать совершение исполнителем как более тяжкого, так и менее тяжкого преступления по сравнению с ранее планировавшимся; 22% от общего числа опрошенных считают, что эксцессом исполнителя преступления является совершение им только более тяжкого преступления по сравнению с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников; 11,5% от общего числа опрошенных утверждают, что об эксцессе необходимо вести речь при совершении исполнителем не

только более тяжкого преступления по сравнению с ранее планировавшимся, но и равной степени тяжести.

Действительно, когда исполнитель преступления отступает от умысла других соучастников, совершая менее тяжкое преступление, в деянии такого лица присутствуют признаки как добровольного отказа от преступления, так и эксцесса. Однако и при совершении исполнителем более тяжкого преступления по сравнению с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, возможен добровольный отказ от менее тяжкого преступления. Нельзя забывать и о случаях, когда исполнитель совершает преступление равной степени тяжести с первоначально задуманным преступлением, так как в подобных ситуациях исполнитель также выходит за пределы умысла соучастников, совершая деяние, содержащее в себе признаки иного состава преступления. Например, соучастники предварительно договариваются на совершение группового вымогательства, а исполнитель совершает неквалифицированную разбой.

Представляется, что в случае совершения исполнителем преступления любой степени тяжести по сравнению с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, когда лицо добровольно и окончательно отказалось от совершения последнего при осознании возможности его доведения до конца, его действия следует рассматривать как добровольный отказ от первоначально планируемого преступления.

Но в то же время новое преступление, совершённое исполнителем, образует эксцесс. Вместе с тем, если совершённое исполнителем преступление-эксцесс связано с достижением цели, которая стояла перед преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, то в действиях такого лица добровольный отказ от первоначально планируемого преступления отсутствует. Следовательно, эксцессом исполнителя преступления следует признавать совершение исполнителем самостоятельно как более тяжкого преступления по сравнению с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, так и менее тяжкого, а также преступления равной степени тяжести.

Традиционно считается, что отклонение в деятельности исполнителя от того, к чему его склонили организатор или подстрекатель, либо чему оказывал содействие пособник, возможно лишь в части объекта или объективной стороны состава преступления [93, с. 205; 83, с. 128; 148, с. 100], то есть эксцесс исполнителя затрагивает лишь объективную сферу. Однако эксцесс исполнителя преступления возможен и в отношении субъективной стороны состава преступления (в частности, изменение мотивов и целей совершения преступления). Например, к преступлению, подготовленному всеми соучастниками, добавляются корыстные побуждения исполнителя.

Так, Ральников, Парфёнов и Юсупов похитили Юркова, Ухов незаконно лишил его свободы. Кроме того, Парфёнов вымогал у Юркова деньги в сумме 400 000 руб. Преступления совершены при следующих обстоятельствах. Ральников решил найти Юркова, чтобы вернуть инструмент, взятый Юрковым с

предприятия, принадлежащего отцу Ральникова. Зная о том, что в отношении Юркова имеется уголовное дело, Ральников обратился к своему знакомому сотруднику милиции Парфёнову, который по его просьбе, проверив эту информацию, подтвердил её и сообщил Ральникову время, в которое Юрков вызван к дознавателю. 04.07.2006 г. Ральников, Парфёнов и Юсупов по предварительному сговору между собой с целью похищения Юркова на разных автомашинах приехали к УВД. Парфёнов вывел Юркова и посадил в автомобиль под управлением Юсупова, в котором также находился Ральников. Парфёнов высказывал в адрес потерпевшего угрозы убийством и применения насилия с целью удержания и подавления сопротивления. Во время похищения Юркова и перемещения его в автомобиле Парфёнов под угрозой применения к потерпевшему насилия потребовал у Юркова передачи лично ему денег в сумме 400 000 руб. за то, что он его искал, потратив на это деньги. Когда Юркова привезли на дачу к Ухову, Парфёнов, продолжая реализовывать умысел на вымогательство, под угрозой убийства и применения насилия потребовал от Юркова оформить кредит на свое имя на сумму 400 000 руб. [57, с. 144 – 179].

В данном деле к похищению человека, совершённого группой лиц по предварительному сговору, добавляются корыстные побуждения Парфенова, так как между соучастниками не было сговора на вымогательство денежных средств от потерпевшего. Здесь также имеется эксцесс, при условии, что данные мотивы не охватывались умыслом остальных соучастников. В противном случае они вменяются в ответственность не только исполнителю преступления, но и другим соучастникам, если они их осознавали, пусть даже и не разделяли, и действовали по иным мотивам и целям, чем исполнитель [115, с. 134].

Подобные отклонения в субъективной сфере должны иметь уголовно-правовое значение и влечь уголовно-правовые последствия, выражающиеся в различной квалификации деяний соучастников. Если же конкретный состав не содержит в качестве конструктивных элементов определённые мотивы и цели, но они имеются на стороне отдельных участников группового посягательства, другие могут о них ничего не знать. В таком случае для оценки содеянного, как совершённого группой, достаточно установить, что соучастники сознавали конструктивные объективные и субъективные признаки преступления в самых общих чертах [103, с. 103].

От эксцесса в отношении субъективных признаков состава преступления необходимо отличать ситуации, когда соучастники изначально руководствовались разными мотивами, преследовали разные цели. Так, 26.02.2006 г. Зуев в присутствии Тегенцева и Богданова потребовал от Королевич передачи ему денег. Получив отказ, Богданов и Зуев осмотрели карманы одежды Королевич, похитив кожаные перчатки, денежные средства. Свои действия в ходе осмотра одежды сопровождали нанесением ударов кулаками по лицу потерпевшего. Тегенцев, находясь рядом с Королевич, Богдановым и Зуевым, в ходе ссоры с Королевич, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, до начала действий по открытому хищению имущества потерпевшего Зуевым и Богдановым, нанес три удара кулаком в лицо Королевич.

После изъятия Богдановым и Зуевым у Королевич кожаных перчаток, нанес еще несколько ударов. Затем продолжил нанесение ударов потерпевшему после изъятия Богдановым денег у потерпевшего. Всего нанес не менее семи ударов, не причинивших вред здоровью. При нанесении ударов требований о передаче имущества не высказывал [61, с. 195 – 204]. Несмотря на видимую согласованность действий подсудимых, действия последних носили самостоятельный характер. Судом установлено, что все подсудимые наносили неоднократные удары потерпевшему, но Зуев и Богданов – с целью подавления возможного сопротивления со стороны потерпевшего в период совершения открытого хищения, Тегенцев в ходе ссоры с Королевич в тот же период, но без цели хищения. Действия Зуева и Богданова судом квалифицированы по п. г ч. 2 ст. 161 УК РФ у каждого как грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершённый с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Действия Тегенцева квалифицированы по ч. 1 ст. 116 УК РФ как нанесение побоев, не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ. В данном случае эксцесса исполнителя преступления нет, так как отсутствует единство намерений, охватываемое умыслом соучастников, за пределы которого возможно выйти.

Далее, нет единого мнения и о возможности признания эксцесса со стороны не только исполнителя, но и других соучастников преступления. Из общего числа опрошенных следователей г. Тюмени и Тюменской области лишь 18,5% считают, что эксцесс возможен со стороны других соучастников преступления, кроме исполнителя. Из них 67% отмечают, что эксцесс может допустить любой соучастник преступления, 33% полагают, что наряду с исполнителем за пределы умысла может выйти только пособник. В литературе также неоднократно высказывались мнения о возможности допущения эксцесса со стороны не только исполнителя, но и со стороны любого другого соучастника [см., например: 66, с. 19; 140, с. 33; 173, с. 84; 228, с. 154].

Имеются и противоположные точки зрения на данную проблему. По мнению В.Г. Усова, «именно исполнитель реализует задуманное совместное преступление, а не организатор, подстрекатель и пособник. И именно в этом случае требуется положение, которое бы исключало ответственность других соучастников за деяние исполнителя, не охватываемое их умыслом. Законодатель ставит вопрос о возможности вменения содеянного исполнителем другим соучастникам: организатору, подстрекателю и пособнику, а не наоборот» [240, с. 144]. Не возражая против этого, необходимо отметить, что данные положения применимы всецело к ситуации, когда организатор, подстрекатель и пособник действуют с единым умыслом, а исполнитель совершает действия, выходящие за пределы этого умысла.

Однако возможны ситуации, когда кто-либо из соучастников (не обязательно исполнитель) на стадии приготовления к преступлению совершит какое-либо преступное деяние, выйдя тем самым за пределы умысла остальных соучастников. Например, подстрекатель к убийству действует из корыстных побуждений, исполнитель – из ревности.

А.Ф. Ананьин в опровержение возможности эксцесса пособника преступления отмечает, что, во-первых, если исполнитель одного преступления склоняет пособника совершить другое преступление для облегчения исполнения первого, то их роли меняются – исполнитель превращается в подстрекателя, а пособник – в исполнителя. Выход последнего за пределы совместно задуманного деяния является эксцессом исполнителя. Во-вторых, если исполнитель, обращаясь к пособнику, просит его достать какие-либо предметы или выполнить действия, облегчающие совершение «собственного» преступления, не предполагая, что тот в процессе выполнения поручения по собственной инициативе совершит иное самостоятельное преступное деяние, то пособник и в такой ситуации превращается в исполнителя этого иного преступления [70, с. 94]. Поэтому проблема эксцесса в соучастии сводится к проблеме эксцесса исполнителя [145, с. 188]. Относительно приведённых примеров необходимо отметить, что, действительно, соучастник, выходя за пределы умысла остальных соучастников, становится исполнителем, но уже нового, совершённого только им деяния. В отношении же ранее планировавшегося преступления, которое охватывалось умыслом других соучастников, он являлся организатором или подстрекателем, или пособником.

Так, П.Ф. Тельнов указывал на то, что «в процессе реализации общего преступного замысла не только исполнитель, но и другие соучастники могут нарушить согласованную линию поведения и совершить посягательство, не предусмотренное сговором. Пособник, например, добывающий для исполнителя намечаемого хищения огнестрельное оружие, может приобрести вместо обусловленного ружья пистолет, чем кроме пособничества хищению совершит другое преступление – незаконное приобретение и ношение огнестрельного оружия [228, с. 154]. Или лицо пообещало достать транспортное средство для перевозки похищенного имущества и с этой целью совершает убийство владельца автомобиля, или, пообещав отвлечь внимание сторожа, оно причиняет ему смерть [149, с. 126].

Организатор и подстрекатель, взявшиеся по сговору с другими соучастниками склонить еще одного человека к преступлению, могут в попытке подавить сопротивление применить непредусмотренное насилие и т.п.» [228, с. 154]. В приведённых примерах налицо эксцесс не исполнителя, а иных соучастников преступления. При этом возможно перерастание эксцесса соучастника в одном преступлении в эксцесс исполнителя другого преступления. Так, соучастник допускает эксцесс в отношении преступления, охватываемого умыслом других соучастников, где он является организатором, подстрекателем или пособником, и это будет эксцессом соучастника. Если же новое преступление совершается им в соучастии с другими субъектами, то при исполнении объективной стороны этого нового состава преступления, им также может быть допущен эксцесс, но это уже будет являться эксцессом исполнителя преступления.

Итак, эксцесс может совершить любой из соучастников преступления. Однако в случае наличия на стороне соучастников неконкретизированного или

альтернативного умысла, если ими осознавались, предвиделись и допускались различные варианты и способы совершения другим соучастником преступления, в том числе приотягчающих обстоятельствах, то эксцесс со стороны такого соучастника для них исключается, и они должны нести ответственность за содеянное наравне с ним.

Вместе с тем в судебной практике случаи эксцесса со стороны других соучастников практически не фиксируются. Так, из общего числа изученных нами уголовных дел о соучастии эксцесс организатора, подстрекателя или пособника не встретился ни разу. Подобную практику можно объяснить не только законодательным закреплением эксцесса лишь исполнителя преступления, но и сложностью установления эксцесса со стороны других соучастников, ошибками в квалификации деяний, когда действия пособника, подстрекателя оцениваются судом как соисполнительство.

Не всякое отклонение от общего умысла является юридически значимым и образует эксцесс. Так, изменение согласованной линии поведения, которое по существу не выходит за пределы умысла соучастников и касается обстоятельств, не влияющих на юридическую оценку преступления, не является эксцессом исполнителя преступления. Если исполнитель убийства вместо намеченного использования огнестрельного оружия применит нож, пределы соглашения соучастников по существу не нарушаются. Нового либо того же, но более опасного преступления не совершается, и эксцесса соучастника не возникает [229, с. 156]. Это объясняется тем, что в подобных ситуациях сохраняется причинная и виновная связь между наступившим результатом и действиями соучастников.

Рассматривая понятие эксцесса исполнителя преступления, необходимо остановиться и на его уголовно-правовом значении.

Ряд авторов полагают, что участие в умышленном преступлении нескольких лиц повышает общественную опасность такого деяния [см., например: 258, с. 5] и требует повышенной ответственности соучастников в сравнении с деянием, совершённым без соучастия.

Другие исследователи считают, что на общественную опасность преступления влияет не само участие в его совершении нескольких лиц, а результат этого участия [89, с. 9], и соучастники должны отвечать так же, как и лица, совершившие преступление в одиночку. Основанием для данного разногласия является тезис о необходимости отвечать только за собственные действия.

Поскольку при соучастии лица действуют согласованно в направленности единой преступной цели, то и ответственность за совершённое деяние должна быть возложена на каждого соучастника. Однако в какой мере должен отвечать каждый из соучастников, и каким образом дифференцировать их ответственность в уголовном законе – это не простая проблема [153, с. 118]. Безусловно, в ответственности соучастников имеются свои особенности, связанные с институтом соучастия, но прежде всего, ответственность соучастников должна основываться на тех же принципах, на которых покоится ответственность отдельного преступника за совершённое им преступление [126, с.

53]. Так, юридическим основанием ответственности участников группового преступления является наличие в действиях каждого из них признаков конкретного состава преступления [260, с. 39 – 40].

Традиционно в теории уголовного права к вопросу об ответственности соучастников подходили либо с позиции акцессорной теории ответственности соучастников, при которой устанавливалась абсолютная зависимость ответственности и наказания соучастников от ответственности и наказания, назначаемого исполнителю преступления, либо с позиции самостоятельности ответственности соучастников от действий исполнителя.

В последнее время все чаще указывается на смешение теорий акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников и признается, что при квалификации действий соучастников присутствуют признаки обеих теорий. Это находит выражение в частичном признании принципа акцессорности соучастия в преступлении [см., например: 137, с. 177 – 179].

Принцип самостоятельной ответственности соучастников преступления отвергает возможность ответственности за действия, к которым лицо не причастно и в совершении которых оно не виновно. Каждый соучастник преступления несёт ответственность в пределах своей личной вины. Вина соучастника определяется тем, что он делает, что он сознает и чего он желает. Общественная опасность соучастника определяется его деянием, а его вина определяется его психическим отношением к деянию и его последствиям, а не деянием или психическим отношением к деянию исполнителя [255, с. 86].

Применительно к эксцессу исполнителя преступления положения о самостоятельности ответственности соучастников нашли отражение в ряде статей Уголовного кодекса РФ. Согласно ст. 36 УК РФ за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат. В соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью участия каждого из них в совершении преступления. Нельзя привлечь к ответственности соучастника за такие действия исполнителя или за причинение такого вредного последствия, которые не охватывались его (соучастника) умыслом [200, с. 29 – 30].

Умысел соучастника должен включать как осознание общественной опасности своих действий и предвиденье их общественно опасных последствий, так и осознание общественной опасности действий других соучастников, предвиденье и желание либо сознательное допущение общего преступного результата. Из этого положения следует, что пределы ответственности соучастника должны определяться объемом его умысла [85, с. 35].

Вместе с тем, как справедливо отмечает А.В. Шеслер, судьба соучастников находится в определённой зависимости от поведения исполнителя. Это проявляется, во-первых, в том, что без фигуры реального исполнителя нет соучастия в преступлении. Во-вторых, в том, что решение вопроса о стадиях преступной деятельности соучастников зависит от того, на каком этапе завершилась преступная деятельность исполнителя, или от того, совершил ли вообще исполнитель действия, на которые были направлены усилия соучастников

[258, с. 53]. Установление эксцесса исполнителя преступления влечёт в ряде случаев и изменение квалификации деяния других соучастников, что будет рассмотрено во второй главе настоящей работы.

Таким образом, уголовно-правовое значение эксцесса исполнителя преступления заключается, прежде всего, в определении круга лиц, несущих ответственность за совершённое деяние, а также в его влиянии на квалификацию содеянного соучастниками преступления.

На основании изложенного выше, под эксцессом исполнителя преступления необходимо понимать совершение им умышленного преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, в отношении которого предшествующая деятельность соучастников выступает необходимым условием.

В связи с этим статью 36 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«Статья 36. Эксцесс исполнителя преступления

1. Эксцессом исполнителя признаётся совершение исполнителем умышленного преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников.

2. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

3. В случае совершения эксцесса в виде преступления с квалифицирующими обстоятельствами исполнитель, допустивший эксцесс, несёт ответственность за квалифицированный состав преступления, другие соучастники несут ответственность за соучастие в оконченном преступлении, охватывающемся их умыслом».

§ 2. Отличие эксцесса исполнителя преступления от сходных уголовно-правовых ситуаций

Уяснению понятия эксцесса исполнителя преступления, его значения в системе уголовного права России способствует отграничение и соотношение рассматриваемой категории с рядом иных, сходных уголовно-правовых ситуаций, в частности, таких как соучастие, стечение нескольких лиц в одном преступлении (неосторожное сопричинение, посредственное причинение), ошибка и добровольный отказ от преступления.

Исходя из положений ст. 36 УК РФ, эксцесс исполнителя преступления предполагает такие условия, как, во-первых, наличие признаков соучастия при подготовке либо совершении преступления, охватывающегося умыслом всех соучастников, во-вторых, совершение исполнителем действий, не охватывающихся умыслом других соучастников, которые представляют собой эксцесс. Другими словами, при эксцессе содеянное распадается на две составляющие: деяние виновных до допущения исполнителем эксцесса, и деяние исполнителя, не охватывающееся умыслом других соучастников.

Проводя соотношение эксцесса исполнителя преступления с таким явлением, как соучастие, А.Ю. Корчагина делает вывод о том, что некоторые при-

знаки соучастия могут быть одновременно признаками эксцесса, и выделяет такие признаки, как множественность субъектов; продолжение первоначально запланированной преступной деятельности без действий, направленных на поддержание преступления-эксцесса, со стороны, по крайней мере, одного соучастника; совместность действий на стадии приготовления или покушения на совершение преступления или при совершении «базового» преступления, выполняемого всеми соучастниками [147, с. 16]. Применительно к подобному подходу необходимо отметить следующее.

Действительно, признаки соучастия имеют место лишь в деянии виновных до совершения исполнителем эксцесса. Как отмечает В.Ф. Щепельков, если у исполнителя изначально не было умысла на совершение преступления, предусмотренного предварительным сговором, совместно с другими лицами, то содеянное нельзя отнести к эксцессу, так как нет умысла исполнителя на совершение преступления в соучастии, что требуется в соответствии со ст. 32 УК РФ [262, с. 265]. Вместе с тем эксцесс как преступное деяние исполнителя преступления, выходящее за пределы умысла других соучастников, – это уголовно-правовое явление, находящееся за пределами соучастия, и то, что выступает признаками соучастия, при эксцессе приобретает иное значение. Так, при соучастии обязательно наличие двух и более лиц, являющихся субъектами преступления, эксцесс же может допустить и один из соучастников, в то время как совершение преступления несколькими лицами, из которых лишь одно обладает признаками субъекта, не является соучастием в уголовно-правовом смысле.

Такой признак соучастия, как совместность, предполагает интегрированные действия всех соучастников, направленные на достижение общего преступного результата [74, с. 15]. Она действительно присутствует на начальной стадии совершения преступления, но деяние, составляющее непосредственно эксцесс исполнителя преступления, не содержит данного признака ввиду отхода исполнителя от общего умысла других соучастников.

В отличие от соучастия при эксцессе действия исполнителя преступления, выходящие за пределы умысла остальных соучастников, не охватываются общим с ними намерением, не направлены на достижение единого результата. Даже если совместно задуманный результат имеется в некоторой степени (например, совершение исполнителем преступления, охватывающегося умыслом других соучастников, но при квалифицирующих обстоятельствах, не охватывающихся их умыслом), он достигается путем, который другие соучастники не осознавали, не предвидели и не желали. Более того, при эксцессе причинная и виновная связь между наступившими в результате совершения исполнителем преступления последствиями и деянием других соучастников отсутствует, при соучастии же, как отмечалось, такая связь имеется.

От общего вида стечения виновных в одном преступлении соучастие отличается тем, что вместо личной ответственности каждого из воссоединившихся лиц за учинённое ими наступает ответственность каждого за общее дело [224, с. 326]. Эксцесс исполнителя преступления представляет своего рода стече-

ние нескольких лиц в преступлении, так как ответственность за него несёт только исполнитель, вышедший за пределы умысла остальных соучастников преступления. Уголовное право знает различные разновидности стечения нескольких лиц в одном преступлении: прикосновенность к преступлению, посредственное причинение, неосторожное сопричинение, групповой способ исполнения преступления и иные виды стечения нескольких лиц в одном преступлении [122, с. 177].

Эксцесс исполнителя преступления имеет определённое сходство с неосторожным сопричинением. Для неосторожного сопричинения характерны следующие специфические черты: единое преступление, участие нескольких субъектов уголовной ответственности; внутренне взаимосвязанный и взаимообусловленный характер поведения, обусловившего наступление результата; создание угрозы наступления или наступление единого для всех субъектов преступного последствия, предусмотренного конкретным составом; наличие причинной связи между поведением субъектов и наступившим преступным результатом; совершение посягательства с неосторожной формой вины [104, с. 72; 181, с. 179; 248, с. 11].

В отличие от иных фактов совершения по неосторожности преступных посягательств, в которых как-то проявляет себя поведение нескольких лиц, в неосторожном сопричинении на виновных лежала обязанность (в целях избежания нежелательных последствий) действовать согласованно в одном направлении, но в силу неосмотрительности или недобросовестности они взаимосвязанными, совместными поступками допустили наступление вредных последствий, оцениваемых как неосторожное преступление, совершённое несколькими лицами [102, с. 41].

Отличие эксцесса исполнителя преступления от неосторожного сопричинения состоит в том, что одним из условий эксцесса исполнителя преступления является наличие признаков соучастия при приготовлении к преступлению, охватывающемуся умыслом всех соучастников, либо при покушении на него.

Определённый интерес представляет рассмотрение ситуации совершения преступления с двумя формами вины, при котором имеется умышленное отношение к деянию, а также к первому из наступивших последствий и неосторожное отношение к более тяжкому последствию. Например, исполнитель совершил изнасилование, которое повлекло по неосторожности смерть потерпевшей, или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. При этом одни авторы считают, что подстрекатель и пособник в приведённых примерах будут отвечать за соучастие в квалифицированном преступлении. В этом случае более тяжкое последствие, хотя и не было проявлением воли соучастников, но подобный исход им должен был представляться возможным [137, с. 90].

Другие исследователи предлагают оценивать случаи совершения преступлений с двумя формами вины, при наличии двух и более лиц, по правилам эксцесса исполнителя [см., например: 107, с. 8 – 9; 163, с. 484 – 485]. А. Ар-

утионов отмечает, что неосторожное причинение преступного результата находится за пределами соучастия, поскольку не охватывается умыслом других соучастников. Следовательно, имеет место эксцесс исполнителя, который и должен нести ответственность за наступившие по неосторожности последствия [73, с. 7]. Р.А. Сорочкин, рассматривая положения ст. 27 УК РФ, как специальную норму по отношению к ст. 36 УК РФ, отмечает, что соучастие возможно лишь в преступлении, совершённом при сочетании косвенного умысла (в отношении деяния) и легкомыслия (в отношении последствия), прямой причинной связи между умышленным и неосторожным последствием [221, с. 24]. Также предлагается подобные последствия вменять всем соисполнителям преступления при соисполнительстве, а в случае соучастия с юридическим разделением ролей рассматривать как эксцесс исполнителя, когда соучастники в тесном смысле слова (организатор, подстрекатель, пособник) не могут отвечать за вред, причинённый исполнителем по неосторожности, ибо они не принимают прямого участия в совершении преступления [143, с. 28].

Представляется, что, поскольку неосторожно причиняемые последствия не охватываются даже умыслом исполнителя преступления, то другие соучастники никак не могут нести за них ответственность. Соучастники в подобных случаях могут нести ответственность лишь за те последствия, которые охватывались их умыслом [75, с. 28]. Неосторожно причиняемые последствия вменяются только исполнителю преступления. Вместе с тем, следует согласиться с авторами, отрицающими возможность оценки действий соучастников в аналогичных ситуациях по правилам об эксцессе исполнителя преступления [181, с. 178]. Ответственность за такое причинение должна наступать самостоятельно при оценке деяния каждого из участников преступления. Наступившие более тяжкие последствия не являются эксцессом со стороны исполнителя преступления, так как он совершил деяние, охватываемое умыслом других соучастников. Кроме того, эксцесс предполагает умышленное, сознательное отступление от первоначального умысла соучастников, то есть при эксцессе исполнитель выходит за пределы умысла, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, либо сознательно допуская их, либо относясь к ним безразлично. А к наступившим более тяжким последствиям у исполнителя преступления имеется неосторожное отношение.

Необходимо в каждом конкретном случае выяснять, выходят ли действия исполнителя за пределы умысла соучастников. Нужно выяснять, было ли вообще психическое отношение к этим последствиям или нет? И если да, то какое? Если же эти отдаленные последствия охватывались сознанием виновного, были в сфере его волевых устремлений в виде желания или сознательного допущения, то отношение к ним возможно только умышленное [266, с. 277]. Если же исполнитель совершил все действия, оговорённые ранее с иными соучастниками, то наступившие последствия охватываются косвенным умыс-

лом соучастников, и в этом случае все соучастники должны отвечать на равных основаниях с исполнителем.

При сходстве с посредственным причинением, эксцесс таковым не является, так как соучастники подлежат ответственности [100, с. 280]. Так, не будет иметь место эксцесс у пособника в случае предоставления им таких средств совершения преступления исполнителю, которые по своим свойствам вызовут более значительные и существенные преступные последствия, и при этом исполнитель не будет поставлен в известность о таких свойствах орудия преступления [117, с. 87]. В подобных ситуациях имеется эксцесс со стороны посредственного причинителя, но это не эксцесс соучастника, так как предшествующая деятельность не является соучастием, а представляет собой стечение нескольких лиц в преступлении.

В литературе отмечается, что эксцесс посредственного исполнителя, действующего в соучастии с организатором, подстрекателем либо пособником, невозможен, поскольку преступление совершается посредством использования других лиц: несовершеннолетних, невменяемых, либо обладающих дополнительными признаками, а также действующих невиновно или по неосторожности [250, с. 22]. Однако возможны ситуации, когда при совершении преступления по воле исполнителя, действующего совместно с иными соучастниками, изменяется линия поведения используемого им лица. Например, у соучастников изначально умысел был направлен на совершение кражи посредством использования невменяемого лица, однако используемое лицо под воздействием посредственного исполнителя совершает убийство собственника имущества. В данном случае налицо эксцесс посредственного исполнителя.

Следует отметить, что со стороны лиц, используемых посредственным исполнителем, в свою очередь также возможен эксцесс. Возникает вопрос, кто должен нести ответственность за последствия, причинённые по своей инициативе лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу различных обстоятельств, и которые не охватывались умыслом лица, склонившего его к совершению общественно опасного деяния? Так, М.И. Ковалёв считает, что в случае допущения со стороны такого лица качественного эксцесса, когда непосредственно действующий субъект совершает иное действие, нежели то, к которому его склонял посредственный причинитель, посредственный причинитель не должен нести ответственность вообще. Однако поскольку он пытался пустить в ход орудие задуманного им преступления, которое сработало помимо его воли и желания в ином направлении, то он должен нести ответственность за покушение на то преступление, к какому он склонял исполнителя. В случае, если произошёл количественный эксцесс, при котором склонённый совершает кроме оговоренного и другое действие, то посредственный причинитель может отвечать лишь за первое. За второе же он вообще не должен нести ответственность [137, с. 107]. Вместе с тем при подобного рода эксцессах нельзя забывать, что посредственный исполнитель, склоняющий к преступлению несовершеннолетнего или невменяемого, в ряде случаев осо-

знаёт, что он пускает в ход оружие, которое не всегда может ему повиноваться со слепой покорностью и способно проявить собственную инициативу [137, с. 107]. При таком отклонении посредственный исполнитель должен нести ответственность за всю совокупность совершенных невменяемым действий, если установлено, что он знал (предвидел) и сознательно допускал возможные отклонения в действиях «живого оружия» [174, с. 15].

В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» даётся следующее разъяснение: «лицо, организовавшее преступление либо склонившее к совершению кражи, грабежа или разбоя заведомо не подлежащего уголовной ответственности участника преступления в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ несёт уголовную ответственность как исполнитель содеянного». Однако непонятно, что следует понимать под заведомостью. Наличие знания о возрасте исполнителя, представление о состоянии его психического расстройства? А как быть в том случае, если такая заведомость отсутствует? Каким образом следует поступать органам следствия и суду, если подобная кража переросла в грабёж или разбой [106, с. 19]? Г.В. Назаренко отмечает, что субъект, имеющий достоверную информацию о психической болезни другого лица, тем не менее не располагает и не может располагать сведениями о невменяемости. При квалификации его действий следует исходить из содержания умысла. В одном случае субъект при осуществлении преступных намерений может исходить из представления о том, что психическое отклонение используемого им лица является настолько значительным, что данное лицо не подлежит уголовной ответственности, а в другом – субъект может считать такого рода отклонения незначительными и не исключающими уголовную ответственность [179, с. 96]. Представляется, что в случае отсутствия заведомости посредственный исполнитель преступления не должен нести ответственность как исполнитель за деяние, не охватываемое его умыслом.

Представляет интерес ситуация, связанная с исполнением приказа или распоряжения, относящаяся к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Согласно ч. 1 ст. 42 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несёт лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение. Подобные действия лица, отдавшего приказ или распоряжение, являются своего рода случаем посредственного исполнения, так как лицо, исполняющее такой приказ, не подлежит уголовной ответственности, что можно отнести к «другим обстоятельствам» ч. 2 ст. 33 УК РФ [220, с. 40]. Кроме того, подобные ситуации могут иметь место и при соучастии.

Как же расценивать случаи, когда лицо, отдавая незаконный приказ или распоряжение, предполагает, что лицо совершит определённые преступные действия, а в действительности лицо при исполнении такого приказа или распоряжения совершает другое преступление, но не осознавая незаконность обязательного для него приказа или распоряжения? Представляется, если

действия исполняющего приказ (распоряжение) кардинально выходят за рамки отданного приказа (распоряжения), причём данное лицо осознаёт то, что заведомо неправопорядковый для него приказ (распоряжение) исполняется «ненадлежащим» образом, то лицо, отдавшее незаконный приказ (распоряжение) не должно нести уголовную ответственность за содеянное. Ответственность такого лица должна определяться пределами его умысла. Однако в случаях, когда совершённые неправопорядковые действия соответствовали отданному приказу (распоряжению), хотя и вышли за пределы замысла отдающего приказ (распоряжение), и незаконность приказа (распоряжения) не была очевидна для исполняющего его (приказ или распоряжение отданы в соответствующей процессуальной форме, являются для исполнителя заведомо не неправопорядковыми), то лицо, отдавшее приказ (распоряжение), должно нести ответственность за такие действия.

Нельзя забывать о том, что рассмотренные ситуации – это не эксцесс соучастника. Подобного рода ситуации относятся к стечению нескольких лиц в преступлении. Не привлечение лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу обстоятельств, указанных в законе, за деяния, выходящие за пределы умысла посредственного исполнителя, влечёт аналогичные последствия, как и при совершении преступления единолично лицом, признанным впоследствии невинным в момент выполнения общественно опасного деяния.

Эксцесс исполнителя необходимо отличать и от ошибки. Представление о последствиях совершённого преступления, имевшееся у лица до совершения им этого преступления, может оказаться не тождественным с действительными последствиями. Расхождение между предвиденными последствиями и действительно наступившими последствиями может быть при этом большим или меньшим [242, с. 200]. Но после известного предела разрыв между предвиденными и действительными последствиями переходит в ошибку, которая в зависимости от её характера может повлиять на квалификацию преступления [242, с. 201]. Ошибка в уголовном праве представляет собой неправопорядковое представление (заблуждение) лица относительно действительных свойств (обстоятельств) совершённого деяния и его последствий [99, с. 71].

В.А. Якушин, рассматривая ошибки соучастников в отношении содержания намерений и побуждений исполнителя, отмечает, что ошибка соучастников относительно отсутствия квалифицирующего у исполнителя мотива и цели возможна и при эксцессе исполнителя. То есть, если мотив и цель, предусмотренные законодателем в качестве квалифицирующих признаков, возникают у исполнителя в процессе совершения им преступления, и соучастники не знают о них, то согласно ст. 36 УК РФ за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат [266, с. 286]. При эксцессе исполнителя ошибка соучастников может быть как в отношении качественного содержания его мотива и цели, так и их объема, то есть в отношении количества тех последствий, того результата, который был бы предопределен содержанием (объемом) мотивов и целей соучастников при их сговоре [265, с. 55].

В литературе встречается мнение, согласно которому эксцесс и ошибка различаются по форме вины исполнителя: при эксцессе исполнитель действует умышленно, при ошибке – неумышленно [см., например: 199, с. 144]. Действительно, как ранее отмечалось, понимание эксцесса как выхода за пределы умысла соучастников посредством совершения только умышленных действий позволяет отграничить рассматриваемое явление от ошибки. Однако ошибка характеризует в той или иной степени сознание лица, а значит, может быть допущена и при совершении умышленного преступления. Например, если соучастники договорились убить одного человека, а исполнитель по ошибке убивает другого, принимая его за того человека, то в данном случае исполнитель действует умышленно.

Представляется, что основное отличие эксцесса исполнителя преступления от ошибки заключается в том, что при эксцессе соучастники изначально собираются совершить совместные умышленные действия, однако исполнитель сознательно выходит за пределы первоначального умысла и совершает иное преступление. Еще Н.С. Таганцев, рассматривая эксцесс подстрекателя по отношению к подстрекателю, писал об отклонении именно как о сознательной деятельности исполнителя [224, с. 357 – 358]. При ошибке же у лица имеется заблуждение, не соответствующее действительности осознание каких-либо фактических обстоятельств совершаемого им общественно опасного деяния [150, с. 18]. Если фактически выполненное по ошибке действие исполнителя не охватывается умыслом других соучастников и с уголовно-правовой точки зрения имеет самостоятельное значение, то в данном случае вина имеется лишь на стороне исполнителя. Соучастники несут ответственность в пределах умысла, в зависимости от наступления желаемого результата, вызванного преступным посягательством.

Проблема соотношения эксцесса исполнителя преступления и добровольного отказа исполнителя от преступления возникает в связи с вопросом о возможности признания эксцессом случая совершения исполнителем более или менее тяжкого преступления по сравнению с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, на что было обращено внимание в предыдущем параграфе. Действительно, ряд общих признаков между двумя рассматриваемыми уголовно-правовыми явлениями имеется: они возможны лишь до момента окончания преступления, и в том и в другом случае – осознанный отказ от совершения запланированного преступления.

Однако различны уголовно-правовые последствия. Добровольный отказ предполагает недоведение преступления до конца (прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления), добровольность, осознание возможности доведения преступления до конца, окончательность. В действиях соучастника, добровольно и окончательно отказавшегося от продолжения своей преступной деятельности, отсутствует состав преступления, в связи с чем лицо не подлежит уголовной ответственности, за исключением случаев, когда фактически совершённое деяние содержит иной состав пре-

ступления. Добровольный отказ каждого из соучастников состоит в изъятии им своего вклада в совместную преступную деятельность, при этом добровольный отказ исполнителя возможен путём пассивного поведения, то есть путем отказа от продолжения начатого преступления [237, с. 207]. Однако могут быть случаи, когда добровольный отказ соисполнителя должен проявиться в активной форме, и он обязан предотвратить доведение преступления до конца другим соисполнителем. Такое условие возникает тогда, когда между ними распределены обязанности: например, один из соисполнителей начинает выполнение объективной стороны преступления, а другой её завершает [189, с. 38 – 39].

Основное различие между эксцессом исполнителя преступления и добровольным отказом от преступления заключается в том, что при добровольном отказе исполнителем частично совершается преступление, охватываемое умыслом остальных соучастников (на стадии приготовления к преступлению или покушения на него). При эксцессе всегда имеет место новое преступление, не охватываемое умыслом других соучастников, которое влечёт ответственность только данного лица за совершённое деяние. Кроме того, при добровольном отказе имеются все признаки соучастия, просто один из соучастников отказывается от доведения преступления до конца, при эксцессе признаки соучастия отсутствуют, так как умысел лица направлен на совершение иного преступления. Добровольный отказ одного из соучастников не освобождает от уголовной ответственности других соучастников, поскольку деяния этих лиц, являющиеся вкладом в совместную преступную деятельность, не утрачивают своего общественно опасного характера [237, с. 207]. В подобных случаях нужно исходить из того, что преступление не было доведено исполнителем до конца по причинам, не зависящим от остальных участников группы [230, с. 68]. Добровольный отказ имеет строго индивидуальный характер, от уголовной ответственности освобождаются не все соучастники преступления, а лишь лица, которые непосредственно своими действиями или бездействиями по собственной воле не допустили совершения преступления [135, с. 139]. При эксцессе исполнителя преступления от ответственности за деяние исполнителя освобождаются все соучастники, умыслом которых оно не охватывалось.

В рассмотренных сходных уголовно-правовых ситуациях ответственность за действия другого лица, как при эксцессе исполнителя преступления, не исключается. В частности, за соучастие в преступлении все соучастники подлежат ответственности; при неосторожном сопричинении каждый из участников преступления несёт ответственность за одно преступление, совершённое по неосторожности; при посредственном причинении лицо несёт ответственность как исполнитель преступления; при ошибке соучастники несут ответственность за соучастие в преступлении в соответствии с направленностью их умысла; при добровольном отказе исполнителя от преступления соучастники

подлежат ответственности за приготовление к преступлению или покушению на него.

Таким образом, эксцесс исполнителя преступления представляет собой самостоятельное уголовно-правовое явление, отличающееся от соучастия, неосторожного сопричинения, посредственного причинения, ошибки и добровольного отказа от преступления. Наличие разнообразных действий соучастников, относящихся к эксцессу, обуславливает необходимость выделения его видов.

§ 3. Виды эксцесса исполнителя преступления

Как отмечает Н.А. Беляев, всякая научная классификация должна удовлетворять, по крайней мере, трём требованиям: 1) Классификационные группы должны охватывать всю массу классифицируемых явлений. Не должно быть таких явлений, которые бы оказались за пределами этих групп; 2) Каждое явление должно удовлетворять признакам только одной классификационной группы; 3) Отнесение того или иного явления к определённой группе должно иметь определённое практическое значение [84, с. 247]. Представляется, что классификация эксцессов должна способствовать чёткому определению пределов уголовной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления.

Анализ юридической литературы показывает, что существуют различные классификации эксцесса, в основе которых лежат разнообразные признаки.

Традиционно эксцесс исполнителя преступления подразделяют на количественный и качественный. При этом при характеристике количественного эксцесса используется такое понятие, как «однородное преступление» [137, с. 183; 232, с. 19; 238, с. 281 – 282], «преступление, однородное по своей природе» [92, с. 184]. Соответственно качественный эксцесс имеется в случае совершения исполнителем неоднородного, иного по своей природе преступления по сравнению с тем, которое охватывалось умыслом соучастников. Однако термин «однородное» преступление не является однозначным, в связи с чем возникают определённые трудности в его понимании. Еще в 70-е годы прошлого века А.В. Ушаков писал, что, не возражая против выделения группы качественных эксцессов, нельзя полностью согласиться с выделением группы количественных эксцессов. Прежде всего вызывает возражения признак однородности, объединяющий в одну группу количественные эксцессы [245, с. 145]. Понятие однородного преступления ввиду его неопределённости вряд ли позволяет раскрыть суть эксцесса соучастника [229, с. 208]. Вместе с тем некоторые из современных исследователей указывают на то обстоятельство, что в существовавшей ранее классификации эксцессов на однородные и неоднородные по отношению к планировавшемуся преступлению названия эксцессов являются более удачными, чем количественные и качественные [см., например: 147, с. 18]. Но использование такого признака, как однород-

ность планируемого и совершённого преступлений, ведёт к различным выводам об отнесении того или иного деяния исполнителя, не охватывающегося умыслом других соучастников, к группе однородных эксцессов, ввиду отсутствия чёткого критерия. В свою очередь, это не способствует решению проблемы однозначного определения случаев в отклонении исполнителя от умысла других соучастников, относящихся к тому или иному виду эксцесса.

В литературе в целях решения вышеуказанной проблемы рассматриваются различные варианты. В частности, Р.Н. Гордеев предлагает под однородностью преступлений понимать деяния, квалифицируемые по одной и той же статье, а также тождественные деяния, направленные на один и тот же предмет покушения или на одного и того же потерпевшего [108, с. 111]. Но возникает вопрос об установлении параметров тождественности деяний. П.Ф. Тельнов предлагает под количественным эксцессом понимать случаи, когда лицо совершает согласованное с другими соучастниками деяние, но отходит от общего замысла по поводу квалифицирующих обстоятельств или формы преступного посягательства [229, с. 154]. А.В. Шеслер выделяет такую классификацию эксцессов, согласно которой количественный эксцесс имеет место в том случае, когда исполнителем совершено умышленное преступление при квалифицирующих обстоятельствах, не охватываемых умыслом иных соучастников, либо при их отсутствии, также не охватываемом умыслом иных соучастников, а качественный эксцесс будет в случае совершения преступного деяния, не охватываемого умыслом иных соучастников и образующего качественно иное (самостоятельное) преступление. Как справедливо отмечает А.В. Шеслер, лишь к преступлению, совершённому при квалифицирующих обстоятельствах, не охватываемых умыслом иных соучастников, либо при их отсутствии, также не охватываемом умыслом иных соучастников, могут быть применены нормы о соучастии, поскольку между действиями исполнителя, образующими основной состав преступления, и действиями соучастников сохраняется объективная и виновная связь [256, с. 293]. Иначе должен решаться вопрос лишь тогда, когда соучастники, хотя заранее и не оговаривали квалифицирующих обстоятельств, при которых исполнителю возможно придётся совершить преступление, но предвидели и сознательно допускали такой вариант исполнения. Поскольку в подобных случаях в отношении квалифицирующих признаков у соучастников имеется косвенный умысел, все они должны отвечать на равных основаниях с исполнителем за выполненный им квалифицированный вид данного преступления [111, с. 198]. При изменении же формы преступного посягательства полностью теряется причинная связь между действиями исполнителя и остальными соучастниками, что исключает возможность применения норм о соучастии. Именно в таком случае сохранится практическое значение подразделения эксцесса исполнителя на количественный и качественный, которое заключается в определении пределов, при которых деяние, совершённое в условиях эксцесса, квалифицируется по правилам о соучастии, в противном случае эта принципиальная разница теряет смысл [256, с. 293].

В целом соглашаясь с предложенной классификацией, необходимо отметить следующее. Спорными являются случаи, при которых планировавшийся способ совершения преступления в действиях исполнителя выступает не способом совершения преступления как признак объективной стороны состава преступления, а лишь как средство облегчения совершения преступления. Например, вместо изначально подготавливаемого соучастниками мошенничества, исполнитель совершает кражу того же самого имущества, используя обман, в связи со сложившейся конкретной обстановкой хищения, для доступа к имуществу, а не для завладения им. Таким образом, исполнителем преступления изменяется назначение используемого им способа совершения преступления. Так, при хищении, совершаемом путем мошенничества, ложные сведения об определенных обстоятельствах, дающих право на получение имущества, не просто высказываются, а подтверждаются обманными действиями, направленными на то, чтобы ввести в заблуждение лицо, во владении или ведении которого находится имущество, и таким образом убедить его в необходимости передать виновному это имущество [151, с. 161]. При мошенничестве обман обуславливает передачу имущества виновному самим потерпевшим. При краже используемый виновным обман не обуславливает добровольную передачу имущества самим потерпевшим, а, например, используется виновным для проникновения в помещение, где хранится имущество и т.п. По мнению Ю.И. Ляпунова, обман, используемый при краже, является условием, облегчающим в дальнейшем тайное изъятие имущества, а обман, используемый при мошенничестве, – основной причиной передачи имущества субъекту, который и обращает его в свою пользу [98, с. 155]. В связи с вышеизложенным, представляется, что совершение исполнителем умышленного преступления сходным способом, но по-иному квалифицируемого в зависимости от ситуации, также составляет однородное преступление с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников.

Кроме того, уголовному праву известны и так называемые «перерастающие» преступления. Считаем, что к «перерастающему» относится преступление, характеризующееся динамикой его объективной или субъективной стороны и первоначально охватываемое умыслом других соучастников на стадии предварительной преступной деятельности (например, кража перерастает в грабёж). Именно ввиду того, что такие преступления связаны единым механизмом их совершения, «перерастающие» преступления также необходимо рассматривать в качестве однородных. Определение механизма совершения преступления вытекает из определения механизма преступного поведения, под которым понимается, в частности, связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение [172, с. 30]. Применительно к хищениям В.В. Векленко справедливо отмечает, что перерастание одного хищения в другое возможно только тогда, когда действия по завладению имуществом первоначально не образуют оконченного состава хищения; воз-

возможность перерастания связана с однородностью преступлений, совпадающих по всем основным признакам, за исключением генерального способа; у виновного должна иметься возможность прекратить свои преступные действия в отношении чужого имущества; перерастание возможно в более тяжкое преступление [96, с. 57].

Итого, в зависимости от степени отклонения от общего умысла соучастников, исходя из общего понятия эксцесса, предложенного в первом параграфе настоящей главы, возможно рассматривать типологию эксцессов, выделяя следующие типичные действия исполнителя, образующие эксцесс:

1) совершение исполнителем умышленного преступления, охватывающегося умыслом других соучастников, но при квалифицирующих обстоятельствах, не охватывающихся умыслом других соучастников;

2) совершение исполнителем умышленного преступления без квалифицирующих обстоятельств, первоначально охватывавшихся умыслом других соучастников на стадии предварительной преступной деятельности;

3) совершение исполнителем умышленного преступления сходным способом, но по-иному квалифицируемого в зависимости от ситуации;

4) совершение исполнителем умышленного «перерастающего» преступления;

5) совершение исполнителем наряду с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, еще и иного умышленного преступления, не охватываемого их умыслом;

6) совершение исполнителем иного умышленного преступления, не охватываемого умыслом других соучастников, вместо преступления, охватываемого их умыслом.

При этом первые четыре ситуации рассматриваются нами как однородные преступления в отношении первоначально планировавшихся преступлений и относятся к количественному эксцессу, последние две ситуации охватывают все иные случаи совершения исполнителем преступления, выходящего за пределы умысла других соучастников, и образуют качественный эксцесс.

Уголовно-правовое значение данной типологии заключается в том, что она показывает многообразие возможных отклонений исполнителя преступления от общего умысла других соучастников и позволяет более наглядно рассмотреть проблемные вопросы, связанные с квалификацией действий исполнителя преступления, совершившего эксцесс, и других соучастников преступления.

Примером количественного эксцесса, связанного с совершением преступления при квалифицирующих обстоятельствах, не охватываемых умыслом других соучастников, может быть следующее дело. Бугаев и Першин, предварительно договорившись о совместном совершении преступления, умышленно, из корыстных побуждений, в целях хищения чужого имущества, осознавая, что противоправный характер их действий очевиден для потерпевших Крапивиных, открыто завладели, принадлежавшим Крапивиным имуществом. Кроме этого Бугаев применил насилие, не опасное для жизни или здоровья Крапивиных, выразившееся в нанесении им ударов металлическим ведром. Судом установлено, что применённое Бугаевым насилие не охватывалось

совместным умыслом Бугаева и Першина. Действия Першина судом квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 161, а действия Бугаева – по п. «а» и «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ [54, с. 166 – 174]. Применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, является эксцессом со стороны одного из соисполнителей, в связи с чем другой соисполнитель уголовной ответственности за это не подлежит.

Примером качественного эксцесса, выраженного в совершении исполнителем наряду с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, еще и иного умышленного преступления, не охватываемого их умыслом, служит следующее уголовное дело. 24 ноября 1998 г. Кузнецов, Левченко и Дукаев договорились совершить нападение на квартиру Локотко с целью завладения его имуществом, разработали план нападения, распределили роли каждого: Левченко должен был как знакомый Локотко позвонить в квартиру и обеспечить проникновение группы в жилище, а Кузнецов и Дукаев, одетые в маски, напасть на потерпевшего, связать его и Левченко, а затем завладеть имуществом. 25 ноября 1998 г., когда Локотко, узнав Левченко, открыл дверь, Кузнецов ворвался в квартиру, напал на потерпевшего, повалил его на пол лицом вниз, связал руки и ноги шнуром. Дукаев помог Кузнецову его связать, а Левченко оставался у входной двери. Затем Кузнецов и Дукаев перенесли Локотко в ванную комнату, где Кузнецов, заклеив потерпевшему рот имевшимся у него для этой цели скотчем и приставив револьвер к его голове, стал требовать у него деньги, но, убедившись, что денег нет, не посвящая в свои намерения Левченко и Дукаева, решил убить потерпевшего. Подобранным в квартире молотком нанес Локотко удары по голове, причинив открытую черепно-мозговую травму, от которой потерпевший скончался на месте. Суд первой инстанции квалифицировал действия Левченко по п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ как совершение разбойного нападения с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, с незаконным проникновением в жилище, организованной группой, неоднократно. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ переквалифицировала действия Левченко на п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г.) как грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, указав на отсутствие в материалах дела данных о том, что они договорились о применении к потерпевшему насилия, опасного для его жизни и здоровья. Поскольку телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья, были причинены потерпевшему Кузнецовым, который принял такое решение самостоятельно, что было установлено судом и о чём указано в описательной части приговора, это свидетельствует о наличии в его действиях эксцесса исполнителя данного преступления (разбоя), что согласно ст. 36 УК РФ исключает уголовную ответственность Левченко за разбой, то есть за действия Кузнецова, которые не входили в предмет их договоренности [49].

В литературе предлагаются и другие классификации эксцессов. Так, в структурном отношении (или иначе по содержанию) А.Ю. Корчагина выде-

ляет эксцессы корыстной направленности (кражи, грабежи, разбои, вымогательства и др.), связанные с нарушением общественного порядка (хулиганство), эксцессы насильственного плана (убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести), преступления-эксцессы против порядка управления (дезорганизация деятельности исправительных учреждений, хищение документов), посягательства на половую свободу личности (изнасилования, насильственные действия сексуального характера), против конституционных прав и свобод граждан (похищение человека, незаконное лишение свободы) и иные. В целом группировка эксцессов по данному признаку сопоставима с выделением глав в Уголовном кодексе РФ и при изучении соответствующих дел позволяет лишь определить, в какой сфере эксцессы совершаются чаще. Так, по данным А.Ю. Корчагиной, наибольшее распространение имеют эксцессы корыстной направленности [148, с. 129 – 132]. Проведённый нами анализ уголовных дел по преступлениям, связанным с эксцессом исполнителя преступления, также показал, что чаще всего исполнитель преступления отходит от совместного умысла соучастников при посягательствах на собственность (см. табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Структура преступлений, при совершении которых был допущен эксцесс исполнителя (по данным 300 изученных уголовных дел по преступлениям, совершённым в г. Тюмени в 2003 – 2008 гг.)

Наименование преступлений		Совершено преступлений, в абс.	Удельный вес, %
Всего		27	100
Преступления против собственности		21	77,8
	Кража	1	4,8
	Мошенничество	1	4,8
	Грабёж	13	61,9
	Разбой	3	14,3
	Вымогательство	1	4,8
	Угон	2	9,5
Преступления против жизни и здоровья		4	14,8
	Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	1	25
	Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью	1	25
	Побои	2	50
Преступления против свободы, чести и достоинства		1	3,7
	Похищение человека	1	100
Преступления против конституционных		1	3,7

прав и свобод человека и гражданина			
	Нарушение неприкосновенности жилища	1	100

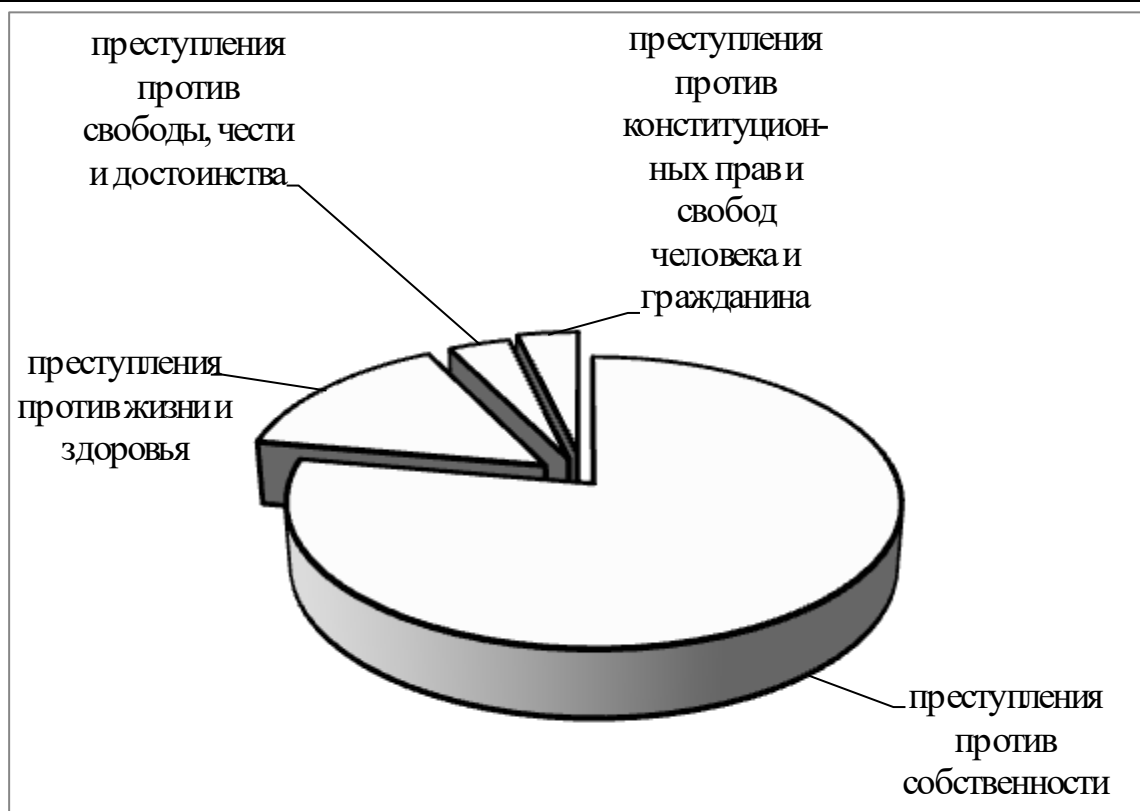

Рис. 1. Структура преступлений, при совершении которых был допущен эксцесс исполнителя (по данным 300 изученных уголовных дел по преступлениям, совершённым в г. Тюмени в 2003 – 2008 гг.)

Тем не менее, подобная классификация эксцессов является достаточно громоздкой, что затрудняет применение её на практике. Кроме того, она носит условный характер, так как некоторые преступления-эксцессы могут быть одновременно отнесены к нескольким группам. Так, например, исполнитель преступления вместо запланированной кражи совершает квалифицированный разбой – разбой с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В данном случае одно деяние, составляющее эксцесс, подпадает и под группу эксцессов корыстной направленности (разбой), и под группу эксцессов насильственного плана (причинение вреда здоровью). В уголовно-правовом плане подобная классификация эксцессов не способствует определению пределов ответственности соучастников при эксцессе.

Эксцессы исполнителя преступления классифицируют и по такому признаку, как количество совершённых преступлений по отношению к планировавшимся. По данному признаку выделяются эксцессы, связанные с совершением равного количества преступлений по отношению к планировавшимся (вместо грабежа совершён эксцесс-разбой), и эксцессы, связанные с совершением большего количества преступлений по отношению к планировавшимся

(наряду с грабежом совершён эксцесс-хищение огнестрельного оружия). Практическое значение этой классификации заключается в том, что в случае эксцесса второго вида при решении вопроса о квалификации преступлений лица, допустившего эксцесс, применяются правила ст. 69 УК РФ – о совокупности преступлений [147, с. 19].

Определённые особенности имеет эксцесс исполнителя преступления и при различных формах соучастия. Не углубляясь в проблему терминологического плана, а также рассмотрения различных критериев классификации форм и видов соучастия [см., например: 79, с. 22 – 29; 100, с. 200 – 231; 105, с. 197 – 206; 116, с. 89 – 103; 130, с. 9 – 19; 166, с. 82 – 88], согласимся с выделением форм соучастия как по характеру субъективных, так и по характеру объективных признаков совместности соучастия. Основываясь на объективных признаках совместности, выделяется две формы соучастия: соисполнительство (простое соучастие) и соучастие с юридическим разделением ролей (соучастие в узком смысле слова, сложное соучастие). Исходя из субъективных признаков соучастия, так же выделяются две формы соучастия: соучастие без предварительного сговора и соучастие с предварительным сговором (соучастие с предварительным сговором в элементарной форме; соучастие с предварительным сговором, на основе которого образуется организованная группа; соучастие с предварительным сговором, на основе которого образуется преступное сообщество) [236, с. 189 – 190].

Рассмотрим эксцесс исполнителя преступления в каждой из форм соучастия. Для соучастия без предварительного сговора свойственна минимальная степень согласованности, что является следствием невозможности сговора до момента начала преступления [187, с. 66]. Субъективная связь между участниками возникает в процессе выполнения объективной стороны конкретного состава преступления. Видимо, данный факт и обуславливает мнение, как ученых [см., например: 68, с. 180], так и практикующих работников (75% от общего числа опрошенных) о невозможности эксцесса исполнителя преступления в группе лиц (без предварительного сговора).

Как правило, соисполнители присоединяются к одному из них, к тому, кто первый начал действие, и в процессе выполнения объективной стороны преступления совершают преступление, которое не охватывалось умыслом других соучастников, не предвиделось ими. При насильственных посягательствах на личность соисполнительство без предварительного сговора может быть гораздо опаснее в силу того, что совместно действующие лица совершают эксцессивные действия, выходящие за пределы умысла других соисполнителей и причиняющие потерпевшему более тяжкий вред [257, с. 80]. Очевидно, что именно отсутствие предварительного сговора, внезапность возникновения умысла на совершение преступления, несогласованность действий соучастников, отсутствие договоренности, например, о способе совершения преступления, о достижении преступной цели являются предпосылками для допущения эксцесса со стороны соисполнителя при данной форме соучастия. Для установления признаков эксцесса необходимо прежде всего

оценить характер и направленность действий каждого соучастника, действовали ли они с конкретизированным умыслом или нет. Если каждый из соучастников действовал с неопределённым умыслом, то в случае наступления преступных последствий, причиненных конкретным лицом, групповое посягательство отсутствует, а значит нельзя вести речь и об эксцессе соисполнителя преступления.

Примером эксцесса соисполнителя преступления в группе лиц может служить следующее дело. Неустроев и Базанов предложили довезти до дома ранее незнакомого им Лобова. Лобов на предложение согласился и сел в автомобиль. Остановив машину на пересечении улиц, Неустроев умышленно из корыстных побуждений, не имея сговора с Базановым, потребовал у Лобова передать ему сотовый телефон, принадлежавший Лобову. Лобов передал телефон, который открыто похитил Базанов. Затем Неустроев и Базанов потребовали у Лобова деньги, на что последний ответил отказом. После чего Базанов с целью открытого хищения чужого имущества и подавления сопротивления Лобова, с применением физической силы, вытащил Лобова из салона автомобиля и стал наносить Лобову удары по различным частям тела. Неустроев в целях открытого хищения чужого имущества и подавления сопротивления Лобова умышленно нанёс потерпевшему ножом несколько колото-резанных ранений в различные части тела, после чего Базанов открыто похитил из кармана Лобова деньги, затем Неустроев и Базанов скрылись с места происшествия [63, с. 83 – 91]. В данном случае применение Неустроевым ножа является эксцессом соисполнителя при совершении преступления группой лиц, что было установлено и доказано в судебном заседании.

В группе лиц по предварительному сговору имеется «соглашение о совместном совершении преступления, предполагающего взаимную осведомлённость соучастников и согласие до начала выполнения объективной стороны преступления, выраженное в любой форме, совершить преступление совместно» [112, с. 16]. Поэтому в данном случае объём умысла соучастников определяется исходя из пределов соглашения. При этом следует отличать конкретизацию деталей в ходе совершения преступления с неопределённым сговором от формирования нового предварительного сговора. В отличие от конкретизации определённых деталей, сущностью которой является приближение преступного результата либо сокрытие следов преступления, предварительный сговор характеризуется в первую очередь соглашением на совместное совершение преступления в целом, в результате которого соучастникам становятся известны не только характер задуманного преступления, но и другие обстоятельства их будущей деятельности [129, с. 15]. Умышленное отклонение от первоначально планируемого преступления, не охватывающееся умыслом остальных соучастников, будет являться эксцессом.

При эксцессе в рамках преступной группы вопрос об ответственности решается на общих основаниях. Вместе с тем надо иметь в виду, что он может быть осложнен (например, эксцесс может быть на стороне одного из соучастников группы; возможен эксцесс большинства членов группы, когда лишь

один исполнитель не отклоняется от обусловленной линии поведения; возможен эксцесс всей группы). Под эксцессом преступной группы, а также отдельных её членов понимается совершение участниками группы преступного деяния, не охватываемого умыслом или выходящего за пределы преступных намерений остальных соучастников [70, с. 94 – 95]. При совиновничестве, когда общественно опасное деяние выполняется двумя и более соисполнителями, в случае эксцесса одного из них, преступление, охватываемое умыслом соучастников, всё же совершается другим (другими). Поэтому эксцесс исполнителя не влияет на квалификацию соучастников – членов преступной группы [212, с. 132]. В случае же группового эксцесса соисполнителей, оценка действий остальных соучастников изменяется, в зависимости от их умысла и вида действий, образующих эксцесс.

Примером эксцесса одного из соисполнителей в группе лиц по предварительному сговору может служить следующее дело. В конце ноября 2005 г. между Субботиным, Тимцовым, Галашовым и мужчиной, личность которого в ходе следствия не установлена, произошла ссора. В ходе ссоры на почве возникших личных неприязненных отношений, Субботин предложил избить неустановленного мужчину. Тимцов и Галашов согласились. В результате совместных и согласованных действий неизвестному мужчине был причинен вред здоровью средней тяжести. Кроме этого, Субботин, не остановившись на достигнутом, вытащил из брюк неустановленного мужчины ремень, и сделав из ремня петлю, накинул на шею неустановленному мужчине и стал затягивать, чем вызвал механическую асфиксию (удушение), приведшую к смерти потерпевшего [60, с. 225 – 240]. Своими действиями Субботин вышел за рамки совместного с Тимцовым и Галашовым первоначального умысла. Судом установлено, что умысел на лишение жизни неустановленного мужчины возник у Субботина после избияния, чтобы мужчина не сообщил об этом в милицию.

При совершении преступления организованной группой лицо, создавшее организованную группу, либо руководившее ею, несёт ответственность не только за её организацию и руководство, если это предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ, но и за все совершённые организованной группой преступления, если они охватывались его умыслом (ч. 5 ст. 35 УК РФ). При установлении того обстоятельства, что все проявления преступной деятельности охватывались умыслом наделённого отмеченными функциями лица (то есть соответствовали целям группы, о которых оно было осведомлено), это лицо должно нести ответственность за совершение организованной группой всех преступлений, хотя оно может и не знать места и времени их совершения [193, с. 46].

Для констатации в действиях участников организованной группы эксцесса, необходимо выяснить цель такой группы. Если лица объединились для совершения каких-либо конкретных преступлений, то совершение лицом преступных действий, не соответствующих общей цели, должно рассматриваться как эксцесс. Если, например, участники группы стали заниматься не вымогательством, а разбоем, либо неправомерными завладениями транспортными сред-

ствами, то вряд ли удастся доказать, что такие деяния охватывались умыслом создателя преступной группы [193, с. 45].

Примером эксцесса соисполнителей в организованной группе может служить следующее дело. Во второй половине декабря 2000 г. Стариков и лицо, дело в отношении которого прекращено в связи с его смертью, договорились совершить вымогательство в отношении Крапчатова, а именно: заставить его продать свою квартиру и завладеть вырученными от ее продажи деньгами. Вывезя потерпевшего в приготовленное для этого место, Стариков, лицо, дело в отношении которого прекращено в связи с его смертью, и привлеченный к совершению преступления Мальков его там удерживали до 5 февраля 2001 г., требуя подписания доверенности на право продажи квартиры, отчего потерпевший отказывался.

Предположив, что о преступлении стало известно правоохранительным органам, так как их видела соседка потерпевшего, Стариков предложил Малькову и лицу, дело в отношении которого прекращено в связи с его смертью, квартиру не продавать, привести Крапчатова в беспомощное состояние и вывезти его из города, чтобы он не смог вспомнить произошедшее с ним. Последние путем угроз и физического насилия склонили потерпевшего к употреблению спиртного, в ходе которого подмешали ему в спиртное димедрол, а также ввели димедрол и путем инъекции. Затем на почве возникших личных неприязненных отношений Мальков и лицо, дело в отношении которого прекращено в связи с его смертью, нанесли Крапчатову удары кулаками и ногами по голове, груди и животу, после чего поместили его в кладовку, где в ночь на 6 февраля 2001 г. потерпевший скончался. Действия Старикова по данному эпизоду квалифицированы судом по п. п. «а», «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (в ред. Федерального закона от 09 февраля 1999 г.). В надзорном представлении был поставлен вопрос об изменении судебных решений: исключении осуждения Старикова по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ справедливо удовлетворил надзорное представление, отметив, что в данном случае имел место эксцесс соисполнителей, поскольку избиение потерпевшего не входило в цели и планы организованной группы, решившей отказаться от продажи квартиры Крапчатова, напоить его, вывезти и отпустить. При таких обстоятельствах из судебных решений подлежит исключению осуждение Старикова по квалифицирующему признаку, предусмотренному п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (в ред. Федерального закона от 09 февраля 1999 г.) [45].

Эксцесс исполнителя возможен и со стороны участника преступного сообщества (преступной организации). Как и в отношении организованной группы, закон непосредственно закрепляет ответственность лица, создавшего преступное сообщество (преступную организацию), либо руководившее ими: он несет ответственность за все совершенные преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. В литературе высказываются различные мнения о введении полной ответственности организатора (руководителя) за все совершённые организованной группой или преступным сообществом преступления независимо от его конкрет-

ного умысла [см., например: 130, с. 18]. А.А. Арутюнов предлагает исключить из нормы ч. 5 ст. 35 УК РФ фразу «если они охватывались его умыслом» [76, с. 25]. М.И. Ковалёв считает, что слова «если они охватывались его умыслом» было бы целесообразно заменить на «если они были совершены в интересах сообщества и соответствовали его целям», так как «преступные сообщества бывают столь мощными и разветвленными, а их руководство – многоступенчатым и строго иерархичным, что высшие руководители (главари) могут и не знать об отдельных преступлениях, совершённых в рамках деятельности сообщества и в его интересах. Указанные лица должны отвечать и за такие преступления» [137, с. 174]. Сходную позицию занимает и С.А. Бале-ев [82, с. 202].

С данными точками зрения нельзя согласиться по следующим причинам. Во-первых, установление ответственности организаторов (руководителей) вне зависимости от направленности их умысла приведёт к необоснованному расширению пределов ответственности указанных лиц, вплоть до объективного вменения. Во-вторых, интересы преступного сообщества, его цели осознаются организатором (руководителем), и это осознание охватывается содержанием умысла данных лиц. При этом «ситуация, когда руководитель преступного сообщества определяет участника преступного сообщества на совершение преступления и предоставляет ему свободу выбора средств для достижения цели, не должна расцениваться как эксцесс исполнителя» [73, с. 7]. В данном случае у руководителя имеется неопределённый умысел.

В теории уголовного права встречались различные взгляды и на ответственность участников преступного сообщества (преступной организации). Так, В.С. Прохоров отмечает, что неучастие в том или ином конкретном преступлении не освобождает от ответственности, так как членство в организации само по себе детерминирует каждое преступное проявление с её стороны, а общий характер умысла, выражающийся в соглашении на совершение неопределённых преступных актов, является субъективной предпосылкой вменения [198, с. 10]. С.В. Афиногенов, напротив, считает, что объём ответственности участников организации должен определяться только личным участием в любой форме в преступлениях, совершённых данной преступной организацией [79, с. 28 – 29]. Ч. 5 ст. 35 УК РФ предусматривает ответственность указанных лиц за участие в преступном сообществе (преступной организации), в случаях, предусмотренных УК РФ, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Следует согласиться с данной нормой в связи с тем, что, как правило, отдельные участники или группы участников преступного сообщества стремятся к достижению желаемых ими целей, не задумываясь над теми целями, которые ставят перед собой другие члены сообщества [84, с. 246]. Допустим, рядовой участник сообщества отвечает только за свой, узкий «участок» работы – поддерживает связи с коррумпированным чиновником и при этом не посвящён в планы руководителей. В это же время неизвестный первому участнику второй устраняет неудобное лицо по указанию руководителя по совершенно другим, не связан-

ным с первым, линиям деятельности сообщества. В данных обстоятельствах (и подобно им) привлечение первого участника, помимо участия в преступном сообществе и, например, даче взятки, еще и за убийство, субъективно является объективным вменением [264, с. 488].

Сущность преступного сообщества, как организованной группы особого рода, состоит в объединении лидеров и активных участников относительно самостоятельных устойчивых преступных групп, направленном на создание благоприятных условий для совершения преступлений другими лицами путем консолидации преступной среды.

Деятельность этих лиц причинно и виновно не связана с совершением конкретного преступления другими лицами, что характерно для деятельности организатора, подстрекателя и пособника при соучастии. Лидеры и активные участники направляют свои усилия на создание, поддержание и консолидацию этой среды, эффективное функционирование которой создаёт реальную возможность для совершения конкретных преступлений другими лицами [259, с. 129]. Совершение подобными объединениями иных преступлений будет представлять собой эксцесс.

Для определения действительности эксцесса необходимо установить истинные цели создания таких объединений, для совершения каких преступлений они были созданы.

Как отмечает П.В. Агапов, современная судебно-следственная практика также последовательно признаёт преступление совершенным в составе преступного сообщества (организованной группы) только в тех ситуациях, когда члены соответствующей криминальной структуры осуществляют преступные посягательства, обусловленные участием в таком сообществе (группе), вытекающие из его (её) целей и задач. В противном случае вменение общественно опасного деяния происходит лишь тому участнику, который его совершил [67, с. 46].

В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» [42], в случаях, когда лицо, являющееся участником преступного сообщества (преступной организации), совершает преступление, которое не охватывалось умыслом других участников преступного сообщества (преступной организации), его действия в этой части, как эксцесс исполнителя, подлежат квалификации по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса РФ без ссылки на статью 210 УК РФ, если содеянное таким лицом совершено не в связи с планами преступного сообщества (преступной организации).

Представляется, что при организованных, сплочённых формах соучастия вероятность совершения эксцесса по сравнению с группой лиц без предварительного сговора или с предварительным сговором невелика, так как в подобных объединениях преступления, как правило, тщательно планируются, что снижает вероятность несогласованного отклонения исполнителя от умысла других членов группы.

Так, например, из общего числа изученных нами уголовных дел эксцесс исполнителя при совершении преступления группой лиц был установлен в 25% случаев; при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору – в 70% случаев; при совершении преступления организованной группой – в 3,7% случаев. Эксцесс исполнителя в преступном сообществе (преступной организации) при изучении нами уголовных дел не встретился ни разу (см. рис. 2).

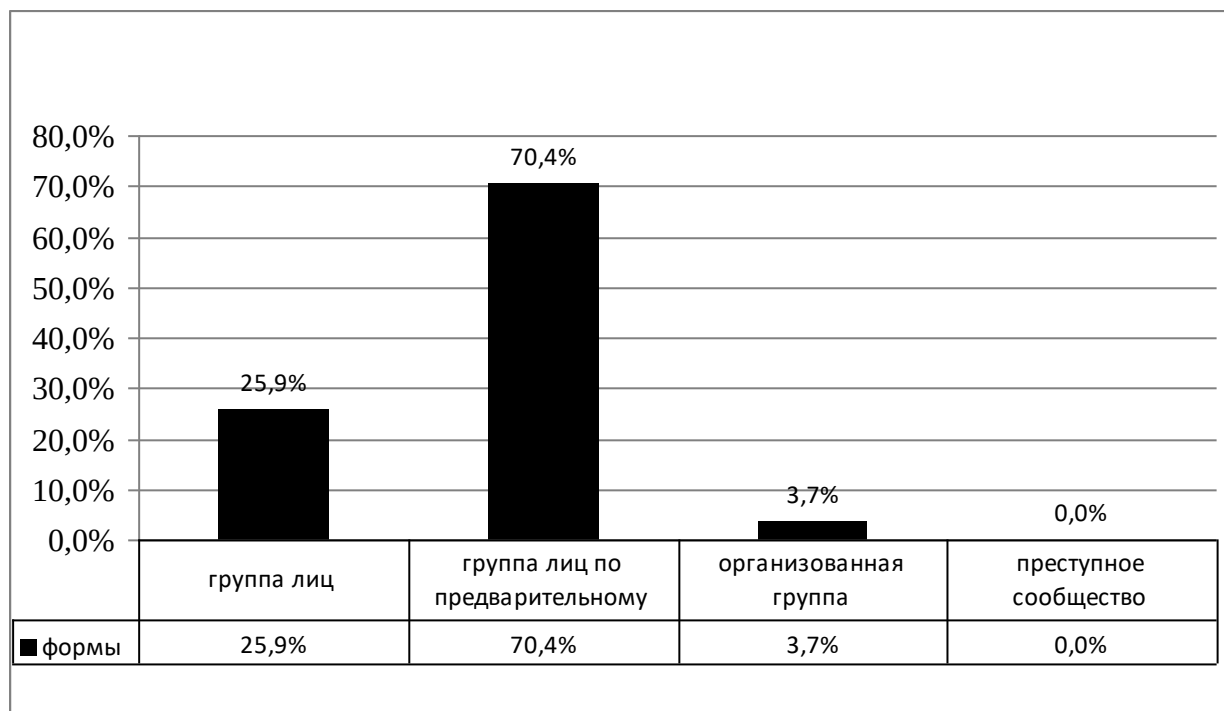

Рис. 2. Совершение эксцесса исполнителя преступления при отдельных формах соучастия (по данным 300 изученных уголовных дел по преступлениям, совершённым в г. Тюмени в 2003 – 2008 гг.)

Итак, выделение видов эксцесса исполнителя преступления позволяет установить возможные случаи отклонения исполнителя преступления от общего умысла других соучастников, а также будет способствовать выявлению особенностей квалификации действий соучастников при совершении преступления в условиях эксцесса.

Глава 2. УЧЁТ ЭКСЦЕССА ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Квалификация действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления

При анализе уголовно-правовой оценки действий соучастников в условиях эксцесса исполнителя преступления выявляется ряд проблем, в частности: установление особенностей квалификации в зависимости от вида эксцесса исполнителя преступления; квалификация деяний соисполнителей при совершении ими «перерастающих» преступлений; квалификация преступлений по признаку совершения их группой лиц по предварительному сговору; квалификация действий соучастников по наиболее тяжкому квалифицирующему признаку состава преступления и т.д.

До законодательного закрепления нормы об эксцессе исполнителя преступления в теории уголовного права существовали различные точки зрения на квалификацию деяний соучастников при эксцессе исполнителя преступления. При этом различия были обусловлены, во-первых, позицией автора относительно теории соучастия в целом и тем, придерживался ли автор акцессорной или самостоятельной теории ответственности соучастников, и, во-вторых, предлагаемыми видами эксцесса исполнителя преступления. Несмотря на закрепление в действующем законодательстве положения, согласно которому за эксцесс исполнителя преступления другие соучастники ответственности не подлежат, уголовно-правовая оценка действий соучастников, сопряжённых с эксцессом исполнителя преступления, до сих пор вызывает споры.

Особенности квалификации преступлений в условиях эксцесса исполнителя преступления в науке уголовного права традиционно рассматриваются применительно к количественным и качественным эксцессам. Учитывая различные взгляды на основания выделения данных групп эксцессов, на что было обращено внимание ранее, рассматриваются и различные варианты квалификации деяний, как самого исполнителя, допустившего эксцесс, так и остальных соучастников преступления.

В науке уголовного права не вызывают споров ситуации, при которых исполнитель преступления кроме задуманного преступления, согласованного с соучастниками, совершает ещё и новое преступление. Ответственность соучастников наступает за участие в том преступлении, на совершение которого они дали своё согласие и которое охватывалось их умыслом; исполнитель будет нести ответственность по совокупности преступлений [65, с. 385; 72, с. 291 – 292]. По мнению А.Ю. Корчагиной, во всех случаях эксцесса, связанного с совершением равного количества преступлений по отношению к планировавшимся, действия иных соучастников следует квалифицировать как неудавшееся соучастие по ч. 5 ст. 34 УК РФ [147, с. 21]. В случае эксцесса, связанного с совершением большего количества преступлений по отношению

к планировавшимся, при решении вопроса о квалификации преступлений лица, допустившего эксцесс, применяются правила ст. 69 УК РФ – о совокупности преступлений [147, с. 21].

В случае совершения исполнителем однородного преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, М.И. Ковалёв считает, что исполнитель должен отвечать за соучастие в первоначально планируемом преступлении, в остальных случаях и подстрекатель, и пособник уже не рассматриваются в качестве соучастников, они должны нести ответственность по правилам о стадиях развития преступной деятельности – за приготовление к преступлению (если оно наказуемо по закону) [137, с. 183]. Также считается, что если исполнитель совершил не то преступление, которое охватывалось умыслом других соучастников, но однородное с ним, то действия виновных квалифицируются по направленности умысла [210, с. 103].

Если исполнитель совершил другое неоднородное преступление, на совершение которого не было согласия других соучастников, то действия последних квалифицируются как неудавшееся соучастие – приготовление к преступлению [146, с. 123; 210, с. 104]. Точка зрения, согласно которой ответственность соучастников наступает по правилам о стадиях совершения преступления, поддерживается и в учебной литературе. Так, в одном из учебников по уголовному праву отмечается, что при совершении однородного преступления соучастники отвечают либо за неоконченное преступление (приготовление, покушение), либо за оконченное преступление, которое охватывалось их умыслом. В остальных случаях исполнитель отвечает по совокупности за приготовление к совместно задуманному преступлению (если преступление является тяжким или особо тяжким) и другое фактически совершённое преступление либо по совокупности совершённых преступлений. Другие соучастники привлекаются к ответственности либо за приготовление к совместно задуманному преступлению, либо за то преступление, которое изначально охватывалось их умыслом [206, с. 302].

Имеется также точка зрения, согласно которой в случае недоведения исполнителем преступления до конца, соучастник должен нести уголовную ответственность за соучастие в неоконченном преступлении, то есть за организацию, подстрекательство или пособничество покушению на преступление в зависимости от стадии, на которой была прервана преступная деятельность исполнителя. В случае же, когда исполнитель совершил иное, не охватываемое умыслом организатора или подстрекателя преступление, их действия надлежит квалифицировать как покушение на организационную деятельность или на подстрекательство, поскольку исполнитель никаких действий по превращению в жизнь намерений соучастников не совершил [92, с. 186]. Но такая конструкция не отвечает допустимым требованиям справедливости, заставляя правоприменителя освобождать подстрекателя от уголовной ответственности за соучастие в приготовлении к преступлениям небольшой или средней тяжести – в случае если подстрекателю удалось склонить исполнителя к преступлению, а деятельность исполнителя была прервана на стадии приготовления к

преступлению; и привлекать к уголовной ответственности неудавшегося подстрекателя к совершению этих же преступлений за покушение на подстрекательство – в случае если подстрекатель не смог убедить исполнителя встать на преступный путь. Таким образом искусственно завышается степень общественной опасности неудавшегося подстрекательства по сравнению с удавшимся [95, с. 43]. К тому же в уголовном праве нет такого преступления, как соучастие, а есть понятие «соучастие» в преступлении. Значит, нельзя покушаться на соучастие, а также на такие его проявления, как подстрекательство и пособничество. Другими словами, нельзя покушаться на форму совершения преступления, можно говорить лишь о покушении на определённое преступление [209, с. 107].

Ряд учёных устанавливают особенности ответственности соучастников в условиях эксцесса, рассматривая отдельные действия исполнителя, подпадающие под понятие эксцесса. Так, А.А. Арутюнов считает, что если исполнитель посягает не на тот объект или совершает более тяжкое преступление, то исполнитель несёт ответственность только за эксцесс, остальные соучастники – по правилам о стадиях совершения преступления. При этом предлагается, если вместо кражи был совершён разбой, то соучастники несут ответственность за приготовление к краже, а если разбой был совершён вместо планируемого грабежа, то – за покушение на грабёж, так как разбой не содержит в себе менее тяжкого преступления – кражу [72, с. 289], хотя кража рассматривается в качестве однородного преступления. Однако при разбое происходит завладение имуществом, которое соучастники первоначально планировали изъять при помощи кражи, а значит, исполнителем частично совершены действия, непосредственно направленные на осуществление преступления, охватывающегося умыслом других соучастников. Поэтому представляется, что действия соучастников при перерастании кражи в разбой также необходимо квалифицировать как покушение на кражу.

Безусловно, квалификация действий всех соучастников должна соответствовать принципам и правилам квалификации деяний, отражать реальность планируемых и совершённых деяний. Однако ситуации совершения эксцесса весьма разнообразны, что исключает возможность одинаковой квалификации действий соучастников, применимую ко всем случаям эксцесса. При этом проблема квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления возникает при наличии на стороне исполнителя оконченного состава преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, и являющегося однородным с первоначально задуманным преступлением.

На основании сформулированного в первой главе настоящей работы определения понятия эксцесса, выделенных типичных ситуаций, составляющих эксцесс, представляется возможной следующая квалификация действий соучастников преступления при эксцессе исполнителя преступления.

1. При совершении исполнителем преступления, охватывающегося умыслом других соучастников, но при квалифицирующих обстоятельствах, не охватывающихся их умыслом, действия исполнителя квалифицируются как

оконченное преступление по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей квалифицированный состав преступления. Действия остальных соучастников квалифицируются как окончченное преступление по соответствующей части ст. 33 УК РФ и соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей состав преступления без квалифицирующих обстоятельств.

2. При совершении исполнителем умышленного преступления без квалифицирующих обстоятельств, первоначально охватывавшихся умыслом других соучастников на стадии предварительной преступной деятельности, действия исполнителя квалифицируются как окончченное преступление по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей состав преступления без этих квалифицирующих обстоятельств. Действия остальных соучастников квалифицируются по соответствующей части ст. 33 УК РФ и как покушение по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей квалифицированный состав преступления.

3. В случае совершения исполнителем преступления сходным способом, но по-иному квалифицируемого в зависимости от ситуации, действия исполнителя, допустившего эксцесс, квалифицируются как окончченное преступление по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление-эксцесс. Действия остальных соучастников квалифицируются по соответствующей части ст. 33 УК РФ и как покушение по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление, охватывающееся их умыслом.

4. В случае совершения «перерастающего» преступления действия исполнителя, допустившего эксцесс, квалифицируются как окончченное преступление по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление-эксцесс. Действия остальных соучастников квалифицируются по соответствующей части ст. 33 УК РФ и как покушение по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление, охватывающееся их умыслом.

5. В случае, когда исполнитель наряду с преступлением, охватываемым умыслом других соучастников, совершает ещё и иное преступление, не охватываемое их умыслом, действия исполнителя квалифицируются по совокупности как окончченное преступление по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление, охватываемое умыслом других соучастников, и по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление-эксцесс. Действия остальных соучастников квалифицируются как окончченное преступление по соответствующей части ст. 33 и соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление, охватываемое их умыслом.

6. В случае совершения исполнителем иного умышленного преступления, не охватываемого умыслом других соучастников, вместо преступления, охватываемого их умыслом, деяние исполнителя квалифицируется как

приготовление (при соблюдении условий ч. 2 ст. 30 УК РФ) или покушение по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление, охватывающееся умыслом всех соучастников, и по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление-эксцесс, либо только по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление-эксцесс, в случае добровольного отказа исполнителя от первоначально задуманного преступления. Действия остальных соучастников квалифицируются по соответствующей части ст. 33 УК РФ и как приготовление (при соблюдении условий ч. 2 ст. 30 УК РФ) или покушение по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление, охватывающееся их умыслом.

При этом ч. 5 ст. 34 УК РФ определяет ответственность соучастников в случае недоведения исполнителем преступления до конца, по не зависящим от него обстоятельствам. Эксцесс, как отмечалось, предполагает сознательный отказ от совершения подготавливаемого преступления, при наличии возможности доведения преступления до конца. Поэтому в целях единообразного применения уголовного законодательства, и недопущения применения ч. 5 ст. 34 УК РФ по аналогии, либо расширительного её толкования, необходимо дополнить указанную норму положением следующего содержания: «В случае недоведения исполнителем преступления, охватывающегося умыслом других соучастников, до конца, все соучастники подлежат ответственности за соучастие в приготовлении или покушении на преступление, охватывающееся их умыслом».

При квалификации преступления, совершённого в условиях эксцесса, прежде всего необходимо установить объем умысла каждого из соучастников, имеется ли единство намерений виновных совершить именно данное деяние, оценить фактический вклад каждого из соучастников в совершённое преступление, проанализировать вину каждого из них и её содержание. Направленность и содержание умысла каждого из соучастников должны устанавливаться в зависимости от объективных обстоятельств совершённого деяния. Опрос следователей г. Тюмени и Тюменской области показал, что в практической деятельности при установлении эксцесса исполнителя преступления руководствуются такими критериями, как, во-первых, отсутствие знания соучастника о действиях лица, допустившего эксцесс (81 % от общего числа опрошенных), во-вторых, отсутствие вины со стороны остальных соучастников (37,5% от общего числа опрошенных), в-третьих, отсутствие причинной связи между действиями соучастников и преступным деянием исполнителя (18,5% от общего числа опрошенных), в-четвертых, отсутствие совместности и согласованности действий (18,5% от общего числа опрошенных).

Сложность установления истинных обстоятельств дела порождает ряд ошибок в квалификации деяний соучастников, совершённых в условиях эксцесса. Так, определённые вопросы вызывает квалификация действий соисполнителя при совершении им «перерастающего» преступления, связанного с насилием. Привлекать ли его к ответственности наряду с совершённым деянием, пред-

ставляющим собой эксцесс, еще и за приготовление или покушение на первоначально планируемое преступление?

Так, В.Ф. Щепельков, предлагая в подобных ситуациях квалифицировать действия исполнителя по совокупности преступлений, отмечает, что квалификация содеянного исполнителем при эксцессе по совокупности преступлений является гарантией принципа справедливости, поскольку исполнитель в данном случае понесёт не меньшую ответственность, нежели другие участники преступной деятельности. При квалификации действий исполнителя только по специальной норме или только по норме, предусматривающей ответственность за совершение так называемого «перерастающего» преступления, не исключена возможность того, что действия других соучастников будут оценены строже, чем непосредственного виновника совершения более тяжкого преступления [262, с. 266]. В.Г. Усов предлагает в данных случаях исходить из правил фактической ошибки: действия исполнителя должны квалифицироваться как грабёж или разбой, совершённый единолично, действия остальных соисполнителей – как покушение на групповую кражу или групповой грабёж, а действия организатора, пособника, подстрекателя – как соучастие в покушении на кражу или грабёж [240, с. 163].

Противоположную позицию занимают В. Комиссаров, И. Дубровин, которые отмечают, что возможно перерастание групповых кражи или грабежа в разбой, и в данном случае эксцесса соисполнителя зачастую нет. Если в процессе группового хищения любым, одним или несколькими соучастниками, было применено насилие или угроза насилием, то вся группа должна отвечать за грабёж или разбой в зависимости от характера насилия. Единственное, что могут сделать соучастники, чтобы избежать такой ответственности, – это немедленно прекратить своё участие в преступлении. В этом случае имеет место добровольный отказ, и лицо полностью освобождается от уголовной ответственности.

Правда, возможен вариант, когда кто-то из членов группы уже окончил свои действия по изъятию имущества, а другой с целью удержания похищенного применил насилие. В этом случае только последний будет отвечать за разбой, а первый – за кражу. Всякий же, кто после насилия продолжает завладеть имуществом, совершает разбой [143, с. 26]. Тем самым он в форме конклюдентных действий выразил своё согласие с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, безразлично относясь к возможным последствиям своих и другого соучастника действий [194, с. 54]. Аналогичное разъяснение содержалось в п. 7 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»: «Если группа лиц с предварительным сговором имела намерение совершить кражу или грабёж, и один из участников применил или угрожал применить насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, то его действия следует квалифицировать как разбой, а действия других лиц – соответственно как кражу или грабёж при условии, что они непосредственно не способствовали

применению насилия либо не воспользовались им для завладения имуществом потерпевшего» [43].

Действительно, в подобных случаях эксцесса соисполнителя преступления нет, так как соучастник, осознавая применённое насилие со стороны другого соучастника, использует его для достижения общей цели. Поэтому действия соисполнителей должны квалифицироваться как грабёж или разбой (в зависимости от обстоятельств дела), совершённый группой лиц (без предварительного сговора).

При рассмотрении подобных дел судами нередко допускаются ошибки. Так, 11.04.2007 г. Рожнов предложил Поздеевой открыто похитить деньги у прохожего. Согласно плану, Поздеева должна была под любым предлогом остановить прохожего, после чего совместно с Рожновым открыто похитить деньги. Согласившись, Поздеева подошла к ранее незнакомому Зябко и попросила сигарету. Зябко, передав сигарету, остановился. В это время Рожнов подошёл к Зябко и, выйдя за рамки предварительной договоренности, достал предмет, похожий на пистолет и направил его на Зябко (в ходе судебного заседания установлено, что применённый Рожновым пистолет является пластмассовой игрушкой, Зябко действия, связанные с демонстрацией пистолета, воспринял как реальную угрозу своей жизни или здоровью). Передернув затворную раму, Рожнов потребовал передачи денег. Поздеева, реализуя общий преступный умысел, открыто, из корыстных побуждений, достала из кармана одежды Зябко МП-3 плеер и деньги. С похищенным Поздеева и Рожнов с места преступления скрылись. Действия Поздеевой были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершённый группой лиц по предварительному сговору. Действия Рожнова были квалифицированы по ч. 1 ст. 162 УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершённое с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья [59, с. 128 – 134]. Однако в данном случае факт угрозы охватывался умыслом Поздеевой, она продолжала реализацию общего замысла, а следовательно, действия обвиняемых должны квалифицироваться как разбой, совершённый группой лиц (без предварительного сговора). Учитывая, что законом не предусмотрен квалифицирующий признак совершения разбоя группой лиц, содеянное в таких случаях следует квалифицировать по ч. 1 ст. 162 УК РФ (абз. 3 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [39]).

Не будет эксцесса исполнителя преступления и в ситуации, когда в ходе разбойного нападения насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, причиняет один из участников группы, однако между ними заранее имела договоренность на подобные действия, либо они предполагали возможность применения любого насилия к потерпевшему в ходе совершения преступления.

Так, 19 октября 2005 г., находясь в игровом павильоне, М. решил совершить разбойное нападение на менеджера-оператора, убить её и похитить имевшиеся в павильоне денежные средства. Он сообщил о своём намерении Ш., не ставя

её в известность о своём решении в ходе нападения лишить жизни менеджера-оператора. На предложение М. совершить разбойное нападение Ш. дала согласие, после чего они обговорили план совершения разбойного нападения и распределили роли. Действуя согласно плану, Ш. дождалась ухода из игрового павильона последних посетителей, вышла на улицу, нашла кирпич, принесла его в помещение игрового павильона и передала М., чтобы тот использовал этот кирпич при нападении на менеджера-оператора. Затем она закрыла входную дверь на замок, а сама, находясь у двери, стала наблюдать за окружающей обстановкой. М. в это время прошёл в служебное помещение игрового павильона, где нанёс менеджеру-оператору не менее двух ударов кирпичом по голове, от чего потерпевшая упала на пол. С целью лишения её жизни М. нанес ей удар кирпичом по голове. От полученных телесных повреждений женщина скончалась на месте. Продолжая свои преступные действия, М. и Ш. обыскали служебное помещение игрового павильона и похитили металлический сейф, в котором находились деньги в сумме 10 500 руб. и различное имущество. Судом первой инстанции Ш. осуждена по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Осуждённая Ш. в надзорной жалобе просила отменить судебные решения или изменить их, ссылаясь на то, что действия М., совершившего убийство, были для неё неожиданными, в данном случае имел место эксцесс исполнителя. Президиум Верховного Суда РФ оставил судебные решения без изменений, а надзорную жалобу – без удовлетворения. Суд правильно признал, что Ш., передавая кирпич, осознавала, что М. будет им наносить удары по голове потерпевшей, её умыслом охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей [44].

Напротив, в случаях, когда один из соисполнителей выполнил объективную сторону совместного деяния по изъятию имущества, не использовал насилие, применённое в дальнейшем другим соучастником для завладения имуществом или его удержания, имеет место эксцесс исполнителя преступления.

Так, Муллаков, Рыбко и Карпов по предварительному сговору на открытое хищение имущества подошли к Солобоеву и стали требовать передачи бутылки пива 2,25 л. Получив отказ, Муллаков выхватил бутылку и ударил потерпевшего. Затем Муллаков и Карпов стали наносить удары потерпевшему ногами и руками по различным частям тела. Рыбко удерживал потерпевшего руками. От полученных ударов Солобоев упал на землю. Муллаков и Карпов продолжали наносить удары. Затем Муллаков осмотрел карманы одежды Солобоева и забрал книжку с автодокументами, талоны на дизельное топливо на сумму 2 610 руб. Когда потерпевший поднялся, Рыбко похитил из кармана сотовый телефон. После этого Муллаков потребовал у Солобоева кольцо с пальца. Солобоев отказался и попытался скрыться от нападавших, но Муллаков и Карпов стали преследовать потерпевшего. Догнав, Муллаков взял с земли кирпич и стал наносить им удары Солобоеву по различным частям тела, а Карпов взял резиновый шланг и также стал наносить удары потерпевшему. В это время Муллаков пытался снять кольцо с пальца Солобоева, но не сумел, так как последний оказал сопротивление. После этого Муллаков, Рыб-

ко и Карпов с места преступления скрылись. Во время избивания потерпевшего кирпичом и резиновым шлангом Муллаков и Карпов вышли за пределы предварительной договоренности с Рыбко, при нанесении потерпевшему ударов по голове предметами, используемыми в качестве оружия; имела реальная угроза для его жизни и здоровья. В связи с этим действия Рыбко судом квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, а действия Муллакова и Карпова – по ч. 2 ст. 162 УК РФ [55, с. 238 – 242].

При этом у правоприменителей нет единого мнения о том, каким образом квалифицировать деяния соучастников в подобных ситуациях. Так, из общего числа опрошенных следователей г. Тюмени и Тюменской области 50% полагают, что в случае, когда два соисполнителя (А и Б) договорились совершить грабёж, один соисполнитель (А) изъясил имущество, а другой (Б) в целях завладения имуществом применяет к потерпевшему насилие, опасное для жизни и здоровья, деяние (А) необходимо квалифицировать как грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, деяние (Б) – как разбой, совершённый единолично. 22% опрошенных считают правильной квалификацию, при которой деяние (А) оценивается как грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, деяние (Б) – как разбой, совершённый группой лиц по предварительному сговору. 11,5% опрошенных полагают, что деяние (А) и (Б) должно квалифицироваться как разбой, совершённый группой лиц по предварительному сговору. 11% поддерживают квалификацию деяния (А) как грабёж, совершённый единолично, деяние (Б) – как разбой, совершённый единолично. В связи с вышеприведенными данными возникает отдельная проблема в квалификации деяния группы лиц по предварительному сговору в отношении вменения квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору».

Так, 25.12.2007 г. Магарамов, достоверно зная, что у Демченко имеются денежные средства, решил их похитить. В целях реализации преступных намерений Магарамов предложил Казиеву найти человека, приехавшего из п. Новоаганск, и забрать у последнего деньги. Казиев, управляющий автомашиной, и Магарамов, расположившийся на заднем сидении, двигаясь по улице, увидели Демченко. Казиев остановил машину и согласился отвезти Демченко в п. Новоаганск. Во время движения автомашины Магарамов напал на Демченко, нанёс не менее трех ударов рукой по голове последнего, от чего тот упал на переднюю панель. После этого Магарамов накинул прокладку крышки клапанов двигателя на шею Демченко и стал душить последнего, который в результате примененных действий потерял сознание. Казиев, продолжая управлять автомашиной, локтем не менее двух раз оттолкнул падающего на него Демченко в противоположную сторону. После остановки автомашины Магарамов вытащил Демченко и нанёс последнему множественные удары ногами в область головы и других частей тела. В результате действий Магарамова Демченко был причинён вред здоровью средней тяжести. Реализуя задуманное, Магарамов обыскал одежду Демченко и завладел денежными средствами и имуществом потерпевшего в сумме 32 500 руб. После этого Мага-

рамов и Казиев с места происшествия скрылись. В действиях Магарамова суд установил эксцесс исполнителя преступления и квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 162 УК РФ как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершённый с применением насилия, опасного для жизни и здоровья. Действия Казиева суд квалифицировал по п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершённый группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья [51]. Аналогичным образом были квалифицированы действия соучастников и по иным подобным делам [см., например: 56, с. 30 – 49]. Получается, что действия только одного соучастника, не допустившего эксцесс, квалифицируются как совершённые группой лиц по предварительному сговору. Однако, исходя из квалификации действий другого соисполнителя преступления, непонятно с кем же состоялся сговор.

П. Перескопов, рассматривая случай, когда действия одного соисполнителя были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а другого – по ч. 1 ст. 161 УК РФ, отмечает, что напрашиваются вопросы: почему другой соучастник должен отвечать за преступление, «совершённое по предварительному сговору группой лиц», если у второго исполнителя их совместного хищения этот признак исключен? Справедливо ли назначено наказание, если действия лица, допустившего эксцесс в способе изъятия ценностей при реализации совместного, преступного умысла на хищение и совершившего более дерзкое преступление, фактически квалифицируются как менее тяжкое преступление? Как может соучастник, допустивший эксцесс (то есть что-то дополнительное, выходящее за рамки сговора), реализовавший их совместный умысел и совершивший к тому же действия дополнительные, выходящие за рамки сговора, с правовой точки зрения оказаться в более предпочтительном положении по сравнению с соучастником, который за рамки сговора не выходил? И предлагает в подобной ситуации квалифицировать действия обоих соучастников «по предварительному сговору группой лиц» [186, с. 74]. Признак группы лиц по предварительному сговору предлагается вменять всем соучастникам преступления и в ситуации количественного эксцесса: исполнителю – за совершение преступления с квалифицирующими обстоятельствами, не охватываемыми умыслом других соучастников, другим соучастникам – за преступление без квалифицирующих обстоятельств [190, с. 78].

Однако квалификация рассматриваемых ситуаций по указанному признаку приводит к тому, что действия, составляющие эксцесс, оцениваются как совершённые группой лиц по предварительному сговору, что недопустимо. Сговор заключается в ином варианте. Он направлен на совершение другого преступления [102, с. 156]. Для вменения квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору» необходимо, чтобы как минимум два лица, являющихся субъектами преступления, выполняли объективную сторону деяния полностью или частично, в юридическом её понимании.

Представляется, что в случае совершения «перерастающих» преступлений, когда один соисполнитель во время совершения, например, грабежа закончил

действия по изъятию имущества, а второй соисполнитель в целях завладения имуществом или его удержания применяет к потерпевшему насилие, опасное для жизни или здоровья, что не охватывалось умыслом другого соисполнителя, квалифицировать действия первого соисполнителя как оконченный грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, а действия второго соисполнителя – по совокупности как покушение на грабёж, совершённое группой лиц по предварительному сговору, и разбой, совершённый единолично. Аналогичным образом следует квалифицировать и действия Казиева и Магарамова в вышеприведённом примере. Действия второго соисполнителя необходимо квалифицировать как покушение в отношении первоначально планируемого преступления ввиду того, что с его стороны действия по изъятию имущества не закончены, он отказывается от начатого преступления и совершает более тяжкое преступление для достижения цели, которая стояла перед преступлением, охватывавшимся умыслом других соучастников. При этом отражение в его квалификации признака группы лиц по предварительному сговору позволяет объяснить, почему данное обстоятельство нашло отражение в квалификации деяния первого соисполнителя.

Необходимо отметить, что в настоящее время, как показало изучение уголовных дел, подобная квалификация не применяется. Лишь 5,5% от общего числа опрошенных следователей г. Тюмени и Тюменской области поддерживали квалификацию преступных деяний соучастников таким образом. Конечно, в каждой из вышеприведённых квалификаций подобных случаев имеются определённые недостатки. Вместе с тем предложенная нами квалификация позволит отразить действительную направленность умысла всех соучастников и реально совершённые деяния каждым из соучастников преступления.

В судебной практике нередко встречаются и такие ошибки, когда эксцесс одного из участников группового посягательства, имевший место при совершении совместного преступления, не устанавливается ввиду неверной квалификации содеянного, так как наиболее тяжкий квалифицирующий признак состава преступления вменяется всем соучастникам преступления.

Так, 8 мая 2002 г. осуждены Де и Ким по п. «в» ч. 3 ст. 162, п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Они признаны виновными в совершении разбойного нападения на Михалькову с целью хищения чужого имущества, группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, а также в убийстве Михальковой группой лиц по предварительному сговору, сопряжённом с разбоем. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор изменила, указав следующее. Суд правильно признал Де соучастником разбойного нападения на Михалькову. Однако нельзя согласиться с осуждением его за разбой, совершённый с причинением тяжкого вреда потерпевшей, и за умышленное убийство её при разбойном нападении группой лиц по предварительному сговору. Из приговора следует, что суд не установил предварительной договорённости Кима и Де о причинении здоровью Михальковой тяжкого вреда. Согласно материалам дела, совместные и согласо-

ванные действия виновных выразились в подготовке к нападению на Михалькову с целью завладения имуществом и его осуществлении с незаконным проникновением в жилище, с использованием масок, перчаток и применением ленты-скотч. При этом Де, как и было обусловлено предварительным сговором, руками и ногами нанёс потерпевшей удары по туловищу и голове, причинив её здоровью вред средней тяжести. Его умыслом не охватывалось убийство Михальковой. Действия, связанные с лишением Михальковой жизни, Ким совершил вне сговора. Он вопреки договоренности, предвидя и сознательно допуская возможность смертельного исхода, перекрыл потерпевшей дыхательные пути. При таких обстоятельствах указанные действия Кима следует расценивать как эксцесс исполнителя, за который другой соучастник преступления ответственности не подлежит. Поскольку Де совершил разбойное нападение на Михалькову в группе лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище и с применением предмета, используемого в качестве оружия, его действия Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала с п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ на п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ, приговор в части осуждения Де по п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ отменила [48].

Встречаются также неточности в приговорах судов первой инстанции, которые выражаются в несоответствии квалификации преступного деяния его описанию в описательно-мотивировочной части приговора. Так, Ананьев и Желуницын признаны виновными в том, что они по предварительному сговору между собой, угрожая применением насилия, вымогали у потерпевшего Прядко денежные средства. Кроме того, Ананьев осуждён за то, что применив насилие, не опасное для жизни и здоровья, открыто похитил у потерпевшего Прядко сотовый телефон и пневматический пистолет. Желуницын осуждён за открытое, с угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, хищение принадлежащих Прядко куртки и сотового телефона. Преступления совершены ими 20 августа и 13 октября 2004 г. при обстоятельствах, изложенных в приговоре. Судебная коллегия по уголовным делам Тюменского областного суда установила, что при описании эпизода вымогательства от 13 октября 2004 г. суд указал, что совершённое Ананьевым и Желуницыным преступное деяние сопровождалось применением к потерпевшему насилия, однако виновными по данному квалифицирующему признаку (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ) суд Ананьева и Желуницына не признал, в связи с чем указание суда на применение осужденными насилия к потерпевшему Прядко в процессе вымогательства у него денежных средств подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора по данному эпизоду [58, с. 208 – 223, 279 – 285].

По общему правилу установление эксцесса исполнителя преступления влияет на квалификацию преступного деяния, совершённого другими лицами [207, с. 197]. Однако возможны ситуации, когда в ходе совершения группового преступления у каждого из соисполнителей преступления независимо друг от друга возникает умысел на совершение иного преступления. При этом их

деяния могут быть направлены на один объект. Так, 11.06.2004 г. между Тетериным, Мякишевым и потерпевшими в квартире завязалась драка, в процессе которой последним были причинены телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью. Тетерин во время ухода из квартиры похитил сумку и сотовый телефон, лежавшие на полу, причинив потерпевшим материальный ущерб на сумму 7 600 руб. В свою очередь, Мякишев, выходя из квартиры, похитил спортивную сумку, причинив потерпевшим материальный ущерб в размере 4 450 руб. При этом умысел у обвиняемых на хищение чужого имущества возник внезапно, как Мякишев брал вещи из квартиры Тетерин не видел [53, с. 80 – 85]. В данном случае, несмотря на наличие эксцесса со стороны каждого из соисполнителей, их преступные действия получают одинаковую уголовно-правовую оценку. При этом в приговоре уже не указывается на наличие эксцесса в действиях каждого из соисполнителей преступления.

Несмотря на спорные вопросы, возникающие при квалификации действий соучастников в условиях эксцесса исполнителя преступления, опрос следователей г. Тюмени и Тюменской области показал, что 57% от общего числа опрошенных считают, что нормы Уголовного кодекса РФ не нуждаются в изменении; 5,5% от общего числа опрошенных полагают необходимым закрепить правила квалификации преступных деяний при эксцессе исполнителя преступления в нормах Уголовного кодекса РФ; 37,5% от общего числа опрошенных – в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Таким образом, большинство опрошенных не считают необходимым внесения изменений в уголовное законодательство в части регулирования вопросов квалификации преступных деяний соучастников при эксцессе исполнителя преступления. Однако ошибки, встречающиеся в следственной и судебной практике при установлении признаков эксцесса в деяниях соучастников, различное понимание данного уголовно-правового явления, свидетельствуют об обратном. На настоящий момент правила квалификации должны найти нормативное закрепление. Учитывая, что введение подробных правил в Уголовный кодекс РФ приведёт к неизбежному усложнению понимания нормы об эксцессе исполнителя преступления, представляется целесообразным в уголовный закон включить только норму об уголовной ответственности соучастников, приводимую в первой главе настоящей работы. Подробные и конкретные правила квалификации должны найти отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвящённом вопросам соучастия в преступлении.

Таким образом, квалификация преступлений, являясь одним из важных показателей соблюдения принципа законности, должна как можно более точно отражать правовую оценку действий каждого из соучастников преступления.

§ 2. Назначение наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления

Правильная квалификация преступления выступает важной предпосылкой справедливости наказания [154, с. 14]. Допустив неправильную квалифика-

цию, суд получает неправильное представление о характере и степени общественной опасности данного деяния, а как следствие этого, и о пределах его наказуемости. При таком положении суд не может назначить наказание, соответствующее действительной общественной опасности рассматриваемого преступления и преступника [97, с. 151]. Однако правильная квалификация преступления еще не создаёт всех необходимых предпосылок для определения справедливой меры наказания.

Прежде чем рассматривать вопрос о назначении наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления, необходимо выяснить, что понимается под термином «назначение наказания». Как известно, Уголовный кодекс РФ содержит отдельную главу, посвящённую вопросам назначения наказания, но не раскрывает данного понятия. В науке уголовного права также не всегда определяется данная категория при рассмотрении вопросов назначения наказания [см., например: 81; 152.; 171; 202; 222].

Среди ученых, обращающих внимание на определение понятия «назначение наказания», нет единства в решении данного вопроса. В частности, под назначением наказания предлагается понимать избрание судом при вынесении обвинительного приговора конкретной меры уголовного воздействия лицу, признанному виновным в совершении преступления [162, с. 320]. Однако мера уголовно-правового воздействия и наказание неидентичные понятия, последнее представляется более узким. Назначение наказания определяется как применение санкции уголовного закона [90, с. 193]. Такое определение является довольно общим, так как применение санкции может выражаться в различных аспектах, и непонятно, что понимается под данным термином применительно к процессу назначения наказания. З.А. Астемиров определяет назначение наказания как завершающий этап процесса судебного разбирательства, оценки всех доказательств и фактических обстоятельств уголовного дела, итогом которого является признание лица виновным в квалифицирующем его деяние составе преступления и определение ему наказания (его вида, срока или размера) как основного, а при необходимости или предусмотренное санкцией дополнительного наказания [78, с. 107]. Схожее определение даётся и Р.А. Рагимовым [201, с. 9 – 10]. Как справедливо отмечает Е.В. Благов, данная дефиниция страдает процессуальным подходом к материально-правовому явлению [87, с. 39]. В определении назначения наказания как принятии на основе учета соответствующих обстоятельств решения о виде и размере или только виде наказания [87, с. 38] не указывается на результат принятия такого решения (закрепление вида и меры наказания в приговоре суда). Более точным представляется определение назначения наказания как выбор судом в обвинительном приговоре конкретного вида наказания и определение его размера применительно к лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом преступление [218, с. 214; 180, с. 12].

Несмотря на закрепление различных определений понятия назначения наказания, в любой из предлагаемых дефиниций так или иначе прослеживается-

ся, что назначение наказания – это деятельность, в результате которой виновному определяется конкретное наказание, характеризующееся видом и размером. На основании вышеизложенного, а также положений Уголовного кодекса РФ о наказании, назначение наказания в общем виде представляет собой процесс, связанный с определением вида и меры наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, и закреплении их в приговоре суда.

Как и любая деятельность, назначение наказания основывается на определённых правилах – критериях, учитываемых судом. К общим критериям, учитываемым судом при назначении любого наказания, относятся обстоятельства, указанные в ч. 3 ст. 60 УК РФ. Применительно к соучастникам преступления Уголовный кодекс РФ содержит отдельную норму (ст. 67 УК РФ), предусматривающую обстоятельства, которые учитываются судом при назначении наказания соучастникам преступления.

Суд в каждом конкретном случае должен оценить все необходимые обстоятельства, относящиеся к личности виновного и к деянию. Особым обстоятельством для назначения наказания соучастникам преступления является факт совершения исполнителем эксцесса. В этом случае назначение наказания исполнителю производится за фактически совершённые им действия, не охваченные единым умыслом иных соучастников [227, с. 151]. При этом назначение наказания соучастникам в условиях эксцесса исполнителя преступления должно основываться на общих принципах назначения наказания соучастникам преступления, а также иметь определённые особенности.

Назначение наказания в каждом конкретном случае должно обосновываться целым комплексом обстоятельств. Учитывая характер и степень фактического участия лица в совершении преступления, прежде всего важен порядок их учёта при назначении наказания. В ч. 1 ст. 67 УК РФ на первом месте стоит характер, а на втором – степень участия. Действительно, первично все-таки то, кем был, в качестве кого выступал соучастник при совершении преступления, а не то, как, каким образом выполнял свою роль [88, с. 75]. Было бы не совсем логично, сначала учитывать меру активности лица при совершении им преступления, а лишь потом роль, которую он выполнял.

Учёт характера и степени участия в совершении преступления предусматривает правила отдельной квалификации действий каждого из участников преступления (например, при эксцессе). Эти нормы свидетельствуют об индивидуальной ответственности каждого соучастника именно за свои преступные действия [94, с. 145]. Оценивая значение участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причинённого или возможного вреда, суд должен учитывать объем вклада каждого из соучастников. Чем он больше на стороне одного соучастника преступления, тем он меньше на стороне другого, что должно снижать ответственность последнего. Поэтому эксцесс исполнителя преступления и исключает ответственность других соучастников по ст. 36 УК РФ.

Вместе с тем сопоставление положений ст. 60 УК РФ и ст. 67 УК РФ показывает, что учёт характера и степени фактического участия лица, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причинённого или возможного вреда охватывается учётом характера и степени общественной опасности преступления, закреплённым в общих началах назначения наказания. Поэтому справедливо отмечает Д.С. Дядькин, что «все факторы носят общий характер и подлежат учёту в силу иных, как общих, так и специальных правил назначения наказания, что в конечном итоге приводит к мысли, что ст. 67 ввиду отсутствия в ней каких-либо конкретных правил назначения наказания – «пустая», а соответственно может безболезненно быть исключена из текста уголовного закона» [118, с. 385].

При рассмотрении вопроса о назначении наказания необходимо различать и такие понятия, как дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания. Дифференциация уголовной ответственности и наказания является средством законодательной оценки общественной опасности преступлений определённого вида и лиц, их совершивших, и осуществляется соответственно через установления в законе вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания.

Индивидуализация уголовной ответственности и наказания является средством судебной оценки общественной опасности конкретного преступления и лица, его совершившего, через выбор судом вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания в отношении конкретного лица [см.: 237, с. 32, 200 – 201]. Сущность индивидуализации – в максимальном приспособлении избираемой судом меры к целям уголовно-правового воздействия, во всестороннем учёте всех конкретных данных, характеризующих содеянное и личность виновного [239, с. 468]. Безусловно, индивидуализация наказания основывается на его дифференциации.

На основании изложенного выше представляется возможным сравнить особенности назначения наказания исполнителю преступления, допустившему эксцесс, и другим соучастникам преступления по таким основаниям, как вид и размер наказания, учёт обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, обстоятельств, относящихся к личности виновного, применение условного осуждения, более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Необходимо отметить, что, несмотря на закрепление в Уголовном кодексе РФ системы наказаний, включающей в себя двенадцать видов, судами в основном применяется не более трех. Как отмечает А.А. Арямов, «в результате, в отличие от законодательной конструкции, создаётся в действительности абсолютно не гибкая, примитивная система уголовной репрессии. Не исключено и действие в данном случае следующего фактора: в обыденном сознании уголовное наказание устойчиво ассоциируется с лишением свободы, профессиональное же сознание ряда работников юрисдикционных органов не сильно отличается в данном аспекте от обыденного.

Кроме того, очевиден обвинительный уклон отечественного уголовного судопроизводства» [77, с. 35].

Так, из общего количества изученных нами уголовных дел, сопряжённых с эксцессом исполнителя преступления, в 86,2% случаев соучастникам преступления, в том числе исполнителю преступления, вышедшему за пределы умысла других соучастников, было назначено лишение свободы с реальным сроком отбывания наказания в исправительных учреждениях, из них со штрафом – 7,1% случаев.

Такая практика характерна и для России в целом. Возможно, это связано с тем, что часто человека можно лишить только свободы, ничего другого у него нет.

Из общего числа изученных нами уголовных дел минимальное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи, в 4% случаев было назначено исполнителю преступления, совершившему эксцесс, и в 7,1% случаев – другим соучастникам преступления.

Максимальное наказание назначалось только исполнителю преступления, допустившему эксцесс (12% случаев). Наказание выше среднего размера, предусмотренного санкцией статьи, в 32% случаев было назначено исполнителю преступления, совершившему эксцесс, и в 17,9% случаев – другим соучастникам преступления. Наказание ниже среднего размера в 28% случаев назначалось исполнителю преступления, совершившему эксцесс, и в 67,9% случаев – другим соучастникам преступления. Наказание, равное среднему размеру наказания, предусмотренного санкцией статьи, в 24% случаев было назначено исполнителю преступления, совершившему эксцесс, и в 7,1% случаев – другим соучастникам преступления.

Таким образом, исполнителю преступления, допустившему эксцесс, чаще, чем другим соучастникам преступления назначается максимальное наказание, наказание выше среднего размера и равное среднему размеру наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи.

Кроме того, в 10% случаев лицу, совершившему эксцесс, и другим соучастникам преступления было назначено равное по тяжести наказание при различных смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах.

Учёт обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, выступает одним из средств его индивидуализации.

Из общего числа изученных нами уголовных дел по преступлениям, совершённым в условиях эксцесса, наказание было назначено в 50,8% случаев с учётом наличия у кого-либо из соучастников смягчающих наказание обстоятельств, в 10,8% случаев – с учётом отягчающих наказание обстоятельств, в 12,3% случаев – при наличии одновременно и смягчающих, и отягчающих наказание обстоятельств, и в 26,2% случаев наказание соучастникам назначалось при отсутствии смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (см. табл. 2).

Таблица 2

Учет смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания соучастникам в преступлениях, совершённых в условиях эксцесса
(по данным 300 изученных уголовных дел по преступлениям, совершённым в г. Тюмени в 2003 – 2008 гг.)

Вид обстоятельств	Учтены в отношении подсудимых, в абс.	Удельный вес, в процентах
Всего	65	100
Только смягчающие	33	50,8
Только отягчающие	7	10,8
Одновременно смягчающие и отягчающие	8	12,3
Отсутствие смягчающих, отягчающих обстоятельств	17	26,2

При этом в качестве смягчающих наказание судом учитывались такие обстоятельства, как: явка с повинной – в 51,2% случаев, наличие малолетних детей – в 24,4% случаев, несовершеннолетие – в 22% случаев, признание вины – в 19,5% случаев, раскаянье в содеянном – в 12,2% случаев, возмещение ущерба – в 9,8% случаев. В качестве отягчающих наказание судом учитывались такие обстоятельства, как: рецидив преступлений – в 80% случаев, особо активная роль в совершении преступления – в 20% случаев (см. табл. 3, рис. 3).

Таблица 3

Смягчающие и отягчающие обстоятельства, учитываемые судом при назначении наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления (по данным 300 изученных уголовных дел по преступлениям, совершённым в г. Тюмени в 2003 – 2008 гг.)

Вид обстоятельств	Учтены в отношении подсудимых, в абс.	Удельный вес, в процентах
<i>Смягчающие</i>		
Явка с повинной	21	51,2
Наличие малолетних детей	10	24,4
Несовершеннолетие	9	22
Признание вины	8	19,5
Раскаянье в содеянном	5	12,2
Возмещение ущерба	4	9,8
<i>Отягчающие</i>		
Рецидив	12	80
Особо активная роль при совершении преступления	3	20

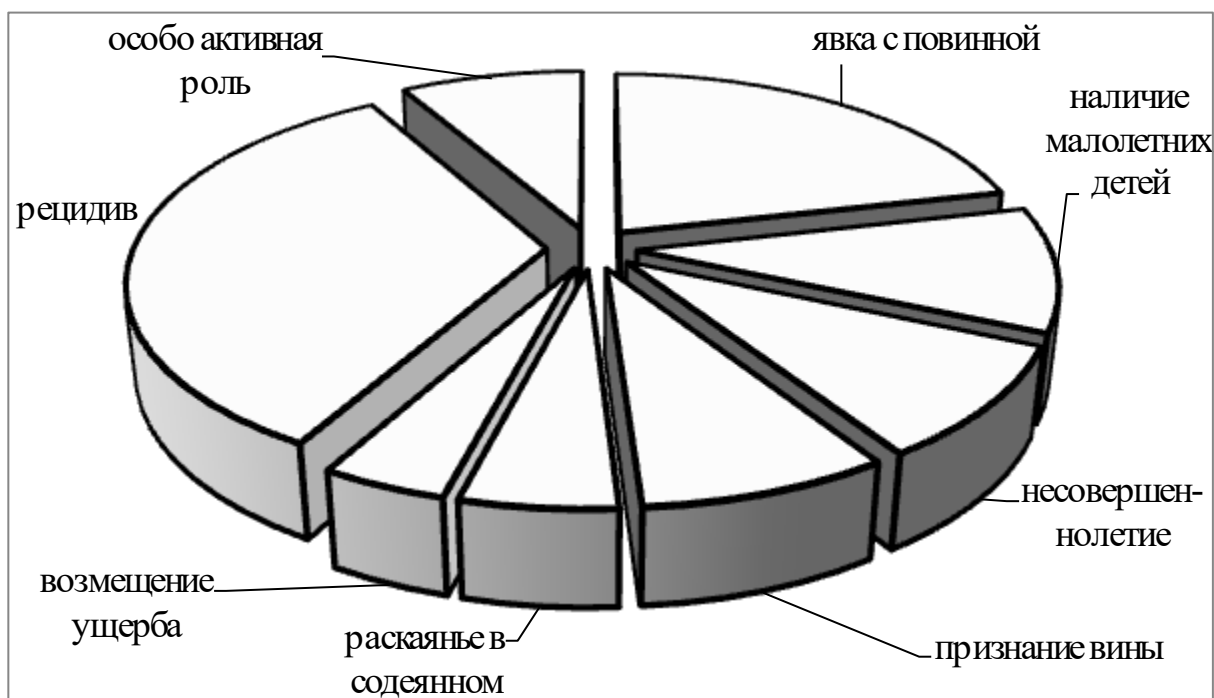

Рис. 3. Смягчающие и отягчающие обстоятельства, учитываемые судом при назначении наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления (по данным 300 изученных уголовных дел по преступлениям, совершённым в г. Тюмени в 2003 – 2008 гг.)

Для процесса назначения наказания немаловажное значение имеет решение вопроса о том, каким образом должна влиять на определение вида и размера наказания имеющаяся по конкретному делу совокупность смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств [176, с. 125]. Еще Н.С. Таганцев писал: «судья должен помнить, что основой ответственности служит судимое деяние с выразившимися в нем свойствами личности учинившего и что при относительно определённой санкции нормальным наказанием всегда предполагается средняя мера наказания, назначенного в законе. В тех случаях, когда деяние представляет обыкновенный, как бы нормальный тип данного рода преступлений, или где хотя и существуют обстоятельства, отягчающие или ослабляющие виновность, но в равномерности, взаимно покрывая друг друга, там должна быть применяема и средняя мера назначенного в законе наказания; наличность или перевес обстоятельств, отягчающих вину, будет приближать ответственность к назначенному за данное деяние высшему пределу наказания; наличность же или перевес обстоятельств, ослабляющих вину, к его низшему пределу» [226, с. 388]. Однако не всегда наличие смягчающего обстоятельства влечёт назначение наказания, близкого к минимальному, а наличие отягчающего обстоятельства – назначение наказания, близкого к максимальному. Если имеет место совокупность смягчающих и отягчающих обстоятельств, то возможна взаимная нейтрализация их по степени влияния на наказание [155, с. 148].

Более того, помимо смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств суд учитывает все обстоятельства, характеризующие преступное деяние и ли-

цо, его совершившее. Анализ рассмотренных нами уголовных дел показывает, что суды при назначении вида и меры наказания соучастникам преступления при наличии эксцесса учитывают (за исключением смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных уголовным законом) следующие обстоятельства, относящиеся к личности виновного (см. табл. 4).

Таблица 4

Иные обстоятельства, учитываемые судом при назначении наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления
(по данным 300 изученных уголовных дел по преступлениям, совершённым в г. Тюмени в 2003 – 2008 гг.)

№ п/п	Обстоятельства	Учтены в отношении подсудимых, в абс.	Удельный вес, в процентах
1.	характеристики, даваемые виновным по месту жительства, работы, учебы	62	95,4
2.	наличие или отсутствие когда-либо судимости	46	70,8
3.	наличие / отсутствие работы	27	41,5
4.	наличие /отсутствие постановки на учёт у нарколога	14	21,5
5.	наличие / отсутствие постановки на учёте у психиатра	9	13,8
6.	наличие/отсутствие учебы	8	12,3
7.	отсутствие употребления наркотических средств	7	10,8
8.	наличие постоянного места жительства	5	7,7
9.	отсутствие злоупотреблением алкоголем	5	7,7
10.	имущественное положение	5	7,7
11.	участие в боевых действиях	5	7,7
12.	состояние здоровья	4	6,2
13.	наличие наград	4	6,2
14.	наличие семьи	3	4,6
15.	склонность к совершению преступлений определённого вида	3	4,6
16.	отсутствие родителей (сирота, воспитанник детского дома)	1	1,5
17.	нахождение под контролем родителей или иных законных представителей несовершеннолетних	1	1,5
18.	постановка на учёт в подразделениях по делам несовершеннолетних	1	1,5
19.	занятие общественно полезным трудом	1	1,5

При этом учитываются обстоятельства, как имевшие место в период совершения преступления или рассмотрения дела, так и существовавшие в прошлом. Представляется верным, что обстоятельства, положительно характеризующие подсудимого, учитываются именно в качестве характеристики личности виновного, а не как отдельные смягчающие обстоятельства, не указанные в законе. Причина в том, что сами по себе они не могут достоверно свидетельствовать о понижении общественной опасности личности виновного или им содеянного [118, с. 279].

В абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [40] подчеркивается, что в приговоре следует указывать, какие обстоятельства являются смягчающими и отягчающими наказание, сведения, характеризующие личность подсудимого, мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбыванию.

Вместе с тем суды первой инстанции не всегда указывают, какие обстоятельства являются смягчающими, какие отягчающими. Из общего количества изученных нами уголовных дел, в которых имеется эксцесс исполнителя преступления, в 18,4% случаев в приговорах не было указано, какие именно обстоятельства суд принимает во внимание в качестве смягчающих или отягчающих, либо не было указано, установлены ли смягчающие или отягчающие наказание обстоятельства.

Так, в одном из уголовных дел было прописано, что «при назначении наказания подсудимым суд учитывает, что они обвиняются в совершении тяжких и особо тяжких преступлениях, ранее судимы за аналогичные преступления, совершённые в несовершеннолетнем возрасте, по месту отбывания наказания характеризуются положительно, ко всем троим применено условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, однако оказанное им доверие не оправдали и совершили преступления через короткий период после освобождения из мест лишения свободы, на путь исправления не встали, вину частично признали, принесли извинения потерпевшим, ущерб не возместили, на момент совершения преступления не работали» [62].

В другом деле в отношении одного из подсудимых было указано, что отягчающих наказание обстоятельств суд не усматривает, однако при характеристике личности виновного обращалось внимание на его особо активную роль при совершении преступления [см.: 55, с. 238 – 242]. А в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ особо активная роль при совершении преступления относится к обстоятельствам, отягчающим наказание.

Представляется, что в приговорах необходимо четко прописывать, какие обстоятельства учитывает суд в качестве смягчающих, какие в качестве отягчающих, при назначении наказания, а при отсутствии таковых также указывать на это в приговоре, что будет способствовать назначению справедливого наказания.

Для назначения объективного наказания необходимо, чтобы санкция любой статьи уголовного закона соответствовала характеру и степени общественной опасности преступления. Вместе с тем не всегда лишь санкция статьи определяет пределы назначения наказания. Так, несовпадение пределов и санкции статьи выражается в том, что во многих случаях суд может воздержаться от реального применения мер воздействия, предусмотренных в соответствующей статье Особенной части кодекса, назначить наказание условно либо ниже низшего предела, перейти к другому более мягкому виду наказания и т.п. [156, с. 40].

Из общего числа изученных нами уголовных дел, сопряжённых с эксцессом исполнителя преступления, в 13,8% случаев на основании ст. 73 УК РФ наказание было признано считать условным. При этом условное осуждение применялось как в отношении других соучастников, так и в отношении лица, допустившего эксцесс. Последнее имело место в 44,4% случаев. В настоящее время уголовный закон предоставляет судам широкие полномочия при назначении условного осуждения. В 66,7% случаев условное осуждение было назначено при совершении преступления небольшой или средней тяжести, в 33,3% случаев условное осуждение было назначено при совершении тяжкого преступления.

Представляется правильным, что условное осуждение находит большее распространение среди преступлений меньшей категории общественной опасности. Однако в случае совершения тяжких преступлений применение условного осуждения должно иметь ограниченный характер и применяться в случаях наличия исключительных обстоятельств.

Так, например, несмотря на совершение осужденной трех тяжких преступлений, с учетом содеянного и характеристики личности, раскаяния в содеянном, наличия малолетних детей, наличия сложных семейных обстоятельств – воспитание детей без отца, постоянного места жительства, работы, за длительный период с момента возбуждения уголовного дела подсудимая ничего предосудительного не совершила, ей было назначено условное осуждение [52, с. 1 – 87].

Норма о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ) из общего числа изученных нами уголовных дел применялась только к другим соучастникам преступления, не допуская в своих действиях эксцесса. Однако практика её применения не является единообразной.

Так, в одном из дел в качестве совокупности исключительных обстоятельств суд признал частичное признание вины, положительную характеристику, поведение после совершения преступления, сложные семейные обстоятельства – смерть сына и воспитание внучки в отсутствии дочери, которая находится под стражей, возраст подсудимой, наличие места работы и постоянного места жительства наряду с тем, что данная подсудимая, находясь в составе организованной группы, выполняла активную роль в качестве подставного игрока при

совершении мошенничества, участвовала в четырех тяжких преступлениях [52, с. 1 – 8]. Как отмечает Д.С. Дядькин, зачастую ссылки делаются не на исключительные, а на обычные, перечисленные в законе смягчающие обстоятельства, которые должны учитываться при назначении наказания в пределах, предусмотренных соответствующей санкцией [118, с. 449].

Проведённый нами анализ уголовных дел показал, что в общем виде исполнителю преступления, допустившему эксцесс, назначается более строгое наказание, чем другим соучастникам преступления. Это объясняется тем, что в большинстве случаев эксцесс исполнителя преступления выражался в совершении более тяжкого преступления по сравнению с преступлением, первоначально охватывавшимся умыслом других соучастников, и наличием отягчающих наказание обстоятельств на стороне лица, допустившего эксцесс, что свидетельствует о соблюдении судами принципа дифференциации наказания.

Однако принцип индивидуализации наказания реализуется не в полной мере, так как исполнителям преступления, допустившим эксцесс и совершившим преступления при различных смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах, нередко назначается одинаковое по тяжести наказание, применяется условное осуждение. Более того, различное применение положений Уголовного кодекса РФ о назначении наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления проявляется не только в рамках применения какой-либо нормы в отдельных случаях, но и при назначении наказания в рамках одного уголовного дела.

Так, из общего числа изученных нами уголовных дел в 5% случаев было назначено разное наказание соучастникам преступления, за исключением лица, совершившего эксцесс, при одинаковой характеристике преступного деяния и личности виновных.

Принципу справедливости назначения наказания будет соответствовать учёт общественной опасности как самого преступления, совершённого при эксцессе, так и того, что эксцесс вырос из иного преступления, которое совершалось вместе с хотя бы еще одним соучастником, т.е. опасности содеянного в целом [86, с. 156].

Полагаем, что в целях индивидуализации уголовного наказания соучастников при его назначении необходимо учитывать также характер и степень общественной опасности преступления, образующего эксцесс. Характер отклонения лица от умысла остальных соучастников будет выражаться в объекте преступного посягательства, как охватывающегося умыслом всех соучастников, так и деяния, составляющего эксцесс, в содержании преступных последствий, а также виде умысла, с которым был допущен эксцесс (прямой или косвенный).

Степень такого отклонения будет выражаться в способе совершения преступления, представляющего собой эксцесс (с применением насилия, с использованием оружия или без такового и т.д.), в размере причиненного ущерба, тяжести наступивших последствий, в мотивации и целях, которыми руко-

водствовался соучастник при допущении в своих действиях эксцесса. Таким образом, можно говорить об общественной опасности эксцесса исполнителя преступления.

Чем она выше, тем строже должно быть наказание, назначаемое лицу, допустившему эксцесс. При этом все установленные и учитываемые судом при назначении наказания обстоятельства, относящиеся к эксцессу, необходимо указывать в приговоре наряду с остальными обстоятельствами.

Единообразному применению положений Уголовного кодекса РФ при назначении наказания соучастникам в условиях эксцесса исполнителя преступления будет также способствовать совершенствование всей системы и порядка назначения наказания. В научной литературе неоднократно предлагалось совершенствование методики назначения наказания с помощью установления определённых правил [см., например: 77, с. 37 – 40; 109, с. 35; 118, с. 185 – 407], однако на настоящий момент не выработано единой концепции ввиду сложности применения на практике. Кроме того, полностью отойти от судейского усмотрения, от субъективного критерия невозможно, иначе не будет осуществляться индивидуализация наказания, так как разнообразны обстоятельства, характеризующие совершенное деяние, личность виновного, а также их сочетание.

Таким образом, в целях индивидуализации наказания при его назначении учитываются характер и степень общественной опасности эксцесса исполнителя преступления, которые показывают характер и степень отклонения исполнителя от общего умысла соучастников. Все установленные обстоятельства, связанные с эксцессом исполнителя преступления, должны отражаться в приговоре наряду с иными обстоятельствами, учитываемыми судом при выборе вида и меры наказания.

Глава 3. ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

§ 1. Общая характеристика эксцесса исполнителя преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран

При рассмотрении института соучастия и одного из его элементов – эксцесса исполнителя преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран прежде всего необходимо остановиться на особенностях, характерных для той или иной правовой системы государств. В настоящее время каждое государство имеет свою правовую систему, которая характеризуется как общими с правовыми системами других стран чертами, так и специфическими особенностями. При этом в сравнительном правоведении в зависимости от собственно юридических особенностей выделяют разное количество классификационных групп, называя данные группы или «правовыми семьями», или «правовыми кругами», или «правовыми системами» [165, с. 229].

Вместе с тем в зависимости от характера систематизации в юридической литературе выделяются классификация и типология явлений.

Классификация является наиболее низким уровнем обобщения, распределение идет по единому основанию. В основе классификации могут лежать любые критерии, причём связь может и не носить существенного, закономерного характера.

Типология представляет собой более высокий уровень обобщения и познания. В основе типологии всегда лежат наиболее существенные признаки. При этом в основе выделения какого-либо типа может лежать не один, а несколько признаков, но обязательно имеющих существенное значение [195, с. 102 – 103]. Поэтому представляется целесообразным рассматривать именно типологию правовых систем, в основе которой лежат несколько критериев, в частности, кодифицированность законодательства, соотношение и роль источников права, правовая идеология и т.д.

Учитывая наличие достаточного количества источников по данному вопросу и различные подходы к типологии правовых систем [см., например: 114, с. 18 – 29; 125, с. 29 – 34; 134, с. 12 – 26; 175, с. 36 – 38; 213, с. 239 – 247], считаем возможным рассмотреть такие традиционно выделяемые правовые системы, как романо-германская правовая семья (или система континентального права), англосаксонская правовая семья (или система общего права) и семья мусульманского права.

Однако указание на данные группы выполняет сугубо служебную роль, способствуя системному рассмотрению особенностей эксцесса исполнителя преступления в законодательстве той или иной страны. Необходимо отметить, что деление правовых систем на вышеуказанные группы носит условный характер, так как в некоторых государствах одновременно функциониру-

ет несколько конкурирующих правовых систем (например, США). Существуют и такие государства, которые трудно отнести с определённой к какой-либо одной правовой системе, так как они много заимствовали из разных правовых систем. В числе таких смешанных национальных систем называется шотландское право, право Израиля, ЮАР, Филиппин и некоторых других государств [164, с. 357].

Кроме того, учитывая значительное влияние романо-германской, англосаксонской правовых систем, системы мусульманского права на правовые системы отдельных государств, нами не рассматриваются самостоятельно группы стран, не относящиеся непосредственно к названным правовым системам. Так, в частности, правовые системы ряда дальневосточных государств, часто выделяемые в самостоятельную группу – дальневосточную правовую семью рассматриваются нами в рамках романо-германской правовой системы, в связи с тем, что романо-германская правовая семья повлияла на развитие национальных правовых систем некоторых дальневосточных стран.

В рамках системы мусульманского права рассматриваются уголовные кодексы стран, не относящихся непосредственно к данной семье, но где так или иначе применяются религиозные нормы, обычное право, что делает их схожими со странами мусульманского права как системы норм, выраженных в религиозной форме.

Рассмотрение положений об эксцессе исполнителя преступления в законодательстве отдельных государств невозможно без уяснения общего понятия соучастия, существующего в той или иной стране, так как законодательное регулирование эксцесса исполнителя преступления зависит от того, исходит ли законодатель из принципа самостоятельной ответственности соучастников или из принципа акцессорности.

Исходным положением учения об акцессорности соучастия является утверждение о том, что подстрекательство и пособничество есть участие в чужом деянии и имеет поэтому несамостоятельный, дополнительный характер [196, с. 125].

Сам термин «акцессорность» весьма неоднозначен. Его содержание зависит от позиции законодателя [137, с. 21]. Науче уголовного права известны многие виды акцессорности, которые в значительной мере отличаются друг от друга: строгая акцессорность, или гиперакцессорность, которая ставит ответственность соучастников в прямую и неизменную зависимость от ответственности исполнителя, предписывая вменять в вину соучастникам все обстоятельства, влияющие на ответственность исполнителя; логическая акцессорность, которая требует, чтобы ответственность соучастников устанавливалась в пределах санкции статьи закона, инкриминируемой исполнителю; акцессорность по степени завершённости деяния и так называемая лимитированная акцессорность, сущность которой сводится к тому, что наказуемость соучастия связывается с совершением противоправного деяния при любой форме вины [136, с. 98].

Принцип акцессорности может проявляться в различных положениях о соучастии, в том числе и в нормах об эксцессе исполнителя преступления.

Таким образом, особенности эксцесса исполнителя преступления необходимо устанавливать в рамках романо-германской, англосаксонской правовых системах, системы мусульманского права в свете общего учения о соучастии, существующего в конкретной стране.

§ 2. Эксцесс исполнителя преступления в уголовном законодательстве стран романо-германской правовой системы

Система континентального права объединяет правовые системы многих государств современного мирового сообщества. Она сформировалась на территории Европы в латинских (Италия, Испания, Португалия) и германских (Германия, Франция, Швеция, Норвегия, Дания) странах. К романо-германской правовой системе в настоящее время относятся правовые системы государств континентальной Европы, вся Латинская Америка, значительная часть Африки, страны Ближнего Востока. Она повлияла на развитие национальных правовых систем Японии, Индонезии и других государств [164, с. 357].

Основное внимание здесь было уделено нормативному регулированию общественных отношений, в этой системе существует чёткая иерархия нормативных правовых актов, право носит кодифицированный характер.

Учитывая многообразие стран, подлежащих рассмотрению в рамках данного параграфа, можно выделить группы стран, в законодательстве которых при регулировании ответственности соучастников за эксцесс исполнителя преступления проявляются принципы полной и частичной акцессорности ответственности соучастников, либо принцип самостоятельной ответственности соучастников преступления.

Принцип полной акцессорности в основе уголовной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления проявляется в законодательстве таких стран, как Франция и Италия.

Основным актом в области уголовного права Франции является Уголовный кодекс [31], принятый в 1992 г., и действующий с 1 марта 1994 г. Он сменил «классический» кодекс Наполеона 1810 г., просуществовавший во Франции более 180 лет. Законодательное определение соучастия во Франции отсутствует. В действующем уголовном кодексе названы лишь виды соучастников посредством описания их действий.

Так, ст. 121-4 УК Франции предусматривает, что исполнителем преступного деяния является лицо, которое совершает инкриминируемые деяния; покушается на совершение преступления или, в случаях, предусмотренных законом, проступка. Согласно ст. 121-7 УК Франции, соучастником преступления или проступка является лицо, которое сознательно своей помощью или содействием облегчило его подготовку или завершение. Соучастником также является лицо, которое посредством подарков, обещаний, угроз, требований,

злоупотребления властью или полномочиями, спровоцировало преступное деяние или дало указания на его совершение. Проводя соотношение с российским уголовным законодательством, представляется, что речь в данной статье идёт о пособниках и подстрекателях.

Определённые виды действий, которые условно можно было бы отнести к такому соучастнику, как организатор преступного деяния, можно встретить в нормах, регулирующих ответственность за конкретные преступные деяния. Так, например, в УК Франции предусмотрена ответственность за руководство группировкой или организацию группировки, имеющей целью производство, изготовление, ввоз, вывоз, транспортировку, хранение, предложение, передачу, приобретение или незаконное употребление наркотиков (ст. 222-34).

УК Франции различает такие формы группового совершения преступления, как организованная банда (согласно ст. 132-71 УК Франции, это любая сформированная группа или любой сговор, направленные на подготовку к одному или нескольким преступным деяниям, если такая подготовка характеризуется одним или несколькими объективными действиями), группировка (группа), заговор и т.п. При этом конкретные организованные формы преступной деятельности имеют юридическое значение при непосредственном закреплении в статьях, предусматривающих ответственность за определённые преступные деяния, в частности, за участие в таких группировках для подготовки отдельных видов преступлений.

Во французской уголовно-правовой доктрине соучастие понимается исключительно в узком смысле слова, аналогично соучастию с юридическим разделением ролей в российском уголовном праве.

В отличие от исполнителя и соисполнителя, которые своими собственными действиями или бездействием осуществляют преступное деяние, признаки которого определены в Особенной части УК Франции, соучастник – это лицо, которое акцессорно присоединяется к совершению преступного деяния названными лицами, провоцируя или облегчая его осуществление.

Французская доктрина, таким образом, исходит из акцессорной природы соучастия и «заимствования» соучастником того преступного деяния, которое было совершено главным исполнителем. Из тезиса о заимствовании деяния французские юристы выводят два важных положения: 1) акты исполнителя и соучастника имеют одну и ту же квалификацию; 2) если акт исполнителя не может быть квалифицирован в уголовном порядке, лицо, помогающее осуществлению преступного деяния, соучастником не является [235, с. 329]. Так, в ст. 121-6 УК Франции прописано, что соучастник преступного деяния в определении статьи 121-7 наказывается как его исполнитель.

Немало проблем в судебной практике связано с квалификацией действий соучастника при эксцессе исполнителя преступления. При этом французские судьи исходят из трёх случаев эксцесса исполнителя:

1) исполнитель совершает абсолютно другое деяние, нежели то, которое планировалось и предвиделось соучастниками;

2) деяние в ходе его реализации было осложнено такими обстоятельствами, которые первоначально не предвиделись и не могли быть известны соучастнику;

3) соучастник имеет неопределённый умысел и готов присоединиться к любому деянию главного исполнителя [157, с. 76].

Судебная практика Франции занимает позицию, согласно которой только в первом случае ответственность соучастников за эксцесс исполнителя исключается.

В остальных случаях они несут всю полноту ответственности за деяния, совершённые исполнителем, даже если они вменяются им объективно. Палата по уголовным делам Кассационного Суда Франции в своём решении от 31 декабря 1947 г. по данному вопросу указала следующее: «Соучастник должен предвидеть все квалифицирующие обстоятельства, которыми чревато задуманное преступление, все обстоятельства, которые могут его сопровождать» [157, с. 77].

В уголовно-правовой доктрине также считается, что если различия между задуманным и фактически совершённым преступлением касаются основных составляющих преступное деяние элементов, соучастник не наказывается за действия, совершённые исполнителем. Если же различия касаются только лишь отдельных обстоятельств преступного деяния, например, отягчающих, соучастник подлежит ответственности за такое деяние [235, с. 338].

Это правило, действующее и последовательно применяемое в настоящее время, распространяется и на соучастие с неопределённым умыслом. Очевидно, что отсутствие конкретизированного умысла у соучастника, предопределяет его стремление к наступлению любого последствия от противоправного деяния исполнителя, что исключает возможность рассмотрения в действиях исполнителя преступления такого явления, как эксцесс.

Данные требования отвечают принципам акцессорного характера соучастия, закреплённым во французском уголовном законодательстве, так как акцессорность, предполагая определённую зависимость одного явления от другого, приводит к тому, что соучастник, добровольно присоединившийся к совершению исполнителем деяния, должен осознавать преступные намерения исполнителя и возможные отклонения в его действиях.

Так как соучастник присоединяется к деятельности исполнителя, то и осознаваемые им отклонения при совершении преступления связаны не с сущностью деяния, а с дополнительными, квалифицирующими обстоятельствами. Как было рассмотрено ранее, по российскому уголовному праву отход исполнителя от общего умысла соучастников относительно квалифицирующих обстоятельств необходимо относить к так называемому количественному эксцессу.

Последовательное применение акцессорной теории соучастия во французском праве приводит к тому, что эксцесс исполнителя вменяется в вину и соучастникам. По многим делам о хищениях французские суды вменяли соучастникам в вину такие отягчающие обстоятельства, как групповое соверше-

ние, применение инструментов взлома, проникновение в жилое помещение, о которых соучастники не знали и которые не охватывались их умыслом [158, с. 119].

Как было отмечено, наказание соучастникам назначается такое же, как и исполнителю, однако в некоторых статьях специально оговорена ответственность за помощь в совершении преступления.

Определённый интерес представляют нормы УК Франции, относящиеся к различным преступным деяниям, как правило, обладающим повышенной общественной опасностью, согласно которым покушение на совершение преступных деяний карается таким же наказанием.

Например, применительно к соучастию, покушение на кражу, вымогательство или мошенничество, совершённое организованной бандой, карается таким же наказанием, как и оконченное деяние. Введение подобной нормы представляется целесообразным, так как преступления, совершаемые организованными группами, бандами, даже при недоведении преступления до конца, обладают высокой степенью общественной опасности.

Уголовный кодекс Италии не содержит определения соучастия (хотя допускает соучастие в неосторожном преступлении, в соответствии со ст. 113 УК Италии), не закрепляет формы соучастия, не проводит деление соучастников на виды.

Согласно ст. 110 УК Италии, когда несколько лиц соучаствуют в одном и том же уголовном правонарушении, каждый из них подлежит наказанию за это правонарушение. При этом, если в силу условий или качеств личности виновного либо в силу отношений между виновным и потерпевшим, меняется квалификация уголовного правонарушения в отношении кого-либо из соучастников, то и все остальные соучастники будут нести ответственность за это уголовное правонарушение (ст. 117 УК Италии).

УК Италии содержит норму об ответственности при эксцессе одного из соучастников, хотя непосредственно и не называет данное понятие. Так, в ст. 116 УК Италии указывается: «В том случае, когда совершено иное уголовное правонарушение, отличное от намерений одного из соучастников, он также отвечает за это преступление, если последствие является результатом его действия или бездействия. Если совершённое уголовное правонарушение является более тяжким, чем то, которое лицо желало, то наказание снижается в отношении этого лица» [цит. по: 128, с. 53].

Данные положения свидетельствуют о возможности объективного вменения соучастникам действий исполнителя в случае совершения им преступления, выходящего за пределы общего умысла.

В литературе рассматривается пример, из которого следует: если два лица договорились о совершении квартирной кражи, распределив роли таким образом, что один открывает отмычками запоры и остаётся на страже за пределами жилища, а другой проникает в помещение и выносит вещи, и субъект, проникший в открытую его соучастником дверь, обнаружил в квартире несовершеннолетнюю девочку и изнасиловал её, а также совершил кражу вещей, то по

прямому смыслу итальянского уголовного закона, второй соучастник должен нести ответственность не только за кражу, но и за изнасилование, так как его действия объективно способствовали совершению этого преступления, хотя наказание ему и будет снижено [128, с. 53 – 54; 235, с. 546].

Таким образом, уголовное законодательство Италии предусматривает вменение в вину соучастнику деяния исполнителя даже при наличии случайной связи между их действиями. Очевидно, что если установлена ответственность соучастника при совершении исполнителем иного уголовного правонарушения, то и отклонение лица от общего умысла соучастников, в частности, в отношении квалифицирующих обстоятельств, также будет вменяться в вину соучастнику.

В данном случае налицо то, что последствие является результатом его действия или бездействия. В целом на регламентацию ответственности соучастников в итальянском уголовном законодательстве определённое влияние оказала французская акцессорная теория соучастия.

Принцип частичной акцессорности, лежащий в основе уголовной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления, находит отражение в законодательстве Германии, Испании, Швеции, Дании, Японии, Китая, латиноамериканских стран.

Правовому регулированию института соучастия в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германии [30] посвящена глава 3 раздела 2 Общей части УК ФРГ (§ 25-31).

Участие в преступлении нескольких лиц обозначается в немецком праве общим понятием (*beteiligung*), которое конкретизируется понятиями «соисполнительство» и «соучастие». Все эти термины употребляются в Уголовном кодексе ФРГ.

Соисполнительство и соучастие представляют собой в определённом смысле самостоятельные институты [119, с. 625].

Формами соисполнительства (или исполнительства) являются совершение преступления непосредственно и посредством другого лица (ч. 1 § 25 УК ФРГ) и совершение преступления сообща, когда каждый наказывается как исполнитель (соисполнитель) (ч. 2 § 25 УК ФРГ). УК ФРГ не содержит понятия соучастия, называя лишь такие его виды, как подстрекательство (§26 УК ФРГ), пособничество (§ 27 УК ФРГ).

Не содержит УК ФРГ и понятия такого вида соучастника, как организатор, его преступные действия получают иную уголовно-правовую оценку. В этом состоит специфика института соучастия в германском уголовном праве.

В каждом конкретном случае так называемый «организатор» признаётся иным соучастником преступного деяния: исполнителем, подстрекателем или пособником. Чаще всего он является исполнителем (соисполнителем) преступного деяния [235, с. 398].

Вместе с тем в Особенной части УК ФРГ предусмотрена ответственность за организацию или руководство вооруженной группой (§ 127 УК ФРГ), организацию преступных объединений (§ 129 УК ФРГ), за создание террори-

стических объединений (§ 129а УК ФРГ). Поэтому И.Б. Карпова отмечает, что наряду с соучастниками в узком смысле этого слова, уголовное законодательство ФРГ содержит понятие «сообщник».

В понятие «сообщников» УК Германии наряду с исполнителем и соисполнителем включает: основателя или организатора какого-либо преступного формирования, покровителя, вербовщика, лицо, поддерживающее деятельность преступного формирования, укрывателя выгоды от преступления, лицо, препятствующее привлечению кого-либо к ответственности или к отбыванию наказания, укрывателя имущества и т.д., которые несут ответственность за соответствующие деяния согласно нормам Особенной части [131, с. 19].

Правила об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления не закреплены в законодательстве, однако в § 29 УК ФРГ прописано, что каждый соучастник наказывается независимо от вины другого лица в соответствии со своей виной. Эта норма отражает так называемую лимитированную акцессорность.

Лимитированность, таким образом, означает, что для ответственности соучастника достаточно, чтобы главное деяние было противоправным и не обязательно виновным (невменяемость) [119, с. 630]. При этом подстрекатель наказывается также как исполнитель, а наказание пособнику определяется санкцией, предусмотренной для исполнителя, но размер наказания подлежит смягчению.

Вопросы, касающиеся эксцесса исполнителя, разрабатывались в уголовно-правовой доктрине. Традиционно считается, что об эксцессе речь может идти только при условии, если преступление, замышляемое соучастниками, и преступление, совершённое исполнителем, не соответствуют друг другу.

Согласно УК ФРГ пособник несёт уголовную ответственность в том случае, если он «преднамеренно» («сознательно») оказал помощь исполнителю. Западногерманские криминалисты считают, что понятие «сознательно» равноценно понятию умысла. Мотивы, которыми руководствовался пособник, не имеют значения для его ответственности. Пособник должен знать, что он помогает реализовать чужое деяние. Он, кроме того, должен знать существенные признаки наказуемого действия, осуществляемого исполнителем.

Если главное деяние имеет предпосылки (элементы) другого состава преступления по сравнению с тем, который имел в виду пособник, то вопрос о наличии эксцесса исполнителя представляет определённую сложность [215, с. 77].

При решении данного вопроса предлагается пользоваться следующими принципами:

- 1). Если главный виновник (исполнитель), хотя и осуществил предпосылки другого деликта, но в нём содержатся предпосылки, охватываемые умыслом пособника, то последний отвечает за пособничество деянию, которое по его представлению должно быть совершено;

- 2). Речь может идти только о ненаказуемом покушении на пособничество в тех случаях, когда главное деяние представляется как совершённое по отношению к планировавшемуся деянию;

3). Весьма спорными являются случаи, которые свидетельствуют о наличии родства в составах преступлений между имевшимся в виду и исполненным деликтом (например, при совершении кражи вместо мошенничества).

Так как в подобных случаях у пособника часто имеется неопределённый умысел, то он должен отвечать за пособничество фактически исполненному деликту. Отсутствие неопределённого умысла исключает оконченное пособничество;

4). Уголовно-правовая ответственность пособника всегда определяется в соответствии с деянием, которое фактически совершил главный виновник [216, с. 153].

Представляется, что подобные принципы возможно применять и в отношении определения ответственности подстрекателя.

Уголовный кодекс Испании [12] 1995 г. различает понятия исполнителя преступления и соучастников преступления, не выделяя при этом конкретных видов соучастников.

В соответствии со ст. 28 УК Испании, помимо тех, кто совершает преступление сам или посредством использования другого лица как орудия, исполнителями считаются: а) Тот, кто заставляет других совершить определённое деяние; б) Тот, кто своим действием присоединяется к совершению деяния, без чего последнее не было бы совершено.

Согласно ст. 29 УК Испании, соучастниками являются лица, не указанные в предыдущей статье, которые, совершая определённые действия одновременно или во время, предшествующее преступлению, тем самым участвуют в совершении преступления. При этом испанское законодательство различает такие понятия, как сговор и предложение совершить преступление.

Согласно ст. 17 УК Испании, наличие сговора существует, когда двое или более лиц договариваются между собой о совершении преступления и решают его исполнить, а наличие предложения существует, когда лицо, решившее совершить преступление, предлагает другому или другим лицам исполнить его. В статьях кодекса, посвящённых уголовной ответственности за конкретные преступления, наряду со сговором и предложением, указывается и подстрекательство к совершению преступления в качестве наказуемого деяния.

Наказание соучастникам оконченного преступления или покушения на преступление назначается ниже на одну степень, чем наказание, предусмотренное исполнителям, за исключением случаев, когда за покушение и соучастие предусмотрено специальное наказание (ст. 63 – 64 УК Испании).

УК Испании не содержит норму, прямо закрепляющую ответственность соучастников при эксцессе исполнителя преступления, правила квалификации. Однако в ч. 2 ст. 65 УК Испании указывается, что обстоятельства, состоящие в совершении действия или в методах, использованных для его совершения, служат для отягчения или смягчения ответственности только тех лиц, которые знали о них в момент совершения деяния или участия в преступлении.

Исходя из текста данной нормы, уголовное законодательство Испании предусматривает возможность вменения соучастнику в вину лишь тех обстоятельств, о которых ему было известно, то есть они охватывались его умыслом, лицо понимало, что участвует в совершении преступления, осложнённого данными обстоятельствами. При этом они не рассматриваются однозначно в качестве только отягчающих или только смягчающих обстоятельств, что свидетельствует о возможности признания эксцессом как совершения исполнителем более тяжкого преступления, так и менее тяжкого по сравнению с первоначально планируемым. Подобное правило можно рассматривать в качестве эксцесса одного из соучастников.

Уголовные кодексы ряда стран (например, УК Бельгии от 08.06.1867 г. [6], УК Голландии от 03.03.1881 г. [8] и другие) не содержат норм об эксцессе исполнителя преступления и ответственности соучастников в таком случае. Несмотря на отсутствие в тексте законов положений об эксцессе, из общих положений о соучастии некоторых зарубежных уголовных кодексов, можно сделать вывод о применении принципа частичной акцессорности к уголовной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления.

Так, вопросам соучастия в Уголовном кодексе Швеции [32], вступившем в силу с 1 января 1965 г., посвящены ст. 2 – 5 гл. 23 ч. 2. В соответствии со ст. 4 гл. 23 УК Швеции, наказание, предусмотренное за деяние в настоящем Кодексе, должно быть назначено не только лицу, которое совершило деяние, но также и любому, кто содействовал этому советом или действием.

То же должно применяться в отношении любого другого деяния, наказуемого тюремным заключением в соответствии с другим Законом или нормативным актом.

Лицо, которое не рассматривается в качестве исполнителя, должно быть, если оно побуждало другое лицо совершить деяние, приговорено за подстрекательство к преступлению, а также за пособничество преступлению.

УК Швеции также даёт понятие сговора, под которым подразумеваются ситуации, когда кто-либо организует деяние совместно с другим, или также, когда кто-либо предпринимает или предлагает совершить его или стремится подстрекать другого сделать это (ст. 2 УК Швеции). Таким образом, наряду с исполнителем преступления, можно выделить такие виды соучастников, как подстрекатель, пособник и организатор преступления.

Применительно к вопросу об эксцессе исполнителя можно указать на норму ст. 4 гл. 23 УК Швеции, согласно которой «каждый соучастник должен быть осуждён в соответствии с умыслом или неосторожностью, относящихся к нему». Непосредственно в законе указывается не только на умышленные, но и на неосторожные действия соучастника.

Уголовный кодекс Дании 1930 г. [10] не содержит ни понятия соучастия, ни видов соучастников, ни норм, касающихся эксцесса исполнителя преступления, но в нём прописывается, что действия, направленные на содействие или исполнение преступления, должны наказываться как покушение, если преступление не окончено.

В соответствии с § 23 УК Дании, наказание в отношении преступления должно применяться к любому лицу, которое содействовало исполнению неправомерного деяния подстрекательством, советом или действием.

Наказание может быть уменьшено любому лицу, пытавшемуся оказать лишь незначительную помощь или оказать влияние на уже сформировавшийся умысел, и если преступление не было окончено или предполагавшееся содействие оказалось неудачным. Представляется, что неудавшееся предполагавшееся содействие будет иметь место и в случаях совершения исполнителем иного преступления.

Уголовный кодекс Японии [35] был принят 24.04.1907 г., вступил в силу 01.10.1908 г. Институту соучастия посвящена глава 11 части 1 УК Японии. Японская уголовно-правовая доктрина рассматривает два вида соучастия – «обязательное соучастие» и «добровольное соучастие».

К первому виду относятся случаи, когда преступление не может быть совершено иначе, как в соучастии. Второй вид образуют случаи, когда преступление в принципе может быть совершено одним исполнителем.

В Общей части УК Японии содержатся только положения, относящиеся к «добровольному соучастию», и зачастую при упоминании о соучастии имеют в виду именно «добровольное соучастие». «Обязательное соучастие» – категория, вытекающая из норм Особенной части, и положения Общей части о «добровольном соучастии» на неё не распространяются.

Формами «добровольного соучастия» являются соисполнительство, подстрекательство, пособничество [235, с. 481]. Согласно ст. 61 УК Японии, лицо, которое путём подстрекательства побуждало другого к совершению преступления, приравнивается к исполнителю. То же положение действует в отношении лица, которое подстрекало подстрекателя.

Пособником же, в соответствии со ст. 62 УК Японии, признаётся лицо, которое оказывало помощь исполнителю. Лицо, которое подстрекает пособника, приравнивается к пособнику. При этом закрепляется зависимость назначаемого пособнику наказания от наказания исполнителя.

Так, ст. 63 УК Японии предусматривает, что наказание пособника смягчается сообразно с наказанием исполнителя. Конкретные действия лица, образующие подстрекательство и пособничество, в японском законодательстве не называются.

Интересно, что наряду с названными видами соучастников, в Особенной части УК Японии предусматривается ответственность за «подзадоривание» на месте преступления, если это лицо само не наносило повреждения другому лицу (ст. 206 УК Японии).

Норма об эксцессе исполнителя преступления в УК Японии отсутствует. Однако согласно ст. 207 УК Японии (Одновременное нанесение ранений, особое правило о соучастии), если два или несколько лиц совершают насильственные действия, в результате которых наносится человеку телесное повреждение, и нельзя установить, кто нанёс более легкое или более тяжёлое телесное повреждение, а также – кто именно нанёс телесное повреждение, то

применяются нормы о соучастии, даже если эти лица не действовали сообща. Таким образом, необоснованно широкий смысл приобретает понятие соучастия, включающее в себя не только деяния соучастников, действующих совместно, как в объективном, так и в субъективном плане, но и случайное стечение нескольких лиц, действия которых не связаны общим умыслом.

В Уголовном кодексе Китая, вступившем в силу 01 октября 1997 г., в нормах о соучастии нет чётких определений видов соучастников, кого следует считать исполнителем, подстрекателем или пособником преступления. В них более подробно говорится об организаторах и руководителях преступных групп и их ответственности за совершённые преступления [80, с. 27].

Норма об эксцессе отсутствует, однако согласно ч. 3 ст. 26 § 3 гл. 1, руководитель, организовавший, руководивший преступной группой, наказывается за все преступления, совершённые группой. Из буквального толкования нормы следует, что руководитель несёт ответственность независимо от того, охватывались ли совершённые преступной группой преступления его умыслом или нет.

В законодательстве латиноамериканских стран ответственность соучастников в условиях эксцесса регулируется по-разному.

Так, Уголовный кодекс Мексики 1931 г. в ст. 14 предусматривает, что если несколько лиц совместно участвуют в преступлении и одно из них совершает другое преступление, не согласовав этого с остальными, то все они отвечают за совершённое им деяние. Однако из этого правила сделано несколько исключений, а именно:

1). Когда новое преступление не было средством совершения основного деяния;

2). Когда новое преступление не было естественным последствием основного деяния;

3). Когда соучастники не знали, что один из них собирается совершить иное преступление;

4). Когда соучастники не присутствовали на месте совершения нового преступления или же, присутствуя там, пытались помешать его совершению [цит. по: 205, с. 134 – 135].

Таким образом, в уголовном законодательстве Мексики обозначены основные случаи выхода исполнителя преступления за пределы умысла других соучастников.

Институту соучастия в Уголовном кодексе Республики Аргентины [5], вступившем в силу 29.04.1922 г., посвящён раздел VII ч. 1.

Уголовный закон Аргентины (ст. 45 – 46) различает тех, кто принял участие в совершении деяния или предоставил исполнителю или исполнителям помощь или содействие, без которых деяние не могло быть доведено до конца (им назначается наказание, предусмотренное за совершение преступления) и тех, кто соучаствовал в совершении преступления или кто оказал содействие исполнителям после его совершения, выполнив тем самым своё предварительное обещание об оказании такого содействия (им назначается наказание в

размере, уменьшенном от трети до половины наказания, предусмотренного в санкции для исполнителей преступления).

Применительно к эксцессу исполнителя преступления можно указать ст. 47 УК Аргентины, в соответствии с которой, если из конкретных обстоятельств дела следует, что обвиняемый в соучастии согласился оказать содействие только в совершении менее тяжкого деяния, чем фактически совершённого исполнителем, то соучастнику назначается наказание, соответствующее лишь обещанной им степени соучастия, то есть соучастник несёт ответственность лишь за менее тяжкое преступление.

Очевидно, что в данной норме предусмотрен эксцесс исполнителя в сторону совершения более тяжкого преступления. Однако остаётся открытым вопрос об ответственности соучастника в случае совершения исполнителем менее тяжкого преступления, чем планировалось.

Противоположную позицию в части назначения наказания соучастнику при совершении исполнителем более тяжкого преступления занял законодатель Бразилии. Так, согласно ст. 48 УК Бразилии, наказание соучастнику в этом случае определяется, исходя из санкции, предусмотренной за более тяжкое преступление, однако обязательно снижается на одну треть или даже наполовину [цит. по: 205, с. 135].

Нельзя полностью согласиться с В.М. Рейес Дарвином, который в связи с вышеизложенным отмечает, что данная норма находится в явном противоречии с принципом виновной ответственности правонарушителя, в частности со ст. 11 УК Бразилии, где говорится, что последствия преступления вменяются в вину только тому, кто их причинил [205, с. 135].

Об этом, безусловно, можно было бы говорить, если бы наказание, предусмотренное за совершение более тяжкого преступления, в полном объёме назначалось бы и соучастнику.

Бразилия, как и другие латиноамериканские страны, рассматривает соучастие с точки зрения акцессорности, в связи с чем действия соучастника и исполнителя рассматриваются как взаимосвязанные, и наказуемость соучастника определяется, исходя из вида и размера наказания, назначаемого исполнителю. При этом все-таки учитывается, что, несмотря на действия соучастника, явившиеся своеобразным толчком к совершению преступного деяния, исполнитель совершает более тяжкое преступление, чем желал соучастник, и устанавливается правило снижения размера наказания.

Кроме того, часто назначенное наказание рассматривается именно как мера ответственности. Таким образом, действия исполнителя и соучастника получают различную оценку, и в зависимости от тяжести содеянного им назначается соответствующее наказание.

Уголовный кодекс Уругвая регулирует случаи совершения соучастником, как более, так и менее тяжкого преступления по сравнению с ранее планировавшимся.

Так, согласно ст. 63 УК Уругвая, если преступление было более тяжким, чем согласованное или равной степени тяжести, но разного типа или ослож-

нённое другими преступлениями, то субъекты, не принявшие участия в их непосредственном исполнении, отвечают за согласованное и совершённое преступление, а не за деяние, совершённое без предварительного согласования в той степени, в какой это можно было предвидеть в соответствии с общими принципами. Если совершённое преступление оказалось менее тяжким, чем согласованное, указанные субъекты отвечают только за совершённое преступление [цит. по: 205, с. 136].

Принцип самостоятельной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления находит отражение в законодательстве стран Содружества Независимых Государств, Монголии.

На формирование правовых норм государств, бывших социалистических республик, и ряда других стран «социалистического лагеря» оказало влияние уголовное законодательство бывшего СССР. Уголовные кодексы некоторых стран содержат нормы, аналогичные ст. 36 УК РФ (например, ст. 36 УК Туркменистана [28], ст. 38 УК Республики Таджикистан [24], ст. 35 УК Азербайджанской республики [4]).

Следует отметить, что в ст. 36 УК РФ говорится лишь об эксцессе исполнителя преступления. В этом плане интересен Модельный Уголовный кодекс: рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств, принятый на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (Постановление № 7-5 от 17.02.96 г.) [36], который закрепляет норму об эксцессе соучастника, что представляется более удачным, так как эксцессивные действия могут быть совершены не только исполнителем, но и другими соучастниками.

Ряд уголовных кодексов также предусматривает норму об эксцессе соучастника (ст. 40 УК Республики Армения [19], ст. 30 УК Республики Казахстан [22]).

Наряду с нормой об эксцессе, УК Республики Армения непосредственно закрепляет, что соучастники преступления подлежат ответственности только за теотягчающие обстоятельства преступления, которые ими осознавались (ч. 6 ст. 39 УК Республики Армения), аналогичная норма закреплена в отношении единоличного совершения умышленного преступления (ч. 5 ст. 29 УК Республики Армения).

Как справедливо отмечает С.С. Аветисян, обстоятельства, которые характеризуют только личность исполнителя и не отражены в основном составе преступления, не должны вменяться в вину другим соучастникам.

Возведение соответствующего признака (характеризующего исключительно исполнителя преступления) в ранг квалифицирующего обстоятельства не может создавать дополнительных оснований ответственности соучастников в таких ситуациях. Лицо, совершившее преступление в соучастии, несёт уголовную ответственность не за участие в чужом деянии и не за поведение исполнителя (например, прошлая антисоциальная деятельность последнего), а

за собственное деяние в совместном преступлении, в соответствии с которым определяется мера его ответственности и наказания [64, с. 359].

В уголовных кодексах других стран СНГ не даётся понятия эксцесса, но либо закрепляется положение об ответственности соучастников в таких случаях, например, за деяния, совершённые исполнителем и не охватывавшиеся умыслом соучастников, другие соучастники уголовной ответственности не несут (ч. 7 ст. 16 УК Республики Беларусь [20]), либо прописывается, что соучастники подлежат ответственности только за те преступные деяния исполнителя, которые охватывались их умыслом (ч. 1 ст. 26 УК Литовской Республики [15]), либо – «за деяние, не охватываемое умыслом других соучастников, ответственность несет лицо, его совершившее» (ст. 30 УК Республики Узбекистан [25]). Подобным образом урегулирован вопрос об эксцессе исполнителя и в ч. 5 ст. 29 УК Украины [29].

В некоторых уголовных кодексах нормы об эксцессе исполнителя преступления логически вытекают из текста закона.

Так, согласно п. (7) ст. 20 УК Латвийской Республики 1998 г. [14], если соучастник не признавал какое-либо из преступных деяний, совершённых исполнителем и другими соучастниками, он за них к уголовной ответственности не привлекается.

Исходя из умышленного характера соучастия и положения п. (2) ст. 8 УК Латвийской Республики, в соответствии с которым при определении формы вины лица, совершившего преступное деяние, необходимо установить психическое отношение данного лица к объективным признакам преступного деяния, можно сделать вывод, что сознание соучастником какого-либо деяния и есть умысел этого соучастника.

Уголовный кодекс Республики Болгария [21] в ст. 21 предусматривает, что подстрекатель и пособник отвечают только за то преступление, к совершению которого они умышленно склонили или оказали содействие исполнителю. Таким образом, если исполнителем будет допущен эксцесс, то подстрекатель и пособник не несут ответственности за подобные действия.

В ряде уголовных кодексов при определении эксцесса используется термин не совершение исполнителем (соучастником) «преступления», а совершение «деяния» или «действий».

Так, согласно ст. 26 УК Грузии [9], эксцесс исполнителя означает совершение исполнителем противоправного деяния, не охватываемого умыслом других соисполнителей или соучастников. Учитывая, что под преступлением в ч. 1 ст. 7 УК Грузии понимается противоправное и виновное деяние, предусмотренное уголовным кодексом, то получается, что эксцессом может являться деяние, не являющееся таковым в силу отсутствия таких признаков, как виновность и закреплённость деяния в уголовном законе.

В соответствии со ст. 32 УК Кыргызской Республики [13], эксцессом исполнителя признаётся совершение исполнителем действий, которые выходят за пределы договоренности соучастников и не охватываются их умыслом.

Согласно ст. 48 УК Республики Молдова [23], эксцессом исполнителя признаётся совершение им преступных действий, не охватывавшихся умыслом других соучастников. Следовательно, подобные нормы исключают возможность совершения эксцесса посредством бездействия. Однако возможны ситуации, когда лицо, бездействуя в уголовно-правовом смысле, совершает преступление, не охватываемое умыслом других соучастников.

Согласно ст. 38 УК Монголии [17], вступившего в силу с 01.09.2002 г., совершение исполнителем преступления, о котором другие соучастники не знали, то есть совершение преступления без сговора с ними, будет называться эксцессом исполнителя. Другие соучастники не подлежат уголовной ответственности за совершение такого преступления.

Как видно, данная норма схожа с положением ст. 36 УК РФ, однако вместо термина «умысел» используются такие категории, как «знание» о преступлении и «сговор». Учитывая определение соучастия как умышленного совместного участия двух и более лиц в совершении преступления (ст. 34 УК Монголии), можно сделать вывод о равнозначности вышеуказанных понятий в уголовном законодательстве Монголии.

Таким образом, в странах романо-германской правовой семьи к вопросу об ответственности соучастников в условиях эксцесса исполнителя преступления законодатели подходят либо с позиции акцессорной теории соучастия, либо с позиции самостоятельной ответственности соучастников.

При этом не во всех странах романо-германской правовой семьи в кодифицированных актах закрепляются нормы об эксцессе исполнителя преступления. Более того, часто не даются и понятия соучастия и соучастников, не выделяются их виды.

Нормы об эксцессе исполнителя преступления, как правило, содержатся в уголовных кодексах, принятых в конце XX – начале XXI вв. Положительным опытом зарубежных стран в разработке рассматриваемой проблемы является закрепление подробного правила квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления и, как следствие, определение меры наказания (что отражено в уголовных кодексах отдельных латиноамериканских стран), а также законодательное закрепление возможности допущения эксцесса со стороны любого соучастника (что отражено в уголовных кодексах отдельных стран СНГ).

§ 3. Эксцесс исполнителя преступления в уголовном законодательстве стран англосаксонской правовой системы

Англосаксонская правовая семья, или система общего права, представлена такими странами, как Англия, США, государства – члены британского содружества. Общее право оказало большое влияние на развитие уголовного права Индии, Пакистана, ряда стран Африки.

Характерными чертами рассматриваемой правовой семьи являются такие, как: развитость юридического процесса, на основе которого развиваются ма-

териальные отрасли права; возникновение норм общего права при рассмотрении королевскими судами конкретных дел; отсутствие кодификации (если и имеются кодексы, то они отличаются от кодексов романо-германской правовой системы); признание судебного прецедента в качестве источника права; постепенное возрастание роли законодательства как источника права [213, с. 342 – 345].

Как и многие другие институты английского уголовного права, развивавшиеся в системе общего права на протяжении не одного столетия, соучастие имеет давнюю историю. Существовавшая до издания Закона об уголовном праве 1967 г. классификация соучастников была связана с делением преступлений на три большие группы: деяния, подпадавшие под понятие измены; фелонии и мисдиминоры. Деление же соучастников на исполнителей и других участников преступления существовало лишь применительно к фелониям.

К моменту принятия Закона об уголовном праве 1967 г. в Англии сложилась определённая система соучастия, применявшаяся к фелониям, которая включала исполнителей (исполнителей первой степени и исполнителей второй степени) и их соучастников (соучастники до и после факта совершения преступления).

Закон об уголовном праве 1967 г. устранил различия между фелониями и мисдиминорами, что привело к отмене четырехзвенной классификации соучастников. Отныне к соучастникам применяется ст. 8 Закона о пособниках и подстрекателях 1861 г. (в ред. 1977 г.), согласно которой соучастник должен быть подвергнут такой же уголовной ответственности как исполнитель преступления [235, с. 77].

В современном уголовном праве Англии также используется термин «соучастники», но одни юристы относят сюда любых участников преступления, включая исполнителя, другие же – только дополнительных (пособников и подстрекателей). Согласно современной доктрине исполнителем признается лицо, которое осуществило, полностью или частично, преступление своими руками, с использованием технических средств, либо с помощью невиновного посредника [235, с. 77].

Прежде, чем рассматривать особенности регламентации ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления, необходимо отметить, что английское право традиционно признаётся правом прецедентным. «Прецедентное право» состоит из норм и принципов, созданных и применяемых судьями в процессе вынесения ими решения. В системе, основанной на прецедентном праве, судья при рассмотрении последнего по времени дела обязан принимать во внимание эти нормы и принципы, в то время как в некоторых других правовых системах они служат всего лишь материалом, который судья может учитывать при вынесении собственного решения.

В настоящее время английская доктрина прецедента находится в состоянии почти непрерывного изменения, но она сохраняет три постоянные черты: уважение к отдельно взятому решению одного из высшестоящих судов; признание того, что решение такого суда является убеждающим прецедентом для

судов, стоящих выше него по иерархии; отдельное решение рассматривается всегда как обязательный прецедент для нижестоящих судов [208, с. 26 – 27]. При этом каждый суд обязан последовать решению вышестоящего суда, а апелляционные суды (кроме Палаты Лордов) связаны своими прошлыми решениями. Единственной частью предыдущего решения, которой необходимо последовать является *ratio decidendi* (сущность решения) [208, с. 55].

Основные положения, касающиеся ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления, также находят отражение в конкретных судебных решениях. При этом существуют различия в ответственности соучастников при умышленном и случайном отклонении исполнителя от линии поведения, согласованной соучастниками преступления, а также при совершении такого же преступления, но иным образом, при совершении менее тяжкого или более тяжкого преступления по сравнению с задуманным.

Английским уголовным правом выработано правило «общей преступной цели», согласно которому одно лицо отвечает за действия другого, направленные на достижение общей преступной цели, ради которой они объединились.

Так, если два или более лица вступают в соглашение по поводу совершения определенного преступления («базового»), то они признаются соучастниками и любого иного «сопутствующего» ему преступления, выполненного кем-либо из них, то есть преступления, совершение которого они либо оговорили, либо совместно умышляли (предполагали) на случай, если оно потребуется для совершения «базового» преступления [254, с. 97]. Очевидно, что в подобных случаях эксцесс отсутствует, так как соучастниками осознавались возможные действия исполнителя.

В случае совершения исполнителем такого же преступления, но при ненамеренном отклонении исполнителя от согласованных действий, ответственность соучастника определяется согласно принципу акцессорности: ответственность исполнителя за совершённое преступление предопределяет ответственность соучастников. Таким образом, ошибка в развитии причинной связи, ошибка в личности потерпевшего и тому подобные ошибки, как не влияющие на ответственность исполнителя, не влияют и на ответственность соучастника [124, с. 443].

Что касается случаев совершения исполнителем менее тяжкого преступления, чем планировалось, то здесь имеет место отход от принципа акцессорности: если ранее считалось, что совершение исполнителем менее тяжкого преступления не позволяет, по общему правилу, вменить соучастнику намеченное им более тяжкое деяние, то в 1987 г. Палата лордов решила, что совершение исполнителем менее тяжкого преступления не влияет на ответственность соучастника за планировавшееся им более тяжкое деяние [124, с. 443].

Рассмотренное выше правило не распространяется на ситуации, когда исполнитель в значительной степени отклоняется от посягательства, о котором шла речь, и сознательно выполняет другое деяние. В данном случае только он подлежит уголовной ответственности, «несостоявшийся соучастник» осво-

бождается от ответственности в связи с тем, что он не выполнял деяния, которое содержало бы объективные и субъективные признаки соучастия его в новом преступлении.

При этом английские юристы большое внимание уделяют точному определению того, что же входило в замысел соучастника, когда он совершал инкриминируемое ему деяние, насколько преступление, которое советовал совершить соучастник, само явилось вероятной причиной другого, действительно совершённого преступления.

Хотя соучастник не подлежит уголовной ответственности за деяние, совершённое исполнителем в случае умышленного отклонения последнего от совместно умышляемой линии поведения, он, тем не менее, может быть подвергнут уголовной репрессии за те действия, которые совершены им в ходе «несостоявшегося соучастия» (дело Смита – 1963 г., дело Андерсона и Морриса – 1966 г.).

Так, если А. помогает Б. совершить определённое преступление, а Б. умышленно выполняет более тяжкое преступление, но по типу сходное с тем, которое имел в виду А., и обстоятельства фактически совершённого преступления сходны с теми, которые предполагались А., то он как дополнительный участник может быть признан виновным в этом не состоявшемся (менее тяжком) преступлении [254, с. 98 – 99].

Представляется правильным исключение из ответственности соучастника умышленных действий исполнителя, не входящих в умысел соучастника. Однако вызывает сомнение возможность вменения соучастнику оконченного менее тяжкого преступления, которое в реальности не было совершено исполнителем, но это соответствует общей теории соучастия, разработанной в английском праве.

В случае совершения исполнителем более тяжкого преступления в английском праве применяется доктрина перенесённого виновного намерения, которое иногда носит название конструируемого виновного намерения. Соучастник считается виновным, если он предвидит все условия, определяющие наступление уголовной ответственности. В настоящее время ведущими прецедентами в этой области являются решения Палаты лордов по делам Пауэлла и Инглиша, состоявшимся в 1997 г.

В деле Пауэлла двое обвиняемых вместе с приятелем пришли домой к торговцу наркотиками с целью их приобретения. Открывший дверь торговец был убит выстрелом. Поскольку не было ясно, кто из троих выстрелил, обвинение сочло, что, если это сделал приятель обвиняемых, то они также виновны в тяжком убийстве, поскольку знали об оружии, которое могло быть использовано для убийства или нанесения тяжких телесных повреждений, что и было подтверждено приговором суда.

В решении Палаты лордов указывалось, что если один участник совместного преступного сообщества предвидит в качестве реальной возможности совершение в ходе преступления иного преступного действия другим участником с соответствующей *mens rea* (вина, виновная воля), то первое лицо также

виновно в совершении этого преступления. По мнению Палаты лордов, это может иметь место даже в том случае, когда один из участников «прямо или точно» не выражал своего согласия или даже прямо возражал против этого.

В деле Пауэлла требование определённой степени предвидения как «предвидения реальной возможности» было определено как «предвидение риска, который обвиняемый не принимал во внимание, полагая, что он существует в такой отдаленной степени, что в целом не представляет опасности» [235, с. 79]. Как видно, суд в данном случае исходит из предвиденья соучастником возможных действий исполнителя.

Получается, что если соучастники договорились совершить кражу, и соучастник знал о наличии у другого оружия, он должен осознавать, что этот соучастник может его использовать, и в случае причинения смерти какому-либо лицу в процессе совершения противоправного деяния, даже, если на это не было сговора, все соучастники несут ответственность за это преступление. Очевидно, что подобные суждения нередко могут привести к объективному вменению соучастнику действий исполнителя.

Противоположное решение было вынесено по делу Инглиша, который вместе с другим лицом напал на полицейского, избив его деревянной дубинкой. Хотя смерть полицейского наступила от раны, нанесённой ножом, использованным соучастником Инглиша, суд признал последнего виновным в соучастии в тяжком убийстве. Палата лордов, в свою очередь постановила, что если соучастник предполагал или предвидел, что исполнитель собирался или мог выполнить с соответствующей *mens rea* (вина, виновная воля) задуманное преступление, соучастник не может нести ответственности за совершённое преступление, если действия исполнителя совершенно отличались от первоначального плана [235, с. 79].

Общее правило, сформулированное лордом Хаттоном, таково: «... Если оружие, использованное исполнителем, отличается от оружия, которое, как соучастник ожидает, он может использовать, однако настолько же опасно по сравнению с последним, соучастник не должен избежать ответственности за тяжкое убийство из-за различия в оружии» [цит. по: 124, с. 447].

Поскольку в деле Инглиша деревянная дубинка являлась очевидно менее опасной, чем нож, постольку использование ножа (о котором он не знал) явно выводило содеянное соучастником за пределы «общего дела». (Соответственно, знай он о наличии ножа у соучастника, вопрос об ответственности Инглиша решался бы по правилу «предвиденья в ходе общего дела») [124, с. 447].

Итак, Палатой лордов было сформулировано два правила – правило «предвиденья в ходе общего дела» и правило «отличного оружия», последнее из которых широко используется в судебной практике и в настоящее время.

Так, в 1998 г. Апелляционный суд разрешил дело, согласно фактам которого после незначительного дорожного инцидента шестеро лиц напали на одного потерпевшего и стали его избивать. При этом трое использовали укороченные бильярдные кии, а остальные пинали жертву ногами. Однако в ходе избиения

один из нападавших выхватил раскладной нож и его ударом убил потерпевшего. Апеллянт, наряду с тем, кто нанёс удар ножом, был осуждён за тяжкое убийство, остальные участники нападения – за простое убийство.

Апелляционный суд отменил осуждение за тяжкое убийство, указав, что использование ножа, о котором не знали иные соучастники, подпадает под правило «отличного оружия»; дело было отправлено на новое рассмотрение [124, с. 447 – 448].

Таким образом, английское уголовное право в решении вопроса об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя исходит из позиции «общей цели» при совершении исполнителем «сопутствующего» деяния, при случайном отклонении исполнителя от запланированных действий, и из позиции «предвидения» при совершении исполнителем более тяжкого преступления.

Специфика американского уголовного права состоит в том, что оно включает в себя уголовное законодательство 50-ти штатов и федеральное уголовное законодательство, не говоря уже об округе Колумбия, а также имеющий большое значение Примерный уголовный кодекс 1962 г., разработанный американским юридическим институтом.

В ходе реформы уголовного законодательства, предпринятой в США под влиянием Примерного уголовного кодекса, окончательно утратило своё значение традиционное для англо-американского общего права разделение соучастников на исполнителя первой степени (тот, кто непосредственно осуществляет преступление), исполнителя второй степени (тот, кто оказывает содействие виновным на месте и во время совершения преступления), пособника до факта совершения преступления и пособника после факта совершения преступления.

Законодательство, принятое в большинстве штатов, не пользуется названными выше категориями, создававшими большие трудности для судебной практики. Уголовные кодексы штатов различают лишь исполнителей и соучастников в преступлении. Исполнителем признаётся не только тот, кто сам совершает преступление, но и тот, кто использует так называемого «невиновного агента» (душевнобольного, ребенка) и вообще лица, в действиях которого отсутствует вина [183, с. 55].

В уголовных кодексах отдельных штатов появилось также деление соучастников на подстрекателей и пособников в силу влияния континентального права. В других штатах такое деление не проводится, соучастник часто определяется посредством перечисления конкретных действий, составляющих соучастие.

Законодательное регулирование института соучастия не поколебало общего правила, выработанного общим правом в отношении эксцесса исполнителя преступления. Соучастник несёт ответственность за те результаты поведения исполнителя, которые были предвидимы или были вероятным следствием осуществления первоначального замысла [235, с. 200].

Примерный Уголовный кодекс США [2] не содержит нормы об эксцессе исполнителя преступления, однако из систематического толкования его норм вытекает ответственность соучастника только за свои действия.

Так, согласно ч. 4 ст. 2.06 Примерного УК США, в случаях, когда элементом посягательства является причинение определённого результата, соучастник в поведении, причиняющем такой результат, является соучастником в совершении соответствующего посягательства, если он действует в отношении этого результата с такой формой виновности, если таковая имеется на его стороне, которой достаточно для совершения этого посягательства.

В соответствии с ч. 7 ст. 2.06 Примерного УК США, соучастник может быть осуждён при доказанности совершения посягательства и его в нём соучастия, хотя бы лицо, которое, как предполагается, совершило это посягательство, не подверглось уголовному преследованию или не было осуждено, или было осуждено за другое посягательство иной степени, или пользуется иммунитетом против уголовного преследования либо осуждения, или было оправдано. При этом если соучастник не совершил преступление, предусмотренное сговором, или даже не покушался на него, другой соучастник признаётся виновным в покушении на совершение преступления (ч. 3 ст. 5.01 Примерного УК США).

Таким образом, Примерный УК США отказался от акцессорной ответственности соучастников в части вменения им любых деяний исполнителя преступления.

В уголовных кодексах отдельных штатов содержатся нормы об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления.

Так, с позиции конструкции «разумного человека» к решению вопроса об эксцессе исполнителя преступления подходит законодатель штата Миннесота. Согласно ст. 609.05 УК штата Миннесота, соучастник отвечает за любые действия исполнителя, если они были «разумно предвидимы в качестве вероятного последствия этих действий» [цит. по: 158, с. 117].

В соответствии со ст. 20.10. УК штата Нью-Йорк [33], человек не подлежит ответственности за поведение другого лица, совершающего правонарушение, когда его собственное поведение, хотя и побудило или способствовало такому нарушению, является обязательно непредвиденным к тому. Если такое поведение связано с первым нарушением, но является самостоятельным в части нарушения, совершённого исполнителем, он ответственен только за первое нарушение, а не за поведение или нарушение, совершённое другим человеком.

По УК штата Висконсин (ст. 939.05) лицо также считается соучастником «любого другого преступления, которое совершено в ходе исполнения задуманного преступления и которое при соответствующих обстоятельствах является естественным и вероятным следствием такого задуманного преступления» [цит. по: 141, с. 226].

В соответствии с п. (b) § 7.02. УК штата Техас [34], если в попытке осуществить заговор с целью свершения одного преступления (фелонии), одним из заговорщиков было совершено другое преступление (фелония), все заговор-

щики признаются виновными в фактически совершённом преступлении (фелонии), не имея никакого намерения совершить его, если правонарушение способствовало осуществлению незаконной цели и имеется то, что должно было ожидаться как результат осуществления заговора. Аналогичные положения закреплены и в ряде других уголовных кодексах отдельных штатов.

Как видно, в штатах по-разному подходят к вопросу установления эксцесса исполнителя преступления, используя либо субъективный (разумное предвидение последствий), либо объективный (естественное и вероятное следствие преступления) подходы. Иногда в силу отсутствия четких законодательных положений по данному вопросу, в одном и том же штате используются оба эти критерия. Так, в Калифорнии при рассмотрении дела в 1986 г. был применён критерий «разумного предвидения», а в более позднем деле 1996 г. – критерий «естественного и вероятного следствия» [141, с. 226].

Необходимо отметить, что подобные нормы позволяют необоснованно расширять пределы уголовной ответственности соучастников, вменяя им в вину содеянное исполнителем преступления, не охватывающееся их умыслом. Вместе с тем в некоторых штатах предпринята попытка ограничить пределы ответственности соучастников при эксцессе исполнителя, в частности, применительно к широко распространённой доктрине, согласно которой, если в ходе совершения фелонии исполнитель даже случайно причиняет смерть какому-либо лицу, то соучастник такой фелонии может быть признан виновным в тяжком убийстве. Так, в соответствии с п. 3 ст. 125.25 УК штата Нью-Йорк, утверждаемой защитой от ответственности за тяжкое убийство II степени является то, что обвиняемый не имел при себе оружия (орудия), способного причинить смерть или тяжкий телесный вред, не имел разумного основания полагать, что другой участник имел такое оружие, не имел разумного основания полагать, что другой участник намеревался осуществить поведение, которое, вероятно, имело бы своим следствием причинение смерти или тяжкого телесного вреда.

В целом институт соучастия в американском уголовном праве, базируясь на соответствующих положениях английского общего права, допускает в ряде случаев объективное вменение при эксцессе исполнителя преступления.

Правовая система Австралии формировалась под влиянием английского права. Источниками уголовного права Австралии служит законодательство Союза и отдельных штатов, а также нормы общего права. Уголовный кодекс Австралии 2002 г. [3] не даёт понятия соучастия, не называет виды соучастников, формы соучастия, однако различает соучастие, связанное общей целью (ст. 45 УК Австралии), и заговор на совершение преступления (ст. 48 УК Австралии). В соответствии с ч. (1) ст. 45 УК Австралии, лицо считается совершившим преступление, если оно помогает, подстрекает, рекомендует или обеспечивает совершение преступления кем-либо еще. Проводя соотношение с российским уголовным правом, можно сделать вывод о том, что в данной статье речь идёт о действиях, составляющих пособничество и подстрекательство. Согласно ч. (2) ст. 45 УК Австралии, лицо считается виновным в совер-

шении преступления, только если, во-первых, его поведение в действительно-сти помогает, подстрекает, рекомендует или обеспечивает совершение преступления другим лицом и, во-вторых, если при совершении вышеуказанных действий лицо либо имело намерение помогать, подстрекать, рекомендовать или обеспечивать совершение любого преступления (включая его виновные элементы) такого же вида, которое другое лицо совершило, либо имело намерение помогать, подстрекать, рекомендовать или обеспечивать совершение правонарушения другим лицом, и имеется грубая неосторожность в отношении преступления (включая его виновные элементы), которое другое лицо в действительности совершило.

Исходя из данных положений, если исполнителем было совершено иное преступление, то при решении вопроса об ответственности другого соучастника необходимо учитывать намерение лица, то есть его субъективное отношение к этим действиям, и возможность предвидения действий исполнителя, что не исключает вменения соучастнику эксцесса исполнителя преступления.

На основании вышеизложенного, в англосаксонском уголовном праве положения, регламентирующие уголовную ответственность соучастников при эксцессе исполнителя преступления, находят закрепление либо в нормативных актах, либо в судебных решениях, также являющихся источниками права, применительно к той или иной стране (штату). Решение вопроса об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления основывается в ряде стран на принципе частичной акцессорности. При этом соучастники подлежат ответственности за фактически совершённое исполнителем преступление, если оно направлено на достижение общей цели, либо выступает естественным или вероятным следствием деяния соучастников, либо ими предвиделась возможность его совершения, что влечёт возможность вменения эксцесса исполнителя преступления другим соучастникам.

§ 4. Эксцесс исполнителя преступления в уголовном законодательстве стран мусульманского права

Система религиозного права объединяет национальные системы тех государств, где религиозные нормы официально считаются источниками уголовного права. Сферой его влияния является Ближний Восток, часть Азии и Африки. Собственно мусульманское право действует в Саудовской Аравии, Йемене, Судане, Кувейте [164, с. 357]. В классическом мусульманском праве деление на отрасли было значительно менее чётким по сравнению с европейским правом. В частности, мусульманское уголовное право (укубат) включает в себя значительную часть процессуальных норм, а также норм, регулирующих исполнение наказаний [71, с. 16]. Как отмечает А.Г. Кибальник, в настоящее время, несмотря на большое количество стран, население которых в основном исповедует ислам, далеко не все они входят в систему мусульманского права. Так, Турция и Египет являются светскими государствами [132, с. 25].

К началу XX в. лишь в странах Аравийского полуострова и Персидского залива мусульманское право сохранило свои позиции и действовало универсально в своем традиционном виде. Правовые системы наиболее развитых арабских стран с некоторыми отступлениями стали строиться по двум основным образцам: романо-германскому (французскому) – Египет, Сирия, Ливан, страны Магриба, и англосаксонскому – Ирак, Судан. За мусульманским правом здесь сохранилась роль регулятора брачно-семейных, наследственных и некоторых других отношений среди мусульман (иногда и немусульман), что объяснялось все еще сохранявшимися пережитками феодализма и глубоким влиянием ислама на общественное сознание [223, с. 100]. Вместе с тем в ряде стран данной правовой системы возрождается идея так называемой «исламизации». В уголовном праве исламизация находит своё выражение в возврате к традиционному мусульманскому уголовному праву либо посредством отмены созданных по западному образцу уголовных кодексов и прямого возврата к нормам шариата, либо посредством замены таких кодексов «исламизированными» кодексами, либо посредством принятия в дополнение к «западным» уголовным кодексам мусульманского уголовного законодательства [123].

В данном параграфе будут рассмотрены лишь кодифицированные нормативные правовые акты мусульманских стран, принятые по образцу романо-германской или англосаксонской правовой системы, так как специфика мусульманского уголовного права предполагает определённые особенности в регулировании тех или иных отношений. В связи с этим, положения принятых уголовных кодексов не просто были заимствованы из законодательства той или иной страны, а были преобразованы в соответствии с традициями, присущими мусульманскому праву.

Как отмечает Нагиб Али Сейф, действующее уголовное законодательство большинства арабских стран не содержит норм, определяющих понятие эксцесса исполнителя преступления [178, с. 114]. Вместе с тем в странах, где существуют кодифицированные законодательные акты (в частности, Судан, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Ирак, Пакистан), регламентируется ответственность соучастников за совершение исполнителем иного преступления. Определение же термина «эксцесс исполнителя преступления» даётся в теории уголовного права и судебной практики.

Так, Камель Аль-Саид пишет: «Эксцесс исполнителя означает совершение исполнителем преступных действий, которые не были согласованы с другими соучастниками» [цит. по: 178, с. 114]. Такое отклонение возможно в случаях, когда исполнитель в процессе реализации задуманного встречает, например, непредвидимые осложнения и для преодоления их выбирает такой способ, который сам по себе образует преступление. Сходное определение эксцесса исполнителя содержится в работах Абуд Аль-Саража, который отмечает, что соучастник не отвечает за действия другого соучастника, если отсутствуют элементы его соучастия во втором преступлении, особенно психическая и волевая связь [цит. по: 178, с. 114]. Как видно, в теории арабского уголовного права при характеристике эксцесса исполнителя преступления основное вни-

мание уделяется субъективным критериям: отсутствие согласования, психической, волевой связи.

В законодательных положениях об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления также прослеживается субъективный критерий – вероятность предвидения последствия. Так, согласно ст. 43 УК Египта 1937 г., «кто соучаствовал в совершении преступления, подлежит ответственности за любое другое преступление, которое было совершено, хотя он и не намеревался его совершить, но совершение которого было предвидимым последствием его подстрекательства, соглашения или пособничества» [цит. по: 178, с. 118]. По смыслу данной нормы в каждом конкретном случае суду необходимо выяснять возможность предвидения соучастником последствия своих действий для исполнителя. В целом такой подход согласуется со сложившейся в данной стране теорией соучастия.

Судебная практика Иордании придерживается аналогичной позиции. Так, Нагиб Али Сейф приводит одно из решений Кассационного Суда Иордании: «Если была договорённость с исполнителем о краже, а вор, проникший в чужое помещение для похищения вещей, применит насилие к хозяину, то его подстрекателю и пособнику грозит наказание за кражу, однако, если будет доказано, что ими учитывалась такая возможность, то те будут отвечать и за второе преступление» [цит. по: 178, с. 118].

В Уголовном кодексе Ирака 1969 г. [11] вопросам соучастия посвящены ст. 47 – 54 главы 5, в которых даётся понятие исполнителя преступления и соучастников преступления, посредством перечисления действий, совершаемых ими, предусмотрены особенности ответственности соучастников, рассматривается и сговор на совершение преступления. Исполнитель и соучастник несут равное наказание, назначаемое за совершённое преступление. При этом соучастник подлежит ответственности и в случае не привлечения к ответственности исполнителя преступления, в силу обстоятельств, относящихся к личности исполнителя. Если же имеются объективные обстоятельства (за исключением личных обстоятельств), смягчающие или отягчающие наказание, они применяются в отношении всех соучастников, вне зависимости от того, были ли они им известны.

В УК Ирака содержатся нормы, относящиеся к эксцессу исполнителя преступления. Так, согласно ст. 53 УК Ирака, исполнитель или соучастник подлежит только наказанию штрафом за преступление, фактически совершённое, даже при том, что он не намеревался совершить преступление, но преступление, которое совершено, является вероятным последствием его участия в нем. В соответствии со ст. 54 УК Ирака, если намерение стороны преступления, исполнителя или соучастника, или если его знание о преступлении отличается от намерения других сторон преступления или степени их знания этого, тогда каждый из них будет наказуем согласно их намерению или степени их знания о преступлении.

Итак, УК Ирака предусматривает возможность совершения иного преступления не только исполнителем, но и соучастником преступления. Вопрос об

ответственности других соучастников при этом решается с позиции «вероятного последствия», что свидетельствует о признании наличия причинной связи между действиями соучастников и достигнутым результатом, в широком её понимании, что позволяет вменять в вину соучастника действия других соучастников при совершении ими нового преступления. Однако положительным моментом является то, что соучастник, не намеревающийся совершить именно данное преступление, не подлежит такому же наказанию, как лицо, фактически его совершившее. Применение такого правила возможно только в случае, если намерения сторон первоначально совпадали, так как при различных намерениях соучастников, при отсутствии знания о совершаемом преступлении, ответственность соучастников за подобные действия исключается по нормам ст. 54 УК Ирака.

Уголовный кодекс Пакистана от 06.10.1860 г. [18] не содержит понятия соучастия, видов соучастника, однако в нём содержатся нормы, предусматривающие ответственность соучастников, при этом особо подчеркивается необходимость наличия общности их намерений. Согласно ст. 34 УК Пакистана, когда преступное действие совершено несколькими лицами с целью способствования осуществлению общего намерения всех, каждое такое лицо несёт ответственность за это действие в той же самой степени, как если бы оно было совершено им одним.

Ст. 35 УК Пакистана предусматривает, что всякий раз, когда действие, которое является преступным только по причине того, что оно было осуществлено с преступным знанием или намерением, выполнено несколькими лицами, которые участвуют в этом действии с таким знанием или намерением, ответственны за это действие в той же самой степени, как если бы действие было выполнено ими единолично со знанием или намерением. Интерес представляет норма закона, предписывающая, что лица, заинтересованные в преступном действии, могут быть виновны в различных преступлениях. Так, в соответствии со ст. 38 УК Пакистана, в случае, когда несколько человек вовлечены или заинтересованы в совершении преступного действия, они могут быть признаны виновными в различных преступлениях посредством совершения этого действия. И далее приводится пример: А нападает на Z при таких обстоятельствах серьёзной провокации, что смерть Z повлекла бы его вину только в причинении смерти (homicide), не составляющем убийства (murder). В из-за неприязненных отношений к Z, намереваясь убить его, причём не будучи в состоянии провокации, помогает А в убийстве Z. Здесь, хотя А и В вместе причиняют смерть Z, В виновен в убийстве (murder), а А виновен только в виновном причинении смерти (homicide).

На основании вышеизложенных норм можно сделать вывод, что уголовное законодательство Пакистана при решении вопроса об ответственности соучастников в условиях эксцесса исходит из наличия у них общего намерения, знания о таком преступлении, причём признаёт возможность отклонения соучастника и в субъективной сфере. Аналогичные нормы (ст. 34, 35, 38) содержатся в УК Малайзии 1997 г. [16] (первоначально акт был принят в 1936

г., однако впоследствии был пересмотрен, и изменённая редакция вступила в силу с 07.08.1997 г.), в УК Судана 2003 г. [26] (ст. 78, 79, 81).

При решении вопроса об эксцессе исполнителя в других азиатских странах также используется правило «вероятного последствия». Соучастник подлежит ответственности за реально исполненное преступление, если в действительности совершённое деяние, по мнению суда, было вероятным последствием для «разумного человека» [167, с. 80].

Уголовное законодательство Объединённых Арабских Эмиратов и Бахрейна выделяет такие виды соучастников, как исполнитель и собственно соучастники, к которым относятся подстрекатель, сговорщик и пособник (ст. 43, 44 УК Бахрейна, ст. 44, 45 УК ОАЭ). Решение вопроса об ответственности за соучастие связано с влиянием обстоятельств, относящихся к ответственности исполнителя, на соучастников. В уголовно-правовой литературе различают реальные и личные обстоятельства. По мнению Абдель-Вахаба Хомада, реальные обстоятельства – это те обстоятельства, которые имеют отношение к материальному элементу преступления. Такие обстоятельства действуют в отношении как исполнителей, так и в отношении соучастников, независимо от того, осознавали ли они их или нет. Например, соучастники договорились о совершении простой кражи, но по каким-то причинам исполнитель совершил её со взломом или с оружием, что отягчает ответственность. В этом случае соучастники несут ответственность за квалифицированную кражу [цит. по: 177, с. 83].

Аналогичные положения находят отражение и в уголовном законодательстве. Так, согласно ст. 47 УК Бахрейна, «реальные обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, распространяются на соучастников, независимо от осознания ими наличия таких обстоятельств» [цит. по: 177, с. 83]. УК ОАЭ в ст. 49 закрепляет аналогичное положение, однако указывает не только на реальные обстоятельства, смягчающие ответственность, но и на реальные обстоятельства, отягчающие ответственность.

Заслуживает внимания изучение уголовных кодексов стран, не относящихся непосредственно к семье мусульманского права, но где так или иначе применяется мусульманское право, религиозные нормы, обычное право, что, как отмечалось выше, делает их схожими со странами мусульманского права. Так, в ряде африканских стран вопрос об уголовной ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления решается также с позиции «предвидимого последствия». Речь идет о предвидении соучастниками не только фактических обстоятельств, но и намерения исполнителя. Например, согласно ст. 35 УК Эфиопии, «в случае, когда фактический исполнитель преступления выходит за пределы того, на что рассчитывал подстрекатель, последний подлежит наказанию только за то преступление, которое он мог предвидеть» [цит. по: 167, с. 83].

Уголовный кодекс Танзании от 28.08.1945 г. [27] не раскрывает понятия соучастия, не выделяет виды соучастников, называя их всех главными виновниками. В связи с этим все соучастники подлежат наказанию, назначаемому

за совершенное преступление. Однако определяются случаи вменения соучастникам фактически совершенного деяния. Так, согласно ст. 23 УК Танзании, когда два и более лица намерены осуществить общую незаконную цель в союзе друг с другом, и в процессе достижения такой цели совершается преступление такой природы, что его совершение было вероятным последствием достижения такой цели, каждый из них считается совершившим это преступление. При этом, в соответствии со ст. 24 УК Танзании, когда лицо советует другому совершить преступление, и преступление в действительности совершено лицом, которому был дан такой совет, неважно – было ли в действительности совершено преступление такое же, как советовал, или иное, способом, который советовал или иным путем, считается в любом случае, что факты, составляющие преступление, совершённое в действительности, являлись возможным последствием осуществления совета. Получается, что совет лица совершить преступление в данном случае рассматривается как непосредственная причина, толчок к совершению исполнителем противоправного деяния, причём любого вида, даже, если преступление, к которому склоняли, не было в итоге совершено, что приводит к вменению подстрекателю любых действий исполнителя вне зависимости от его вины и осознания действий исполнителя.

Довольно подробно рассмотрен вопрос об ответственности соучастников при совершении исполнителем иного, чем планировалось, преступления в УК Ганы от 12.01.1961 г. [7], причем в правовом акте содержатся примеры, иллюстрирующие отдельно взятые случаи.

Следует отметить, что УК Ганы не проводит деления соучастников на подстрекателей, пособников, организаторов, а использует единый термин «соучастник» (ст. 20 УК Ганы). В соответствии с положениями ч. 1 ст. 21 УК Ганы, когда лицо соучаствует в совершении определённого преступления либо в преступлении против или в отношении определённого лица или предмета, и исполнитель в действительности совершает другое преступление либо совершает преступление против или в отношении другого лица или предмета, или способом, отличным от того, который охватывался намерением соучастника, должны применяться следующие положения.

Во-первых, если получается, что реально совершённое преступление не являлось возможным последствием усилий соучастника или существенно отличается от преступления, в котором намеревался участвовать соучастник, или не охватывается рамками предполагаемого соучастия, соучастник подлежит наказанию за соучастие в преступлении, которое он намеревался совершить, в размере, определяемом настоящей главой в отношении соучастия в преступлении, которое в действительности не было совершено. Так, в случае, если А. подстрекает В. совершить разбой посредством угроз, без насилия над С., а В. в попытке совершить разбой убивает С., то А. виновен только в соучастии в разбое, но не убийстве.

Во-вторых, в остальных случаях соучастник считается способствующим преступлению, которое в действительности было совершено, и должен быть

наказан соответствующе. Например, если А. подстрекает В. украсть лошадь, а В., при осуществлении подстрекательства, получает лошадь посредством ложных отговорок, то А. виновен в соучастии в преступлении, совершённом В.

Согласно ч. 2 ст. 21 УК Ганы, если лицо соучаствует в мятеже или незаконном сборище со знанием, что намеренно или вероятно будет применено незаконное насилие, оно виновно в соучастии в применении другим лицом насилия любого вида или степени, во исполнение целей мятежа или сборища, хотя оно явно и не намеревалось соучаствовать в насилии данного вида или степени. Так, в том случае, когда лица объединились с целью взломать тюрьму и освободить заключённого силой, и кто-либо из них вооружён, если одним из них будет совершено убийство во время взлома тюрьмы, то все лица, как вооружённые, так и не вооружённые, принявшие непосредственное участие или иным образом способствовавшие взлому тюрьмы, будут виновны в соучастии в убийстве, если они знали о наличии оружия, которое намеренно или вероятно будет использовано. Следовательно, УК Ганы воспринял не только идеи «предвидимого последствия», но и наличия у соучастника определённого знания, в частности, в отношении наличия у другого соучастника оружия, что обнаруживает определённое сходство в регулировании подобных случаев с английским уголовным правом.

Таким образом, в странах мусульманского права, африканских странах в уголовных кодексах не закрепляется понятие эксцесса как такового, однако содержатся нормы, касающиеся ответственности соучастников при совершении исполнителем иного преступления. При этом соучастник подлежит ответственности за реально содеянное, если в действительности совершённое исполнителем деяние является вероятным или предвидимым последствием деяния соучастника, либо связано с деянием соучастника общим намерением, знанием. Указанные правила позволяют вменять в вину соучастника действия исполнителя. Вместе с тем наличие непосредственно в тексте некоторых нормативных правовых актов примеров практического применения той или иной нормы (УК Пакистана, УК Малайзии, УК Судана, УК Ганы) способствует уяснению её истинного смысла, помогает избежать двойного толкования. В целом в тех странах, где существуют кодифицированные акты, прослеживается влияние англосаксонской либо романо-германской правовой системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что проблема эксцесса исполнителя преступления носит дискуссионный характер.

Существуют различные точки зрения на определение понятия эксцесса исполнителя преступления, на выделение количественного или качественного эксцесса исполнителя преступления, на рассмотрение вопросов о причинной и виновной связи эксцесса исполнителя преступления с предшествующей деятельностью других соучастников, о квалификации и назначения наказания соучастникам в условиях эксцесса исполнителя преступления.

В настоящей работе автор предпринял попытку разрешения наиболее существенных проблемных аспектов, связанных с эксцессом исполнителя преступления.

Суть предлагаемого нами подхода к пониманию эксцесса исполнителя преступления заключается в том, что эксцессом исполнителя преступления является не любое преступление, выходящее за пределы умысла остальных соучастников, а лишь преступление, по отношению к которому предшествующая деятельность соучастников выступает необходимым условием его совершения. Без него или без замены его равноценным преступлением, представляющее собой эксцесс, не было бы совершено.

Исходя из данного подхода, предлагается понятие эксцесса исполнителя преступления, выделяются виды количественного и качественного эксцесса, проводится разграничение эксцесса с иными преступлениями, совершёнными вне соучастия, вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Вопрос о понимании эксцесса исполнителя преступления неизбежно приводит к проблеме разрешения вопроса о правильной квалификации действий лица, допустившего эксцесс, и других соучастников преступления.

При этом проблема квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления возникает при наличии на стороне исполнителя оконченного состава преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, и являющегося однородным с первоначально задуманным преступлением.

Автором предлагается квалификация деяния исполнителя преступления, допустившего эксцесс, и других соучастников преступления, которая основывается на учете вида эксцесса, а также характера совершаемых преступлений.

Определённое место в работе отведено рассмотрению особенностей назначения наказания соучастникам при эксцессе исполнителя преступления, проводится сравнительный анализ практики назначения наказания лицам, допустившим эксцесс, и другим соучастникам преступления, делается вывод о соблюдении судами принципа дифференциации наказания, и не реализации в полной мере принципа индивидуализации наказания.

Отдельно исследуется зарубежный опыт регламентации эксцесса исполнителя преступления, указываются особенности законодательного регулирования ответственности соучастников при эксцессе исполнителя преступления, характерные для романо-германской, англосаксонской правовых систем, системы мусульманского права.

Следует отметить, что данная работа посвящена эксцессу только исполнителя преступления и не исчерпывает всех проблемных вопросов. Так, представляется перспективным посвятить самостоятельные исследования особенностям эксцесса со стороны и других соучастников преступления: организатора либо подстрекателя, либо пособника.

Конечно, не все выводы и предложения автора являются бесспорными. Полагаем, что настоящая работа может послужить материалом для дальнейших научных исследований по данной проблеме.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Законы и иные нормативные правовые акты

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.96 г. № 63-ФЗ [в ред. Федер. закона от 03.11.09 г. № 245-ФЗ] // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Примерный уголовный кодекс США: Официальный проект Института американского права / под ред. Б.С. Никифорова; пер. с англ. А.С. Никифорова. – М.: Юрид. лит., 1969. – 303 с.
3. Уголовный кодекс Австралии 2002 г. = Criminal Code 2002. [Электр. ресурс] // Australian Capital Territory. – URL: <http://www.legislation.act.gov.au/a/2002-51/current/pdf/2002-51.pdf>.
4. Уголовный кодекс Азербайджанской республики / отв. за вып. Э.М. оглы Эфендиев. – Баку: Юрид. лит., 2006. – 264 с.
5. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. Ю.А. Голика; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 238 с.
6. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н.И. Мацнева; пер. с фр. Г.И. Мачковского. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 560 с.
7. Уголовный кодекс Ганы = Criminal Code (Amendment) Act, 2003 (Act 646). (Ghana). [Электронный ресурс] // UNHCR – The UN Refugee Agency. – URL: <http://www.unhcr.org/cgi-in/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=44bf823a4>.
8. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Г.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. – 2-е изд. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.
9. Уголовный кодекс Грузии: с изм. и доп. от 01.12.01 г./науч. ред. З.К. Бигвава; пер. с груз. И. Мериджанашвили. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 409 с.
10. Уголовный кодекс Дании / под науч. ред. С.С. Беляева; пер. с дат. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 230 с.
11. Уголовный кодекс Ирака = Iraqi Penal Code 1969. [Электр. ресурс]//Case Western Reserve University School of Law. – URL: http://www.law.case.edu/saddamtrial/documents/Iraqi_Penal_Code_1969.pdf.
12. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова; пер. с исп. В.П. Зыряновой, Л.Г. Шнайдер. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.
13. Уголовный кодекс Кыргызской Республики: прин. законодат. собр. Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ. 18.09.97 г./авт. предисл. А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 350 с.
14. Уголовный кодекс Латвийской Республики: с изм. и доп. на 01.08.01 г. / науч. ред. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с латыш. А.И. Лукашова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 313 с.
15. Уголовный кодекс Литовской Республики: утв. законом № VIII-1968 г., 26.09.2000 г. / науч. ред. В. Павилониса; пер. с лит. В.П. Казанскене – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 470 с.
16. Уголовный кодекс Малайзии = Penal Code (Act No. 574) (Malaysia). 7 August 1997 г. [Электр. ресурс]//UNHCR – The UN Refugee Agency. – URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=3ae6b5cf0>.

17. Уголовный кодекс Монголии = Criminal Code of Mongolia [Электр. ресурс] // UNHCR – The UN Refugee Agency. – URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=3ed919fd4>.
18. Уголовный кодекс Пакистана = Pakistan Penal Code XLV of 1860. [Электр. ресурс] // UNHCR – The UN Refugee Agency. – URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=46b9abf02>.
19. Уголовный кодекс Республики Армения: принят Нац. Собр. Респ. Армения 18 апр. 2003 г. [Электр. ресурс] // Федер. правовой портал «Юридическая Россия». – URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?NormID=1241378>.
20. Уголовный кодекс Республики Беларусь: прин. Палатой представителей 02.06.99 г.; одобрен Советом Респ. 24.06.99 г. / предисл. проф. Б.В. Волженкина; обзор ст. А.В. Баркова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 474 с.
21. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. А.И. Лукашова, Д.В. Милушева. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 298 с.
22. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – Алматы: Юрист, 2007. – 152 с.
23. Уголовный кодекс Республики Молдова: прин. Парламентом Респ. Молдова 18.04.02 г.; с изм. и доп. на 19.12.02 г. / вступ. ст. А.И. Лукашова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 408 с.
24. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон Респ. Таджикистан от 21.05.98 г. № 574 / предисл. А.В. Федорова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 410 с.
25. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: с изм. и доп. на 15.07.01 г. / авт. вступ. ст. М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 338 с.
26. Уголовный кодекс Судана = The Penal Code, 2003 (Sudan). [Электр. ресурс] // United Nations Sudan Information Gateway. – URL: <http://www.unsudanig.org/docs/The%20Penal%20Code%20Act,%202003.pdf>.
27. Уголовный кодекс Танзании = Penal Code, Cap 16, 1945. (United Republic of Tanzania). [Электр. ресурс] // UNHCR – The UN Refugee Agency. – URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain?docid=3ae6b5de0>.
28. Уголовный кодекс Туркменистана. [Электр. ресурс] // Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. – URL: <http://www.legislationline.org/ru/legislation.php?tid=1&lid=6651>.
29. Уголовный кодекс Украины: прин. Верхов. Радой Украины 05.04.01 г. / науч. ред. В.Я. Тация, В.В. Сташиса; пер. с укр. В.Ю. Гиленченко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 393 с.
30. Уголовный кодекс ФРГ: в ред. от 13.11.98; по сост. на 15.05.03 г. / науч. ред. Д.А. Шестакова; пер. с нем. Н.С. Рачковой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 522 с.
31. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 650 с.
32. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляева; пер. со швед. С.С. Беляева. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 320 с.

33. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк = New York State Penal Law [Электр. ресурс] // University of Buffalo – Wings Central Campus Web Server. – URL: <http://wings.buffalo.edu/law/bclcl/web/structureny.htm>.
34. Уголовный кодекс штата Техас: прин. Законодат. собр. штата Техас: 63-я законодат. сессия Зак. собр. шт. Техас; вступ. в силу с 01.01.74 г.; с изм. и доп. на 01.07.03 г. / науч. ред. И.Д. Козочкина; пер. с англ. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 576 с.
35. Уголовный кодекс Японии: с изм. и доп. на 01.01.02 г. / науч. ред. А.И. Коробеева; пер. с япон. В.Н. Еремина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 226 с.
36. Модельный Уголовный кодекс: Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: принят на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ; Постановление № 7-5 от 17.02.96 г. [Электр. ресурс]//Федер. правовой портал «Юридическая Россия». – URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241285&subID=100094318,100094328,100094333,100094593#text>.
37. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб.: Тип. 2-го отделения Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1845 – 592 с.

II. Архивные материалы и материалы практики

38. О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума ВС РФ от 22.04.92 г.: [в ред. пост-я Пленума ВС от 21.12.93 г. № 11] // Бюл. ВС РФ. – 1992. – № 7.
39. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума ВС РФ от 27.12.02 г. № 29: [в ред. пост-я Пленума ВС от 06.02.07 г. № 7] // Рос. газ. – 2003. – 18 янв. – № 9; Бюл. ВС РФ. – 2007. – № 5.
40. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума ВС РФ от 11.01.07 г. № 2: [в ред. пост-я Пленума ВС от 03.04.08 г.] // РГ. – 2007. – 24 янв. – № 13; РГ – 2008. – 09 апр. – № 76.
41. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений: постановление Пленума ВС РФ от 15.11.07 г. № 45 // РГ. – 2007. – 21 нояб. – № 260.
42. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2008 г. № 8 // РГ. – 2008. – 18 июня. – № 128.
43. О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности: постановление Пленума ВС СССР от 05.09.86 г. № 11 [в ред. пост-я Пленума ВС от 30.11.90 г. № 14] // Вестн. ВС СССР. – 1991. – № 2.
44. Если умыслом виновных при разбойном нападении, совершённом по предварительному сговору группой лиц, охватывалось применение насильственных действий, направленных на причинение вреда здоровью потерпевшего, то все участники разбойного нападения несут ответственность как соисполнители: постановление Президиума ВС РФ от 06.06.07 г. № 179-П07 // Бюл. ВС РФ. – 2008. – № 4. – С. 19.

45. Приговор по делу изменён: исключено осуждение виновного по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ, поскольку из показаний, признанных судом достоверными, не видно, что умыслом осуждённого как члена организованной группы охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего по неосторожности смерть, в данном случае имел место эксцесс соисполнителей, так как избивание потерпевшего не входило в цели и планы организованной группы; наказание, назначенное по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ, смягчено: постановление Президиума ВС РФ от 13.06.07 г. № 242П07ПР [Электр. ресурс] // Док-т опубл. не был. Доступ из СПС «Консультант плюс».
46. Подстрекатель несёт ответственность за соучастие в пределах состоявшегося сговора: определение Судеб. коллегии по уголов. делам ВС РСФСР // Бюл. ВС РСФСР. – 1987. – N 2. – С. 10 – 11.
47. Один исполнитель преступления не может отвечать за те действия другого исполнителя, которые вышли за пределы соглашения между ними: определение Судеб. коллегии по уголов. делам ВС РСФСР от 20.12.90 г. // Бюл. ВС РСФСР. – 1991. – N 9. – С. 3.
48. За эксцесс исполнителя другой участник преступления ответственности не подлежит: определение Судеб. коллегии по уголов. делам ВС РФ от 19.06.03 г. № 56-о02-62 // Бюл. ВС РФ. – 2004. – № 5. – С. 20.
49. Действия лица, при завладении имуществом не применявшего к потерпевшему насилия, опасного для жизни или здоровья, и не угрожавшего таким насилием, перекалифицированы с разбоя на грабёж : определение Судеб. коллегии по уголов. делам ВС РФ от 06.06.06 г. № 75-ДО5-3 // Бюл. ВС РФ. – 2007. – № 2. – С. 23.
50. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2003 г.; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2004 г.; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2005 г.; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2006 г.; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2007 г.; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2008 г.. [Электр. ресурс] // Сайт МВД РФ. – URL: <http://www.mvd.ru/stats/>.
51. Уголовное дело № 1-127/08 по обвинению Магарамова Р.М. и Казиева Р.М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ // Архив Радужнинского гор. суда ХМАО – Югры. Д. 1-127/08.
52. Уголовное дело № 1-133-05 по обвинению Слободчикова В.М. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ и ч. 4 ст. 159 УК РФ, Переваловой О.В., Нагорной Т.А., Мирошниковой Е.С., Мирошниковой Г.М. и др. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2005 г. Д. 1-133-05. Т. 20, л. 1 – 87.
53. Уголовное дело № 1-153-05 по обвинению Тетерина К.А. и Мякишева В. А. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «в, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2005 г. Д. 1-153-05. Т. 2, л. 80 – 85.

54. Уголовное дело № 1-205-05 по обвинению Бугаева Е.Н., Першина В.В. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2005 г. Д. 1-205-05, л. 166 – 174.
55. Уголовное дело № 1-223-06 по обвинению Муллакова М.Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 162 УК РФ, Рыбко П.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2006 г. Д. 1-223-06, л. 238 – 242.
56. Уголовное дело № 1-231-06 по обвинению Фадеева В.А. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, ч. 1 ст. 111 УК РФ, Басова В.В. и Калинина А.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2006 г. Д. 1-231-06, л. 30 – 49.
57. Уголовное дело № 1-243-07 по обвинению Ральникова С.А. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33 УК РФ и п. п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, ч. 3 ст. 33 УК РФ и п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ, Парфенова А.С., Юсупова Р.Н., Ухова В.В. в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2007 г. Д. 1-243-07. Т. 7, л. 144 – 179.
58. Уголовное дело № 1-334-05 по обвинению Ананьева А.В. и Желунцына Д.А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2005 г. Д. 1-334-05. Т. 4, л. 208 – 223, 279 – 285.
59. Уголовное дело № 1-482-07 по обвинению Рожнова П.П. и Поздеевой Л.Ю. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ // Архив Калининского рай. суда г. Тюмени за 2007 г. Д. 1-482-07. Т. 2, л. 128 – 134.
60. Уголовное дело № 1-53-07 по обвинению Субботина А.Н. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ, ч. 1 ст. 105 УК РФ, Ченцова В.Л. и Тимцова А.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, Галашова В.В. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ, ч. 4 ст. 111 УК РФ // Архив Калинин. рай. суда г. Тюмени за 2007 г. Д. 1-53-07. Т. 4, л. 225 – 240.
61. Уголовное дело № 1-534-06 по обвинению Зуева А.А. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, Богданова А.Л. и Тегенцева А.В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ // Архив Калинин. рай. суда г. Тюмени за 2006 г. Д. 1-534-06. Т. 3, л. 195 – 204.
62. Уголовное дело № 1-54-06 по обвинению Рыжкова А.Л. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 166 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Фелькер П.А. и Шарова В.Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 166 УК РФ // Архив Калинин. рай. суда г. Тюмени за 2006 г. Д. 1-54-06. Т. 4, л. 200 – 214.
63. Уголовное дело № 1-637-06 по обвинению Неустроева В.Н. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166 УК РФ, ч. 2 ст. 162 УК РФ, База-

нова Е.Ю. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ // Архив Калинин. рай. суда г. Тюмени за 2006 г. Д. 1-636-06. Т. 3, л. 83 – 91.

III. Специальная литература

64. Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 467 с.
65. Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: Теория и практика правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 498с.
66. Аветисян С.С. Экссесс исполнителя в преступлениях со специальным составом // Право в вооруженных силах. – 2003. – № 12. – С. 19.
67. Агапов П.В. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации: уч. пос. / отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сарат. юрид. ин-т МВД России, 2005. – 114 с.
68. Алексеев С.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в группе: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006. – 220 с.
69. Ананьин А.Ф. Организация, подстрекательство и пособничество в групповом преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1980. – 23 с.
70. Ананьин А.Ф. Особенности эксцесса в преступлениях, совершаемых группой лиц // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права: Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: УРГУ, 1980. – С. 93 – 98.
71. Артемов В.Ю. Основные черты мусульманского уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 159 с.
72. Арутюнов А. Экссесс исполнителя и вопросы ответственности соучастников преступления // Преступное поведение (новые исследования): сб. науч. тр. / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. – М., 2002. – С. 287 – 293.
73. Арутюнов А. Экссесс исполнителя преступления, совершённого в соучастии // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 5 – 7.
74. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 52 с.
75. Арутюнов А.А. Соучастие создаёт особые основания уголовной ответственности соучастников // Адвокатская практика. – 2002. – № 5. – С. 23 – 28.
76. Арутюнов А.А. Уголовно-правовая характеристика преступного сообщества // Адвокат. – 2001. – № 2. – С. 20 – 25.
77. Арямов А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004 – 50 с.
78. Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания: учеб. пособие. – Махачкала: ДГУ, 2000.
79. Афиногенов С.В. Соучастие в преступлении. Понятие, виды и формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – 29 с.
80. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. – М.: ИД «Муравей», 2000. – 432 с.

81. Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. – Киев: Вища школа, 1980. – 216 с.
82. Балеев С.А. Дифференциация ответственности соучастников преступления // Ученые записки Казанск. ГУ. Серия: Гуманитар. науки. Т. 149. Кн. 6. – Казань: Казанск. ГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 200 – 2004.
83. Безбородов Д.А. Уголовно-правовое и криминологическое исследование подстрекательства: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – 213 с.
84. Беляев Н.А. Институт соучастия и организованная преступность // Избр. труды / предисл. Р.М. Асланова, А.И. Бойцова, Н.И. Манцева, И.М. Рагимова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003 – С. 238 – 256.
85. Берестовой Н.П. Соучастие в преступлении и особенности установления его признаков в условиях деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. – М.: МССШМ МВД СССР, 1990. – 48 с.
86. Благоев Е.В. Квалификация преступлений (теория и практика). – Ярославль: Яросл. ГУ. – 212 с.
87. Благоев Е.В. Понятие назначения наказания // Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе: сб. науч. ст. / под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль: Яросл. ГУ им. П.Г. Демидова, 2004. – С. 34 – 40.
88. Благоев Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 288 с.
89. Благоев Е.В., Шаипов Р.Х. Особенности назначения наказания соучастникам преступления / науч. ред. В.Н. Савинов. – Ярославль: Яросл. ГУ, 1993. – 48 с.
90. Брагин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юрид. лит., 1967. – 240 с.
91. Бурчак Ф.Г. Квалификация преступлений. – Киев: Политиздат Украины, 1985. – 120 с.
92. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев: Вища школа, 1986. – 208 с.
93. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. – Киев: Наукова Думка, 1969. – 216 с.
94. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2000. – 219 с.
95. Васюков В.В. Соучастие на стадии неоконченной преступной деятельности // Российская юстиция. – 2006. – № 12. – С. 42 – 44.
96. Векленко В.В. Квалификация хищений. – Омск: Омская акад. МВД России, 2001. – 256 с.
97. Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 388 с.
98. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. – М.: Юрид. лит., 1986. – 224 с.
99. Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 75 с.

100. Галактионов Е.А. Соучастие и организованная преступная деятельность: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002. – 450 с.
101. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповой преступностью средствами уголовного закона: учеб. пос. – Саратов: Саратов. ЮИ МВД России, 1999. – 63 с.
102. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. – Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2000. – 200 с.
103. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки: учеб. пособие по спецкурсу «Спорные вопросы соучастия в преступлении». – Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1973. – 140 с.
104. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. – Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1987. – 96 с.
105. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 448 с.
106. Гонтарь И. Посредственное исполнение: теория и проблемы судебной практики // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 18 – 20.
107. Горбуза А., Сухарев Е. О вменении при умышленной вине обстоятельств, допущенных по неосторожности // Сов. юстиция. – 1982. – № 18. – С. 8 – 9.
108. Гордеев Р.Н. К вопросу об эксцессе исполнителя // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. матер. междунар. науч. конф., Красноярск, 16 – 17 фев. 2006 г. Ч. 1. – Красноярск: Сиб. ЮИ МВД России, 2006. – С. 110 – 111.
109. Горелик А.С. Наказание по совокупности преступления и приговоров. Принципы, законодательство, судебная практика. – Красноярск: Соло, 1991. – 192 с.
110. Григорьев В.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: учеб. пособие. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1995. – 75 с.
111. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. – М.: Юрид. лит., – 1959. – 356 с.
112. Гузун В.У. Формы соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1975. – 22 с.
113. Гунаев А. Эксцесс исполнителя // Советская юстиция. – 1989. – № 16. – С. 21 – 22.
114. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 400 с.
115. Джекебаев У.С., Вайсберг Л.М., Судакова Р.Н. Соучастие в преступлении (Криминологические и уголовно-правовые проблемы) / отв. ред. Ш. Чинхоев. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1981. – 147 с.
116. Дядькин Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 231 с.
117. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. – М.: Компания Спутник+, 2004. – 155 с.
118. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. – 510 с.

119. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
120. Жалинский А.Э. Причинность в структуре уголовной ответственности // Российский ежегодник уголовного права. – 2006. – № 1. – С. 79 – 107.
121. Зелинский А.Ф. Соучастие в преступлении: лекция. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1971. – 44 с.
122. Епифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 229 с.
123. Есаков Г.А. Мусульманское уголовное право: возникновение и историческое развитие // Ж-л «Российское право в интернете». – 2005. – № 4. [Электр. ресурс] // URL: http://www.rpi.msal.ru/prints/200504for_law1.html.
124. Есаков Г.А. Соучастие по английскому уголовному праву // Российский ежегодник уголовного права. – 2006. – № 1. – С. 424 – 452.
125. Есаков Г.А. Типология уголовно-правовых систем современного мира // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30.01.04 г. / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Моск. гос. юрид. акад., 2004. – С. 29 – 34.
126. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 128 с.
127. Иванов С.А. Понятие вины и её основные характеристики в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 163 с.
128. Игнатова М.А. Уголовное право Италии: основные институты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 138 с.
129. Калущких Р.Г. Уголовно-правовые вопросы квалификации преступлений, совершённых в соучастии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 24 с.
130. Карлов В.П. Формы соучастия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара., 2004. – 20 с.
131. Карпова И.Б. Институт соучастия в преступлении: сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Федеративной Республики Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 28 с.
132. Кибальник А. Преступление и наказание в доктрине мусульманского уголовного права // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 25 – 29.
133. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. – Киев: Унив. тип., 1875. – 413 с.
134. Клейменов И.М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнит. исслед-е): дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – 226 с.
135. Ключев А.А. Особенности добровольного отказа от совершения преступления в неоконченном посягательстве и в соучастии: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – 201 с.
136. Ковалёв М.И. К вопросу о понятии соучастия в советском уголовном праве // Правоведение. – 1959. – № 4. – С. 97 – 105.
137. Ковалёв М.И. Соучастие в преступлении. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1999. – 204 с.

138. Козаченко И.Я., Курченко В.Н., Злоченко Я.М. Проблемы причины и причинной связи в институтах общей и особенной частей отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной и судебной практики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 791 с.
139. Козлов А.П. Соучастие: традиция и реальность. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
140. Козлов А.П. Соучастие: Уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2003. – 40 с.
141. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 478 с.
142. Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении: (О соучастии вообще и о подстрекательстве в частности). – М.: Имп. Моск. ун-т, 1881. – 211 с.
143. Комиссаров В., Дубровин И. Проблемы ответственности соисполнителей за совместные преступные действия и их вредные последствия // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 25 – 28.
144. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 1104 с.
145. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С.И. Никулина. – М.: Изд-во Менеджер совместно с изд-вом Юрайт, 2002. – 1183 с.
146. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 176 с.
147. Корчагина А.Ю. Эксцесс исполнителя преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004 – 23 с.
148. Корчагина А.Ю. Эксцесс исполнителя преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004 – 196 с.
149. Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – 194 с.
150. Кочетков А.А. Фактическая ошибка и квалификация преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991. – 19 с.
151. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. – М.: Юрид. лит., 1971. – 360 с.
152. Кригер Г.А. Наказание и его применение / отв. ред. В.Д. Меньшагин – М.: Госюриздат, 1962. – 70 с.
153. Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 300 с.
154. Кругликов Л.Л. Правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – 31 с.
155. Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Вопросы теории / науч. ред. Я.О. Мотовиловкер. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 164 с.
156. Кругликов Л.Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания: учеб. пособие. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1986. – 70 с.

157. Крылова Н.Е. Понятие соучастия в уголовном праве Франции / Н. Е. Крылова // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1999. – № 2. – С. 69 – 79.
158. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): уч. пос. – М.: Зерцало, 1998. – 208 с.
159. Кудрявцев В.Н. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. – 315 с.: [Рецензия] // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 254 – 256.
160. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
161. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
162. Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 2. / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 672 с.
163. Курс советского уголовного права. В 6 т. – Т. 2. Преступление / А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1970. – 516 с.
164. Курс уголовного права. Общая часть. – Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – 624 с.
165. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2004. – 528 с.
166. Литовченко О.Н. Соучастие в организованных группах и преступных сообществах (преступных организациях): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 187 с.
167. Лихачев В.А. Уголовное право в освободившихся странах: сравнительное исследование / отв. ред. Ф.М. Решетников. – М.: Наука, 1988. – 207 с.
168. Лыхмус У.Э. Квалификация соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тарту, 1985. – 16 с.
169. Макарова Т.Г. Виды соучастников в уголовном праве. – СПб.: ИПП (Санкт-Петербург), 2004. – 84 с.
170. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. – 316 с.
171. Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. – Волгоград: ВА МВД России, 2007. – 224 с.
172. Механизм преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1981. – 248 с.
173. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. – 279 с.
174. Михеев Р.И. Уголовно-правовая оценка общественно-опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.М. Царегородцев. – Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1983. – С. 10 – 19.
175. Мукиенко И.Н. Типология современных правовых систем: критерии и сравнительная характеристика // История гос-ва и права. – 2007. – № 3. – С. 36 – 38.
176. Мясников О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 240 с.

177. Набилъ Абдельрахман Аль-Асуми. Преступление и наказание по уголовному праву Бахрейна и Объединенных Арабских Эмиратов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 176 с.
178. Нагиб Али Сейф. Соучастие в преступлении по уголовному праву арабских стран: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – 154 с.
179. Назаренко Г.В. Квалификация особых случаев соучастия: соучастие и невменяемость // Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 94 – 97.
180. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 781 с.
181. Нерсисян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 223 с.
182. Нерсисян В.А. Понятие и формы вины в уголовном праве // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 67 – 82.
183. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право / отв. ред. В.А. Власихин. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
184. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
185. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. – Харьков: Вища школа, 1982. – 160 с.
186. Перескопов П. Экссесс исполнителя при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору // Рос. юстиция. – 2001. – № 10. – С. 74.
187. Пильников С.Г. Проблемы квалификации хищения чужого имущества, совершённого в соучастии: учеб. пос. – Волгоград: ПринТерра, 2007. – 136 с.
188. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
189. Питецкий В. Добровольный отказ соучастников преступления // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 38 – 39.
190. Плотников А.И. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие. – Оренбург: Изд-во ОИ МГЮА, 2001. – 103 с.
191. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. – 653 с.
192. Познышев С.В. Учебник уголовного права: Очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Общая часть. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 280 с.
193. Покаместов А.В. Организатор как один из видов соучастников в уголовном праве. – Воронеж: Воронеж. высш. шк. МВД России, 1997. – 56 с.
194. Попов А.Н. Убийство, совершённое преступной группой (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ЮИ Генпрокуратуры РФ, 2002. – 148 с.
195. Прозуметов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. – Томск: ООО «ДиВо», 2007. – 230 с.
196. Прохоров В.С. Вопросы теории соучастия в советской уголовно-правовой литературе // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 124 – 129.

197. Прохоров В.С. Соучастие в преступлении // Курс советского уголовного права / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – Т. 1. – С. 584 – 646.
198. Прохоров В.С. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1962. – 19 с.
199. Пушкин А.В. Подстрекательство к совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – 242 с.
200. Пушкин А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. – 2001. – № 3. – С. 27 – 30.
201. Рагимов Р.А. Проблемы назначения наказания: по матер. Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2002. – 26 с.
202. Разумов С.А. Практика назначения наказания: учеб.-практ. пособие. – М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. – 76 с.
203. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве / науч. ред. Б.В. Здравомыслов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 186 с.
204. Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве: учеб. пособие. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1980. – 91 с.
205. Рейес Дарвин В.М. Соучастие по уголовному праву латиноамериканских стран: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 162 с.
206. Российское уголовное право. В 2 т. – Т. 1. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2005. – 600 с.
207. Руднев В.И. Эксцесс исполнителя в судебной практике // Комментарий судебной практики. Вып. 9 / отв. ред. К.Б. Ярошенко – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 195 – 204.
208. Руперт Кросс. Прецедент в английском праве. – М.: Юрид. лит., 1985. – 240 с.
209. Рыжов Р.С. Уголовная ответственность соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003. – 236 с.
210. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 144 с.
211. Савельев Д.В. Преступная группа: вопросы уголовно-правовой интерпретации и ответственности. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2002. – 92 с.
212. Савельев Д.В. Преступная группа в сфере уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 156 с.
213. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: основные правовые системы современности: учеб. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юристъ, 2007. – 510 с.
214. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 368 с.
215. Слободкин Ю.М. Пособничество по уголовному праву ФРГ // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 75 – 80.
216. Слободкин Ю.М. Соучастие по уголовному праву ФРГ: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – 235 с.
217. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.И. Петровой, Л.С. Шауменко. – 15-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.

218. Словарь по уголовному праву/отв. ред. А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1997. – 702 с.
219. Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2000. – 206.
220. Соломенко И. Соучастие в исполнении незаконного приказа // Российская юстиция. – 2000. – № 5. – С. 40 – 41.
221. Сорочкин Р.А. Уголовная ответственность за преступление, совершённое с двумя формами вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 26 с.
222. Становский М.Н. Назначение наказания / под. ред. Р.М. Асланова и др. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. – 480 с.
223. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики / отв. ред. В.А. Туманов. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1986. – 256 с.
224. Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2 т. Часть общая. Т. 1.: лекции / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. – М. Наука, 1994. – 380 с.
225. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1.: лекции. – 2-е изд. – СПб.: Гос. Тип., 1902. – 823 с.
226. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. – Тула: Автограф, 2001. – 688 с.
227. Тащилин М.Т. Назначение наказания в уголовном праве Российской Федерации. – Пятигорск, 2003. – 285 с.
228. Тельнов П.Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении / отв. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 96 с.
229. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 208 с.
230. Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления / отв. ред. А.Я. Сухарев. – М.: Юрид. лит., 1982. – 96 с.
231. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. – М.: Юркнига, 2003. – 480 с.
232. Толстопятова Н.В. Экссесс соучастников в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 27 с.
233. Толстопятова Н.В. Экссесс соучастников в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 192 с.
234. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. – М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1941. – 160 с.
235. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. Англия, США, Франция, ФРГ, Япония, Италия: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л: Ин-т междунар. права и экономики, 2003. – 576 с.
236. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под ред. А.В. Шеслера. – Тюмень: ТЮИ МВД России, 2008. – 391 с.
237. Уголовное право России. Общая часть: курс лекций для вузов / под науч. ред. А.В. Шеслера. – Тюмень: Тюм. фил. НОУ «АПУ», 2006. – 384 с.
238. Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА, 2005. – 592 с.
239. Уголовное право России: учеб. / под ред. Ф.Р. Сундурова. – Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2007. – 660 с.

240. Усов В.Г. Понятие и ответственность исполнителя преступления. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2007. – 184 с.
241. Успенский А.В. Проблема обоснования причинной связи при соучастии в совершении преступления // Вест. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1998. – № 5. – С. 93 – 107.
242. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1950. – 319 с.
243. Утевский Б.С. Соучастие в преступлении / под ред. И.Т. Голякова. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 19 с.
244. Ушаков А.В. Основание и пределы ответственности соучастников преступления по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1971. – 17 с.
245. Ушаков А.В. Основание и пределы ответственности соучастников преступления по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1971. – 272 с.
246. Федотов А.В. Виды причинной связи между деянием и наступившими вредными последствиями // Ж-л российского права. – 2001. – № 12. – С. 92 – 100.
247. Хакимов И.Х. Правовые вопросы соучастия в хищении социалистического имущества / под ред. Б.С. Никифорова. – Ташкент: Фан, 1975. – 216 с.
248. Харитонов И.Р. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1985. – 15 с.
249. Хейфец И.Я. Подстрекательство к преступлению. – М.: Юрид. кн. маг. «Правоведение» И.К. Голубева, 1914. – 128 с.
250. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
251. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. – 183 с.
252. Цвиренко О.Л. К вопросу об эксцессе исполнителя преступления // Уголовное право на рубеже тысячелетий: матер. регион. науч.-практ. конф., Тюмень, 05.11.04 г. / под общ. ред. А.И. Числова, А.В. Шеслера. – Тюмень: ТЮИ МВД России, 2004. – С. 16 – 19.
253. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Госюриздат, 1963. – 382 с.
254. Черных А.В. Эксцесс исполнителя по английскому уголовному праву // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 44. / отв. ред. И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 95 – 101.
255. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы учения о соучастии // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 84 – 97.
256. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 335 с.
257. Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности: учеб. пособие. – Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2005. – 118 с.

258. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: учеб. пособие. – Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2007. – 70 с.
259. Шеслер А.В. Уголовно-правовая характеристика преступного сообщества // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: матер. Всерос. НПК, Тюмень, 26 – 27 окт. 2006 г. – Вып. 3. – ТГИМЭУП, 2007. — С. 128 – 131.
260. Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 75 с.
261. Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву / отв. ред. А.Н. Васильев. – М.: ВЮЗИ МВО СССР, 1958. – 98 с.
262. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / под ред. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 416 с.
263. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / В.Н. Кудрявцев, Н.И. Коржанский, В.Б. Малинин и др.; под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. – 798 с.
264. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении / Л.Д. Ермакова, С.И. Никулин, С.С. Аветисян и др.; под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2007. – 564 с.
265. Якушин В.А. Ошибка в уголовном праве и её влияние на пределы субъективного вменения (теорет. аспекты). – Ульяновск: УлГУ, 1997. – 62 с.
266. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – 296 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты анкетирования следователей г. Тюмени и Тюменской области (200 человек)

Выясняемый вопрос	Варианты ответов	Кол-во, в %
1. Что Вы понимаете под эксцессом исполнителя преступления?	а) совершение исполнителем преступления, выходящего за пределы умысла остальных соучастников; б) совершение исполнителем преступления, выходящего за пределы сговора (соглашения) с другими соучастниками; в) совершение исполнителем преступления, которое не предвиделось другими соучастниками; г) другое (что именно).	а) 81 % б) 25% в) 6% г) 0 %
2. По Вашему мнению, какие случаи следует признавать эксцессом исполнителя преступления?	а) совершение исполнителем как более тяжкого, так и менее тяжкого преступления по сравнению с ранее планировавшимся; б) совершение исполнителем только более тяжкого преступления по сравнению с ранее планировавшимся; в) совершение исполнителем более тяжкого преступления по сравнению с ранее планировавшимся или равной степени тяжести.	а) 66,5 % б) 22 % в) 11,5 %
3. Как Вы считаете, возможен ли эксцесс исполнителя в преступлениях, совершаемых группой лиц (без предварительного сговора)?	а) да; б) нет; в) затрудняюсь ответить.	а) 25 % б) 75 % в) 0 %
4. Возможен ли эксцесс со стороны иных соучастников преступления, кроме исполнителя?	а) да; б) нет (Переходите к вопросу 6).	а) 18,5 % б) 81,5 %
5. Кем из соучастников, кроме исполнителя, может быть допущен эксцесс?	а) организатором; б) пособником; в) подстрекателем; г) любым из соучастников.	а) 0 % б) 33 % в) 0 % г) 67 %
6. Что Вы учитываете при установлении	а) отсутствие знания соучастника о действиях лица, допустившего эксцесс;	а) 81 % б) 18,5 %

эксцесса исполнителя преступления? (можно отметить несколько вариантов ответов)	б) отсутствие совместности и согласованности действий; в) отсутствие причинной связи между действиями соучастников и преступным деянием исполнителя; г) отсутствие вины со стороны остальных соучастников; д) другое (что именно).	в) 18,5 % г) 37,5 % д) 0 %
7. Как следует квалифицировать деяние, при котором два соисполнителя (А и Б) договорились совершить грабёж, один соисполнитель (А) изъял имущество, а другой (Б) в целях завладения имуществом применяет к потерпевшему насилие, опасное для жизни и здоровья?	а) деяние (А) – как грабёж, совершённый единолично, деяние (Б) – как разбой, совершённый единолично; б) деяние (А) – как грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, деяние (Б) – как разбой, совершённый единолично; в) деяние (А) – как грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, деяние (Б) – как покушение на грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, и разбой, совершённый единолично; г) деяние (А) – как грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, деяние (Б) – как разбой, совершённый группой лиц по предварительному сговору; д) другое (как именно). (указали: на практике деяние (А) и (Б) как разбой, совершённый группой лиц по предварительному сговору).	а) 11 % б) 50 % в) 5,5 % г) 22 % д) 11,5 %
8. Необходимо ли установить правила квалификации преступных деяний при эксцессе исполнителя преступления?	а) необходимо конкретизировать или дополнить нормы Уголовного кодекса РФ; б) необходимо дать разъяснение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ; в) необходимо закрепить правила в комментарии к Уголовному кодексу РФ; г) оставить все как есть.	а) 5,5 % б) 37,5 % в) 0 % г) 57 %

Лилия Викторовна Иванова

ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Монография

Ответственный за выпуск зав. каф. Ю. В. Даровских

Редактор Г. В. Долгих
Технический редактор И. С. Губанова

Формат 60х84/16.
Гарнитура Times. Тираж 100.
Объем 6,97 у.-п.л. Заказ № 331.

ГОУ ВПО ТО
«ТЮМЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА»
625051, г. Тюмень, ул. 30 лет Победы, 102

Отпечатано с готового набора в ГУП СО «Талицкая типография»
Свердловская обл., г. Талица, ул. Исламова, 2

ДЛЯ ЗАМЕТОК